

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Сборник научных статей

Научный редактор
Л. Д. Раднаева, доктор филологических наук

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2025

УДК 80(082)
ББК 81.055я431
И 889

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № от апреля 2025 г.

Рецензенты

Н. В. Богданова-Бегларян, доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета
М. Г. Аюшеева, кандидат филологических наук, доцент
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

И 889 **Исследование речи: теоретические и прикладные аспекты:**
сборник научных статей / научный редактор Л. Д. Раднаева. —
Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2025. — 182 с.
ISBN 978-5-9793-1002-2

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным вопросам исследования и анализа речи на языках разных структур и систем.

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям и всем, интересующимся вопросами исследования речи.

Speech research: theoretical and applied aspects: collection of scientific articles / science editor L. D. Radnaeva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2025. — 182 p.
ISBN 978-5-9793-1002-2

The collection contains articles on topical issues of research and analysis of speech in languages of different structures and systems.

The collection is addressed to students, graduate students, teachers and all those interested in the issues of speech research.

DOI 10.18101/978-5-9793-1002-2-2025-1-182

УДК 80(082)
ББК 81.055я431

ISBN 978-5-9793-1002-2

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимодействие языка и речи занимает внимание ученых при этом исследователей всё больше интересуют подробные знания о свойствах речевой деятельности при говорении, чтении и восприятии, полученные в результате анализа речи в процессе экспериментальных лингвистических исследований. В настоящем сборнике представлены статьи, посвященные теоретическим и прикладным аспектам исследования устной речи в области фонетики, грамматики, лексики, дискурса, семантики, моделирования, языковой интерференции. Как правило, результаты экспериментальных данных по анализу речи выполнены на основе современных компьютерных технологий и методов анализа. В качестве материала исследования — языки, далекие друг от друга по генеалогической классификации и типологическим характеристикам: *русский, английский, монгольский, сингальский, китайский, бурятский, тибетский, турецкий*.

Авторы статей — исследователи, представляющие университеты: Санкт-Петербургский госуниверситет (г. Санкт-Петербург), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), Университет Келания (г. Коломбо, Шри Ланка), Бурятский госуниверситет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ), Читинская государственная медицинская Академия (г. Чита), Сианьский нефтяной университет 西安石油大学 (г. Сиань, провинция Шэньси, Китай), 淮南师范学院 Huainan Normal University Хуайнань педагогический институт (г. Хуайнань, провинции Аньхой, Китай), Сочинский государственный университет (г. Сочи).

Сборник подготовлен в рамках реализации научно-исследовательских работ Бурятского госуниверситета (www.bsu.ru) и развития международного сотрудничества в области науки и образования между университетами России, Монголии, Китая и Шри Ланки.

PREFACE

The interaction between language and speech occupies the attention of scientists, and researchers are increasingly interested in detailed knowledge about the properties of speech activity in speaking, reading and listening, obtained by analyzing speech in the course of experimental linguistic research. The present collection presents articles dealing with theoretical and applied aspects of speech research in phonetics, grammar, vocabulary, discourse, semantics, modeling, and language interference. As a rule, the results of experimental data on speech analysis are made on the basis of modern computer technology and analysis methods. As the material of the study — languages that are far from each other in terms of genealogical classification and typological characteristics: Russian, English, Mongolian, Sinhalese, Chinese, Buryat, Tibetan, Turkish.

The authors of the articles are researchers representing universities: St. Petersburg State University (St. Petersburg), National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), Kelaniya University (Colombo, Sri Lanka), Dorzhi Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude), Chita State Medical Academy (Chita), Xi'an Petroleum University 西安石油大学 (Xi'an). Ulan-Ude), Chita State Medical Academy (Chita), Xi'an Petroleum University 西安石油大学 (Xi'an, Shaanxi Province, China), 淮南师范学院 Huainan Normal University Huainan Pedagogical Institute (Huainan, Anhui Province, China), Sochi State University (Sochi).

The collection has been prepared within the framework of realization of research works of Buryat State University (www.bsu.ru) and development of international cooperation in the field of science and education between universities of Russia, Mongolia, China and Sri Lanka.

**ВМЕСТО ТОЧКИ В УСТНОЙ РЕЧИ:
АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО
МАРКЕРА «ВОТ» (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА
УСТНОЙ РЕЧИ МОЛОДЕЖИ)**

© **Азаревич Карина Ильинична**

стажёр-исследователь Лаборатории языковой конвергенции,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Россия, г. Санкт-Петербург

kiazarevich@edu.hse.ru

Аннотация. В статье представлено исследование функций дискурсивного маркера «вот» на материале Корпуса устной речи студентов и молодёжи (КУРС). «Вот», выделенное в отдельную элементарную дискурсивную единицу, играет роль точки в устной коммуникации. Анализ употребления этой единицы в речи показал, что с её помощью происходит структурирование устного высказывания: разбиение его на отдельные фрагменты, обозначение перехода с темы на тему, и передача собеседнику информации об окончании реплики.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, устная молодежная речь, организация реплики, делимитативная функция.

INSTEAD OF A PERIOD IN THE ORAL SPEECH: THE ANALYSIS
OF THE DISCURSIVE MARKER “VOT” (ON THE MATERIAL
OF EVERYDAY STUDENT CONVERSATIONS
RUSSIAN SPEECH CORPUS)

Karina I. Azarevich

Research assistant Laboratory of Language Convergence

National Research University “Higher School of Economics”

Russia, Saint-Petersburg

kiazarevich@edu.hse.ru

Abstract. The article presents the study of the functions of the discursive marker ‘vot’ on the material of the Everyday Student Conversations Russian Speech Corpus (ESC). ‘Vot’, singled out as a separate elementary discursive unit, plays the role of a period in oral communication. The analysis of using this unit in speech has shown that it serves as a means of structuring an oral utterance: dividing it into separate fragments, marking the transition from

one topic to another, and conveying information about the end of the utterance to the interlocutor.

Keywords: discursive marker, oral youth speech, organization of the speech turn, delimitative function.

Введение

На уровне простой рефлексии над собственной устной речью и речью окружающих людей возникает следующая гипотеза: лексическая единица «вот» нередко оказывается некоторым заменителем точки в устной речи. Другими словами, эта единица позволяет подчеркнуть завершённость мысли и организовать реплику говорящего. Цель настоящей статьи — проверить эту гипотезу на материале Корпуса устной речи студентов и молодёжи (КУРС) (1), (2), собираемого с 2023 года и по настоящий момент Лабораторией языковой конвергенции НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург.

Анализируемая единица «вот» является дискурсивным маркером, т. е. необязательной лексической единицей, с помощью которой дискурс может быть разделён на отдельные части (3). Однако нельзя сказать, что «вот» полностью совпадает со всеми параметрами дискурсивных маркеров, которые приводит Шиффрин. Так, они должны следовать в начале клаузы (3, 328) — «вот» скорее окажется в конце или будет выделен в отдельный юнит дискурса. Примером такого положения являются случаи, когда с помощью этого слова завершается реплика одного участника коммуникации и следом может прозвучать реплика другого. Однако положение вначале реплики также представляется возможным, например, в случае, если говорящий пытается продолжить прерванный по каким-то причинам монолог и берёт себе время на планирование высказывания, начиная реплику словом «вот».

А. А. Кибрик, В. И. Подлеская и Н. А. Коротаев рассматривают дискурсивный маркер «вот» в качестве регуляторных элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ), малых неканонических ЭДЕ, использующихся для организации дискурса (4, 146), просодически выделенных и расположенных между двумя отдельными ЭДЕ (Там же: 147). Особенности определения дискурсивного маркера в качестве такой единицы иллюстрируются авторами непосредственно на примере «вот», который они называют самым частотным в Корпусе рассказов о сновидениях, на материале которых они и разбирают особенности устройства устного дискурса (Там же: 147-149). Такое

акцентно выделенное «вот», по их данным, обладает делимитативной функцией: оно указывает на окончание одного отрезка дискурса и возможное начало следующего (Там же: 148).

Несмотря на то, что то, как используется «вот» в устной речи, уже было проанализировано в исследовании на материале записей из Корпуса рассказов о сновидениях (4), настоящая работа также содержит анализ функций этого маркера. Материалом для неё являются не монологи детей и подростков, а устная речь молодёжи (преимущественно студентов), функционирующая в настоящее время и представленная в разных формах коммуникации (диалог, монолог (в том числе представленный в формате записи голосового сообщения)). Предполагается, что на материале записей КУРСа будет возможно выявить разнообразные контексты функционирования этой единицы: так, делимитативная функция может проявляться как переход с одной темы на другую, либо же как сигнал собеседнику о возможности занять очередь в коммуникации (5).

Материалы

На конец марта 2025 года КУРС содержит в себе аудиозаписи от 111 информантов суммарной длительностью 1263 часа. Из них обработанными являются 548 часов, содержащих речь (как монологическую, так и диалогическую) 44 информантов, представленных в 954 эпизодах продолжительностью до 30 минут каждый. Расшифровки имеются для примерно половины эпизодов. Примерно 15% от всего имеющегося объёма представлено на сайте КУРСа (1), работающего в настоящий момент в тестовом режиме. В качестве выборки для анализа «вот» взяты именно они, так как на таком объёме представляется возможным вручную просмотреть все контексты и выделить некоторые закономерности.

Тексты расшифровок, созданные при помощи систем автоматического распознавания речи и прошедшие через экспертную проверку людьми, не похожи на прототипическую дискурсивную транскрипцию (как, например, предложенная Дж. дю Буа (6) или же использовавшаяся А. А. Кибриком и В. И. Подлесской при работе с корпусом «Рассказы о сновидениях» (4)). Так, системе расшифровок, использующейся для записей КУРСа, отмечено только начало реплики, а не начало и конец, отсутствует разделение дискурсивного отрывка на минимальные дискурсивные единицы, никак не отмечаются паузы. Тем не менее, представляется, что необходимые

для анализа черты исследуемой дискурсивной единицы заметны и при имеющейся расшифровке, поэтому отрывки дискурса, использовавшиеся для настоящего анализа, также не были приведены к виду дискурсивной транскрипции.

В репликах, где встречалась исследуемая единица, «вот» было выделено в отдельное предложение. Это было сделано для того, чтобы унифицировать то, в каком виде этот маркер представлен во всех случаях, чтобы исходное написание и положение не повлияло на анализ. В исходных расшифровках этот маркер мог оказаться как в начале, так и в конце предложения, или же внутри одного отрывка дискурса, который не был разделён на более мелкие отрывки. Все отрывки, в которых встречалась исследуемая единица, были прослушаны для того, чтобы в выборку попали только те случаи, когда «вот» являлось именно дискурсивным маркером.

Функционирование «вот» в устном дискурсе

В 219 эпизодах КУРСа присутствует 5924 случая употребления лексической единицы «вот». В выборке, взятой для анализа (35 эпизодов), это слово встречается 907 раз. Из всех них под условия, по которым «вот» можно выделить в качестве отдельной единицы дискурса (4, 14), подходит 121 вхождение.

Для анализа особенностей употребления «вот» полученные из корпуса примеры были сгруппированы в зависимости от того, где этот дискурсивный маркер находится: в конце реплики, или внутри неё. Тем самым предположительно можно выделить как минимум две разновидности делиминативной функции этой единицы: во-первых, сигнал другим говорящим о завершении некоторого отрывка дискурса, во-вторых, завершение одной темы или подтемы и переход к другой внутри одной реплики.

«Вот» как средство смены очерёдности

Легче всего «вот» в качестве регуляторной ЭДЕ заметить, когда этот дискурсивный маркер стоит на конце реплики, тем самым завершая её. Однако он оказался не самым частотным в имеющихся эпизодах. В этой функции он представлен всего 8 раз.

Для собеседника «вот» является наглядным сигналом, что можно говорить. Говорящий как бы показывает, что он закончил свою мысль и не продолжит свою реплику в тот момент, когда другой решит включиться в коммуникацию. Тем самым это слово обеспе-

чивает соблюдение очерёдности говорения и организует возможность передачи очереди в диалоге (1), (2).

(1) [00:13:21] speaker_0: С тем, что начинают себя ругать, сомневаться в себе, и в этот момент, то есть если я вижу и понимаю, то я могу тебе помочь, поддержать, то есть ну как бы ты начинаешь сильно копать в себе. **Вот.**

[00:13:53] speaker_1: В какой? (*escAF011_21*)

(2) [00:04:39] speaker_0: Сегодня точно дома. А-а завтра я иду на брови и скорее всего потом с ней гулять пойду. С этой, бровистой своей. **Вот.**

[00:04:58] speaker_1: Че она хорошая девчонка? (*escAF021_10*)

В обоих случаях произнесение «вот» указывает собеседнику на завершение реплики говорящего и позволяет ему вступить в коммуникацию со своей репликой, которой в обоих случаях становится вопрос к чему-то, что было сказано в реплике.

«Вот» и разделение речи одного говорящего на несколько реплик

Среди текстов расшифровок можно также найти реплики, в которых, как кажется, рассматриваемая единица присутствует в той же завершающей функции, как и в приведённых до этого примерах. Если же обратиться не только к самой реплике, но и к её окружению в эпизоде, становится понятно, что в здесь «вот» показывает не смену очерёдности говорения, а смену тем или подтем в рамках очереди одного участника коммуникации, как в примерах (4) и (5).

(3) [00:17:04] speaker_0: Да. Не, не, не. Просто это не этично. **Вот.**

[00:17:11] speaker_0: Так. О чем мы говорили? (*escAF009_01*)

(4) [00:07:16] speaker_0: Ну можно ли там, в этой области вот это исследовать там вот это вот все, есть ли какие-то особенности, но я думаю, есть. **Вот.**

[00:07:33] speaker_0: А точно, ты же лопатку выбросил. (*escAF009_02*)

Фактором, повлиявшим на разделение реплики на две, является здесь не использование маркера «вот», а наличие значимой для естественной коммуникации паузы. В примере (4) первая из двух приведённых реплик завершается вздохом говорящей на 2 секунды, а пауза между репликами в примере (5) составляет 5 секунд. Двухсекундная пауза следует и за «вот» в примере (6), где однако не на-

блюдается тематического перехода между разделяемыми репликами:

(5) [00:02:40] speaker_0: А почему нет? Ну, ну, ну, да. Даже когда. Там же, есть анкета информанта еще. **Вот.** И вроде бы я там указывала. Но я указываю, что я учусь. **Вот.**

[00:02:50] speaker_0: И не помню, указывала ли я где я учусь. (*escAF009_02*)

О том, что определяющую роль в выделении конца реплики после появления рассматриваемого маркера в подобных случаях играет именно длительная пауза, свидетельствует другое «вот», также встретившееся в примере (6), где пауза между этой единицей и следующим высказыванием «И вроде бы я там указывала» является менее продолжительной. Тем самым, при наличии продолжительной для естественной речи паузы после «вот», можно рассматривать этот дискурсивный маркер в подобных случаях также как сигнал конца реплики, дающий собеседнику возможность вступить в коммуникацию, которой, однако, он или она может не воспользоваться и тогда очередь будет возвращена последнему участнику.

«Вот» и организация реплики

Несмотря на то, что наиболее заметным в потоке речи кажется «вот» на конце реплики, материалы расшифровок показывают, что в большинстве случаев (107 из 122 вхождений) этот дискурсивный маркер встречался внутри реплики, способствуя организации речи внутри неё.

Произнося «вот» внутри реплики, говорящий может стремиться подчеркнуть, что следом начнётся новый дискурсивный отрезок, тематически и содержательно отличающийся от предыдущего. В этом случае вновь проявляется делимитативная функция. Единственное отличие от уже рассмотренных выше примеров состоит в длине паузы, следующей за «вот», и, возможно, в отсутствии интенции говорящего передавать очередь говорения.

(6) [00:03:39] speaker_0: Ну, мы здесь не макияж оцениваем, но все равно как-то напрягает, хотя на самом деле должно быть всё равно. **Вот.** Я сама то помню, как я красилась. Боже мой. Да. (*escAF002_19*)

(7) [00:01:10] speaker_1: Как думаешь, пельмени с соусом те-рялки нормально будет?

[00:01:13] speaker_0: Мне кажется, очень вкусно. **Вот.** Короче, мне очень было важно перед тем, как мы будем обсуждать завершение работы, чтобы он подписал мои отчеты по практике, потому что я очень переживала за них... (*escAF011_25*)

Таких примеров значительно больше, чем приведённых два, однако во всех 29 дискурсивный маркер позволяет отделить одну тему от другой. Один из возможных вариантов: после «вот» вводится новая подтема, которая дальше развивается некоторое время. Именно так происходит в примере (7): из общего обсуждения мажора медийной личности говорящая вспоминает, как сама когда-то красилась. Кроме того, случается и обратная ситуация: говорящий отвлётся от своего нарратива (как в примере (8)) и с помощью «вот» возвращается к основной теме (рассказ про увольнение). «Вот» маркирует такой переход и, возможно, позволяет говорящему выиграть время на планирование дальнейшего высказывания.

Примерно половина всех случаев, при этом, приходится на случаи, где «вот» используется не для введения новой или не для возвращения к старой теме, а для логического выстраивания нарратива путём разделения его на отдельные элементы. В особенности, такое оказывается типичным для нарративов, рассказываемых участниками коммуникации, где эта единица может встретиться не один раз за реплику, как в примере ниже.

(8) [00:11:44] speaker_0: **Вот.** Да, и ты типа вместо икса поставил вот этого, вместо игрек поставил вот этого, и смотришь, как они справляются со своими задачами. И он в общем... В целом он так и объяснил, что вот, вот так. И то есть объяснительную мне, вот, сказали писать ровно поэтому. Потому что я как икс не вышла на работу в офис после больничного. Мы это тоже обсуждали, типа... **Вот.** И я подумала: "Блин, ну круто, что он это так доходчиво, он мне объяснил без вот этой абстракции его вечной. **Вот.** Я это поняла. Их отношение, да. **Вот.** И ну он меня расхваливал очень сильно. И он еще сказал, что, ну, это как все время мне это говорит, что, типа, у меня есть задатки и управленца, и руководителя там, ну, какого-то, короче, линейного сотрудника. **Вот.** И что, ну, просто, типа, вот грустно ему. Он сказал, что относительно меня у него и у компании, типа, разочарование, но не потому, что я как-то их разочаровала, а потому, что они не смогли, ну, типа, обуздать, что ли. (*escAF011_25*)

С помощью «вот» происходит разделение реплики на 5 частей. Первая часть — пояснение концепции работников как переменных

в некотором уравнении. Во второй говорящая делится своими мыслями на этот счёт. Следующая часть посвящена выражению некоторой оценки. Затем в косвенной форме передаётся похвала руководителя. В последней же части она пересказывает его эмоции. Использование дискурсивного маркера здесь как бы помогает почувствовать эти переходы.

Среди подобных случаев, как описанный выше, можно выделить также и некоторые закономерности. Так, с помощью «вот» может разделяться некоторое вводящее в нарратив предложение и сама история, как в примере (10), переход к некоторой оценке сказанного до (11).

(10) [00:00:13] speaker_0: Рассказываю короче Сон...свой. Ээ, как ты знаешь я читаю Атаку Титанов и поэтому мне теперь часто снятся Титаны, ну, потому что они суки страшные. **Вот.** Сегодня не исключение и я там непосредственно участвовала в событиях, выдавала себя за Никасу... (AF001-03)

(11) [00:06:23] speaker_0: Ну, просто это было странно, потому что мне казалось, что до этого момента никто не смеялся, а потом в три часа ночи начали угорать. **Вот.** Это довольно интересно. (AF011-26)

«Вот» как возвращение к прерванному нарративу

Неожиданными в связи с рассмотренными до этого примерами являются 7 реплик, в которых с «вот» реплика начинается, как в примерах (12) и уже рассмотренном в прошлом разделе (9).

(12) [00:13:45] speaker_1: **Вот.** Яблочные чипсы тоже делала. И я на терке потом решила сделать обычные, картофельные. (escAF02_07)

Если обратиться к контекстам, в которых появляются эти реплики, становится понятно, что они в целом мало чем отличаются от уже проанализированных случаев. Предшествующие им реплики: «Угу» (12) и «Как Илон Маск относится» (9), являются достаточно короткими реакциями, врывающимися в предшествующий нарратив, которых говорящий мог не ожидать. Тем не менее, наличие этих реплик, являющихся реакцией на рассказываемое, приводят к появлению новой функции анализируемой единицы: в подобных случаях введение «вот» позволяет вернуться к прерванному рассказу.

Заключение

Рассмотренные в настоящем эссе примеры использования дискурсивного маркера «вот» из КУРСа позволяют выделить несколько функций этой единицы, когда она образует регуляторную ЭДЕ в репликах в диалоге. Во-первых, как это было и в работе Кибрика и Подлесской (4), «вот» сигнализирует о завершении предшествовавшего отрывка дискурса. Эта функция проявляется как внутри одной реплики, помогая организовать её или разделять на несколько отдельных реплик, так и на её конце. Тем самым (в случае второго варианта) этот дискурсивный маркер становится элементом организации turn-taking в спонтанной устной коммуникации. Тем не менее, употребление «вот» не ограничивается случаями перехода от одного отрывка дискурса к другому. В этом случае этот маркер появляется то ли как некий устный аналог точки для разделения набора нескольких ЭДЕ, которые могли бы совпадать с тем, что было бы названо предложением в письменном модусе, то ли как способ заполнения паузы, который используется говорящим для планирования дальнейшего высказывания. Кроме того, в некоторых случаях «вот», появляясь в начале реплики, обеспечивает возвращение к незаконченному рассказу.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными» (ФИ-2025-32) для выполнения фундаментальных проектов тематического плана научных исследований, предусмотренных Государственным заданием Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на 2025 год.

Литература

1. Корпус устной речи студентов и молодежи. URL: <https://esc-corpus.ru/> (дата обращения: 30.03.2025).
2. Шерстинова Т. Ю., Петрова И. А. Моделирование повседневного речевого поведения: Корпус устной речи молодежи, или ОРД V. 2.0 // Социо- и психолингвистические исследования. 2023. Вып. 11. С. 7–13.
3. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge UP, 1987.
4. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / редакторы А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. Москва: Языки славянских культур, 2009.

5. Sacks H., Schegloff, E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organisation of Turn-Taking for Conversation // *Language*, 50. 1974. P. 696–735.

6. Du Bois J. W. Transcription design principles for spoken discourse research // *Pragmatics* 1:1. P. 71–106.

References

1. Corpus ustnoj rechi studentov i molodyozhi [Internet resource]. URL: <https://esc-corpus.ru/> (last access: 30.03.2025).

2. Sherstinova T. J., Petrova I. A. Modelirovaniye povsednevnogo rechevogo povedeniya: Corpus ustnoj rechi molodyozhi, ili ORD V. 2.0. // *Socio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. 2023. Issue 11. P. 7-13.

3. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge UP, 1987.

4. Rasskazy o snovideniyah: corpusnoye issledovaniye ustnogo russkogo diskursa / Ed. A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya. Moscow: Jazyki clavyanskih kultur, 2009.

5. Sacks H., Schegloff, E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organisation of Turn-Taking for Conversation // *Language*, 50. 1974. P. 696–735.

6. Du Bois J. W. Transcription design principles for spoken discourse research // *Pragmatics* 1:1. P. 71-106.

**ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ФОНЕ ПЕРЕВОДА НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК)**

© **Арыджан Дерья**

аспирант

deryaarican962@gmail.com

© **Зорина Екатерина Сергеевна**

доцент кафедры русского языка

e.zorina@spbu.ru

Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена контрастивному анализу предикативных посессивных конструкций в русском и турецком языках на материале романа М. Шишкина «Письмовник». В исследовании рассматриваются особенности выражения посессивности в двух языках, включая типологические различия и грамматические средства: в турецком — изафетные конструкции с *var/yoğ*, в русском — конструкции типа «у X (есть) Y». Результаты показывают, как посессивные конструкции влияют на передачу субъективных отношений и эмоций в художественном тексте, а также подчеркивают роль культурных и языковых особенностей.

Ключевые слова: предикативная посессивность; изафет; контрастивный анализ; русский язык; турецкий язык; художественный текст

**PREDICATIVE POSSESSIVE CONSTRUCTIONS
IN A FICTION TEXT (AGAINST THE BACKGROUND
OF TRANSLATION INTO TURKISH)**

Derya Arican

PhD Student

deryaarican962@gmail.com

Ekaterina S. Zorina

PhD, Associate Professor, Departments of Russian Language

e.zorina@spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the contrastive analysis of predicative possessive constructions in Russian and Turkish languages on the material of M. Shishkin's novel 'Pismovnik'. The study examines the peculiarities of expressing possessive in the two languages, including typological differences and grammatical means: in Turkish — izafet constructions with var/yok, in Russian — constructions like 'X (has) Y'. The results show how possessive constructions influence the transmission of subjective attitudes and emotions in a fiction text and emphasise the role of cultural and linguistic features.

Keywords: predicative possessive; izafet; contrastive analysis; Russian; Turkish; fiction text

Категория посессивности универсальна, но способы её выражения в разных языках различаются. Она может передаваться лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами, в зависимости от особенностей каждого языка. Исследование посессивных конструкций требует контрастивного анализа, выявляющего как типологические закономерности, так и уникальные черты языков. Контрастивные исследования становятся всё более популярными, так как позволяют анализировать сходства и различия между языками, независимо от их родства, а также выявлять специфические особенности и универсальные закономерности. Этот анализ охватывает различные уровни языка и применяется в лексикографии, преподавании языков и других областях лингвистики (1, с. 154). Особое внимание уделяется сравнению родного и изучаемого языков, которое позволяет выявлять различия в семантике и функциях единиц (2, с. 26).

Материал

Материалом исследования является роман М. Шишкина «Письмовник», который представляет особый интерес с точки зрения коммуникативного подхода. Вопросы коммуникации в романе поставлен на уровне содержания, структуры и жанра. Герои романа — Владимир и Александра — ведут переписку, находясь в разных эпохах, что подчёркивает разрыв во времени и многослойность повествования. Посессивные конструкции играют важную роль в пе-

редаче субъектных отношений, характеристике персонажей и выражении их эмоций.

Основная часть

Посессивные конструкции представляют собой особый вид именных предикатов, которые выражают отношения обладания, принадлежности или связи части и целого. В русском языке поле посессивности характеризуется бицентрической структурой и включает *предикативные* и *атрибутивные* типы. К предикативным типам относятся, например, *у меня есть книга* или *я имею книгу*, а к атрибутивным типам относятся конструкции типа *моя книга* (3, с. 99). В таких конструкциях выделяются три ключевых компонента: обладатель, предмет обладания и отношение между ними. Например, в конструкции *у меня есть книга* предмет обладания (книга) занимает центральное положение, тогда как обладатель (*у меня*) интерпретируется как зависимая сущность. Таким образом, обладание в предикативных посессивных конструкциях представляется либо как наличие предмета в сфере обладателя (конструкция с *у +* род. п.), либо как действие субъекта по обладанию объектом (конструкция с глаголом «иметь»).

В турецком языке отношения принадлежности/обладания выражаются через изафетные конструкции, которые представляют собой синтаксические сочетания двух существительных, находящихся в определённой взаимосвязи. В изафетных конструкциях используются два ключевых аффикса. Генитивный аффикс (-in/-in/-un/-ün, -nin/-nin/-nun/-nün) выражает принадлежность/обладание и оформляет первый компонент (определение) двухаффиксного изафета. Притяжательный аффикс (-ı/-i/-u/-ü, -sı/-si/-su/-sü) присоединяется ко второму компоненту (определяемое) одноаффиксного и двухаффиксного изафета, выражая принадлежность объекта субъекту. С точки зрения грамматики, конструкции с формой генитива (*ilgi hâli*) играют ключевую роль в выражении обладания и принадлежности. Как отмечает Т. Бангуоглу, существительные в этой форме указывают на обладателя, подчиняющийся или охватывающий элемент и требуют наличия обладаемого, подчиненного или охватываемого элемента (4, с. 328).

Изафетные конструкции могут быть разделены на несколько типов: безаффиксный, одноаффиксный, двухаффиксный и изафетная цепь. Вопрос о статусе безаффиксного изафета и изафетной цепи

особенно спорен. Некоторые лингвисты не считают такие конструкции изафетами, тогда как другие относят их к изафетным сочетаниям. Концепция безаффиксного изафета (Т. Н. Генджан)¹ остается дискуссионной. Например, в *taş duvar* (каменная стена) *taş* (камень) указывает на материал, а остается существительным. Однако некоторые исследователи считают такие сочетания атрибутивными (*sıfat tamlaması*), интерпретируя первый компонент как прилагательное. Критики безаффиксного изафета указывают на отсутствие притяжательных аффиксов, характерных для изафетных конструкций. В изафете связь выражается аффиксами притяжательности, но здесь первый компонент лишь описывает признак второго. При добавлении притяжательных аффиксов смысл меняется: *demir kapısı* (его железная дверь), *altın yüziğü* (его золотое кольцо). Это доказывает, что в исходных сочетаниях первый компонент выполняет определительную функцию, а не является полноценным именным компонентом изафета. Изафетная цепочка (Т. Бангюоглу)² — это соединение нескольких изафетных единиц, позволяющее выражать более сложные отношения. З. Коркмаз отметила, что эта конструкция представляет собой тип изафета, в котором определяющее или определяемое слово, или оба компонента являются изафетами, образующими вложенные конструкции (5, с. 180). М. Эргин разделил изафеты на определенный (двуаффиксный) и неопределенный (однаффиксный), но не включил изафетную цепь в свою классификацию (6, с. 381–384). Л. Карахан выразила мнение, что неправильно считать, что в новом словосочетании, образованном путем связывания двух изафетов, участвуют три имени, и не признала эту конструкцию отдельным типом изафетных сочетаний (7, с. 14).

Одноаффиксный изафет формируется путем присоединения притяжательного аффикса третьего лица ко второму компоненту (определяемому слову), тогда как первый компонент остается неизменным. Он выражает общую связь между существительными без уточнения принадлежности. Отношения между словами остаются неопределенными, поскольку первый компонент не получает аффикса генитива. Например: *şehir parkı* — ‘городской парк’ (не уточняется, какой именно город, а речь идет о парке, относящемся к категории городских).

¹ Gencan T. N. Dilbilgisi. İstanbul: TDK Yayınları, 1966.

² Banguoglu T. Türkçenin grameri. Ankara: TDK Yayınları, 1998.

Двухаффиксный изафет выражает наиболее явное значение обладания, аналогичное конструкции *обладатель + объект обладания*. Первый компонент получает генитивный аффикс, второй — притяжательный аффикс третьего лица. Такой изафет четко указывает, кому принадлежит объект: *kadının şapkası* (шляпа женщины), *arabanın kapısı* (дверь машины). В первом случае выражено владение, во втором — структурная принадлежность, поскольку машина не владеет дверью, а лишь включает ее как часть целого. Данный тип изафета важен для предикативного обладания, так как допускает употребление в предикативной позиции. В отличие от русского языка, где используется конструкция *у меня есть...*, в турецком предикативное обладание выражается через *var* (есть) и *yok* (нет). Семантически предикативность определяется возможностью конструкции принимать *var/yok*, что делает высказывание законченным и выражающим реальную связь обладания.

Если обратиться к тексту романа «Письмовник», то можно сказать, что предикативные посессивные конструкции играют важную роль в модальном плане повествования в обоих языках.

1. *У девочки уши со срошейся мочкой. И легкое косоглазие. Потом появился Янкин профессор, которого ты сразу узнала, а он тебя нет. У него уши большие, мясистые, с кисточками волос, и мочки свисают до воротника* (с. 108).

Küçük kızın kulakmemeleri yapışıktı.

Belli belirsiz de şaşılık

Маленькая девушка — GEN мочка — POSS3PL срастись — PST.COP

seziliyordu. Ardından senin görür görmez tanıdığın, onun ise tanımadığı Yanka'nın hocası çıktı ortaya.

Kulakları kocaman, sarkık, fırça gibi kullarla dolu, ухо — POSS3PL огромный — SG отвислый — SG кисточка — SG как волос — PL полный — SG

kulakmemeleri de neredeyse yakasına değiyor (с.100).

Первая предикативная посессивная конструкция, где посессор выражен конструкцией «у + существительное в родительном падеже». Такая структура сначала обозначает обладание (девочка обладает ушами), а затем — принадлежность признака (уши со срошенной мочкой), где мочка представляется как характеристика ушей. В турецком переводе (букв.: ушные мочки маленькой девочки были сросшимися») конструкция не выражает владение, а передает ха-

рактеристику объекта. Предикат *yapışık*, являясь прилагательным, обозначает состояние. Двухаффиксный изафет (*kız-ın kulakmemeleri*) формально маркирует посессивную связь, но в данном контексте выражает принадлежность части целому, а не владение. Это подчеркивает разницу между грамматическим оформлением посессивности и ее семантической интерпретацией. Отсутствие глагола *var*, ключевого для предикативных посессивных конструкций, подтверждает, что здесь представлена дескриптивная, а не посессивная структура.

Вторая предикативная посессивная конструкция с предлогом *у* маркирует посессора (*у него*), а далее следуют характеристики объекта (*уши*), переданные прилагательными и атрибутивным оборотом (*с кисточками волос*), что сочетает принадлежность с описанием. В турецком *kulakları* (*его уши*) получает притяжательный аффикс *-ı*, а обладатель (профессор Янки) восстанавливается из контекста, формируя односоставный изафет, где первый компонент опущен, но подразумевается. В отличие от русского варианта с полной предикативной конструкцией, в турецком предикатом служат прилагательные (*kocaman, sarkık, dolu*), делая высказывание описательным, а не предикативно-посессивным. В русском посессивная связь выражена явно, в турецком — имплицитно, но грамматически маркирована. Обе конструкции создают образы персонажей: первая передает физические характеристики девочки, вторая формирует выразительный портрет профессора Янки.

2. *Какая разница? У тебя, может, вообще никогда не было отца. Ты еще только появился у меня в животе, а у тебя уже была только я. Считай, что непорочное зачатие* (с. 108).

Ne fark eder ki? Belki de hiçbir zaman bir baban olmadı.

Может и вообще никогда ART отец-GEN.2SG быть.COP.PST

Sen rahmime ilk düştüğünde,

NOM.2SG матка-POSS.1SG-DAT впервые падать-PRF.PTCP-POSS.2SG-LOC

Ben vardım bir tek yanında. Varsayalım günahsız gebelik. (с. 232).

NOM.1SG есть.PST.1SG только один рядом-POSS3SG-LOC

В первом предложении конструкции *у + генитив* маркирует посессора, а объект (отец) в родительном падеже подчеркивает его отсутствие в жизненном пространстве говорящего. В русском языке в отрицательных посессивных конструкциях глагол *быть* обязателен, так как отрицание охватывает не только объект, но и сам факт

его обладания (у тебя нет отца). Такая грамматикализованная конструкция не просто фиксирует отсутствие, а предполагает изначальное небытие объекта.

В турецком языке аналогичная структура выражает не отсутствие обладания, а несуществование объекта. Это обусловлено глаголом *olmak*, который констатирует факт существования в рамках родственной связи. Конструкция *bir baban olmadı* указывает, что отец никогда не существовал в реальности говорящего, тогда как *bir baban yoktu* обозначало бы именно отсутствие объекта обладания. Данная конструкция представляет собой односоставный (двухаффиксный) изафет, где первый компонент (*senin*) опущен, но имплицитно выражен через генитивный аффикс *-n* во втором компоненте (*baban*).

Второе предложение сочетает локативную и предикативно-посессивную конструкции. В первой части *ты еще только появился у меня в животе* выражается локативное значение, где субъект («ты») соотносится с пространственным локализатором («у меня в животе»), указывая на его физическое нахождение. Во второй части *а у тебя уже была только я* представлена предикативно-посессивная конструкция: субъект («у тебя») обладает объектом («я»), а глагол *была* фиксирует существование объекта в посессивной сфере субъекта. Семантическая особенность высказывания заключается в том, что объектом обладания становится сам говорящий, что подчёркивает его исключительное значение. В турецком переводе первая часть предложения выражает временную и пространственную зависимость (букв. «когда ты попал в мою матку»), где глагол *düştük* в деепричастной форме передает значение *попасть*. Это можно интерпретировать как экзистенциальную конструкцию, поскольку речь идет о возникновении состояния или события, то есть о том, где и когда субъект появился. Во второй части *ben vardım bir tek yanında* — представлено локативное высказывание, которое указывает на местоположение говорящего в отношении субъекта («я была рядом»). Модальные элементы *может, считай, уже* в русском, *belki, varsayalım* в турецком усиливают гипотетичность, создают пространство для трактовок и подчеркивают субъективность восприятия.

3. *Мама, у нас у всех полно маленьких опухолей с самого рождения. Ничего страшного! У всех женщин есть такое. Просто тебе нужно провериться. Больно?* (с. 295).

Anne, hepimizin vücudunda doğumundan itibaren

все.1PL-POSS3SG тело.3SG-LOC рождение-ABL.3SG начиная
belli şişlikler olur.

определённый-ADJ опухоль.3PL быть.PRS.3SG

Bunda korkulacak bir şey yok!

Her kadında var.

Bir kontrol edilse iyi olur elbette. Acıyor mu? (с. 272).

Каждый жешжина-LOC есть. PRS

В данном фрагменте первая предикативная посессивная конструкция у нас у всех полно маленьких опухолей с самого рождения не выражает обладание в классическом смысле, а передаёт информацию о наличии объекта в сфере субъекта, что придаёт конструкции описательный характер. Предикатив *полно* играет ключевую роль, так как он смещает фокус с активного обладания на количественно-оценочную характеристику состояния. Таким образом, конструкция имеет значение естественного распределения объекта в рамках посессора, а не значение владения. Кроме того, темпоральный детерминант *с самого рождения* уточняет, что это состояние стабильно и является естественной постоянной характеристикой объекта. Турецкий перевод представляет собой экзистенциальную конструкцию, где отсутствует изафет с генитивом, как в типичных посессивных конструкциях. Существительное *şişlikler* в именительном падеже указывает на наличие объекта, а не на обладание им. Вопрос, на который отвечает конструкция — *что есть в пространстве?* что типично для экзистенциальных конструкций. *Hepimizin vücudunda* указывает на место существования явления. Глагол *olur* подчеркивает факт существования объекта в пространстве, а не его обладание.

Во второй предикативной посессивной конструкции у всех женщин есть такое глагол *есть* выполняет не только грамматическую функцию, но и экспрессивную. В русском языке глагол «быть» может опускаться в конструкциях данного типа, если обладаемый объект предполагается или воспринимается как общеизвестный в контексте. Однако присутствие глагола «быть» подчеркивает существование явления в пределах референтной группы («у всех женщин»). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, конструкции с глаголом *есть* могут не только выражать наличие объекта у субъекта, но и подчеркивать введение нового референта в дискурс, сопровождая его описанием (8. с. 786). Дейктическое местоимение *такое* заменя-

ет конкретное название объекта («маленькие опухоли»), отвлекая внимание от обсуждаемой физической особенности. В турецком переводе конструкция является экзистенциальной, а не предикативной посессивной. Использование формы изафета *her kadının var* сформировало бы посессивную конструкцию с генитивом *kadın-in*, указывающим на владельца. Однако в *her kadında var* глагол *var* выражает существование опухолей у каждой женщины, а локативный суффикс *-da* указывает на сферу, где это существование происходит, но не на обладание объектом, как в классической посессивной конструкции.

Вывод

Исследование выявило структурные различия между русскими и турецкими предикативными посессивными конструкциями, отражающие разные механизмы выражения посессивности. В русском языке используется модель у *X (есть/нет) Y*, тогда как в турецком — двухаффиксный изафет со словами *var/yok*. В некоторых случаях русская предикативная посессивность передается в турецком экзистенциальной конструкцией с *olmak*, акцентирующей наличие объекта, а не владение. Опускание первого компонента изафета подчеркивает контекстуальную обусловленность и синтаксическую гибкость. В русском языке такие конструкции чаще выражают личное владение, тогда как в турецком акцент может смещаться на существование, характеристику или контекстуальную включенность объекта. В художественном тексте они выполняют не только грамматическую, но и стилистическую функцию, усиливая многослойность взаимодействий персонажей и глубину повествования.

Литература

1. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Москва: Восток-Запад, 2006.
2. Зокирова С. М. Контрастивные исследования на современном этапе развития лингвистики // Ученый XXI века. 2016. № 3–4 (16). С. 26.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. Санкт-Петербург: Наука, 1996.
4. Banguoglu T. Türkçenin Grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2020.
5. Korkmaz Z. Gramer terimleri sözlüğü. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2010.
6. Ergin M. Türk dil bilgisi. İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 2019.
7. Karahan L. Türkçede söz dizimi. Ankara: Akçağ Yayınları, 2021.

8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 1999.

References

1. Sternin I.A. Kontrastivnaya lingvistika. M.: "Vostok-Zapad", 2006.
2. Zokirova S.M. Kontrastivnye issledovaniya na sovremennom etape razvitiya lingvistiki // Uchenyy XXI veka. 2016. № 3-4 (16). P. 26.
3. Bondarko A.V. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'. SPb.: Nauka, 1996.
4. Banguoglu T. Türkçenin Grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2020
5. Korkmaz Z. Gramer terimleri sözlüğü. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2010.
6. Ergin M. Türk dil bilgisi. İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 2019.
7. Karahan L. Türkçede söz dizimi. Ankara: Akçağ Yayınları, 2021.
8. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd. M.: Yazyki russkoy kultury, 1999.

СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ *DKAR* «БЕЛЫЙ» В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

© Батонимаева Елена Гурбазаровна

кандидат философских наук, PhD,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Улан-Удэ, Россия

vostokelena@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям семантики лексемы *dkar* «белый» в тибетском языке. Анализ словарных статей, раскрывающих значение колоратива *dkar* «белый» позволяет выявить особенности семантики данной лексемы, которые могут быть использованы для последующих описаний восприятия данной лексемы в сравнении с другими языками. དཀར་ *dkar* может передавать цвет различных материалов и предметов, когда речь идет об естественно окрашенных предметах белого цвета. Отмечается сходство в положительном восприятии белого цвета в противоположность черному.

Ключевые слова: тибетский язык, словообразование, цветообозначение, семантика цвета, цвет, белый.

SEMANTICS OF THE COLOR DESIGNATION *DKAR* "WHITE" IN THE TIBETAN LANGUAGE

Elena G. Batonimaeva

PhD in Philology

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

vostokelena@mail.ru

Abstract. The article is devoted to semantic features of the lexeme *dkar* "white" in the Tibetan language. An analysis of dictionary entries revealing the meaning of the colorative *dkar* "white" helps us to identify the semantic features of this lexeme, which can be used for subsequent descriptions of the perception of this lexeme in comparison with other languages. "White" *dkar* means the color of various materials and objects when it comes to naturally colored white objects. There is a similarity in the positive perception of white as opposed to black.

Keywords: Tibetan language, word formation, color designation, color semantics, color, white.

Введение. Цвет является одной из наиболее значимых составляющих культуры. Цвет окружен системой ассоциаций и смысловых значений, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей и обладает определенной символикой. В своей работе Балакина В.В. тонко отмечает, что «возможно, из-за эмоционального воздействия на чувства человек наделил цвет определенным символическим значением. В ощущениях, передаваемых цветом, скрыты природные ассоциации, которые в нашем сознании заложены почти на генетическом уровне, влияние культурных национальных традиций человека, а также цветовые ассоциации личных переживаний и впечатлений» (1, с. 320).

В настоящее время лексика цветообозначений активно исследуется на при мере многих языков, ученые большое внимание уделяют выявлению универсальных и национальных особенностей цветообозначений, семантики и символики цвета. В данной работе обращение внимания к белому цвету в мировоззрении тибетцев обусловлено, прежде всего тем, что белый цвет обладает большим семантическим богатством и охватывает самые разные сферы жизни. Кроме того, буряты, калмыки и тувинцы являются коренными народами России, традиционно исповедующими буддизм в его тибетской форме. Все вместе вызывает особый интерес для выявления общего и отличительного в восприятии белого цвета, в частности, тибетцев и бурят.

Объектом данной статьи является лексема དཀར་ dkar «белый» в тибетском языке и слова, образованные с помощью данной лексемы, которые представлены в словарях тибетского языка. Раскрытие значение колоратива དཀར་ dkar «белый» позволит выявить семантику данной лексемы, а результаты могут быть использованы для последующих описаний восприятия данной лексемы в сравнении с другими языками.

Цветообозначение «белый»

В «Тибетско-русско-английском словаре с санскритскими параллелями» Ю.Н. Рериха лексема དཀར་པོ་ dkar po представлена значениями: 1) *белый; светлый; чистый; незапятнанный*; 2) *перен. мудрый, талантливый*; 3) *перен. серебро* 4) *перен. лунный свет* 5) *Венера (планета)* 6) *третий год шестидесятилетнего цикла* (ТРАС: 95).

В «Кратком тибетско-русском словаре» под редакцией Ю.М. Парфионовича лексема དཀར་ dkar по представлена значениями 1) *белый*; 2) *справедливый, честный*; 3) *талантливый*. А сокращенная форма «белого» དཀར་ dkar имеет значения 1) *белый*; 2) *честный, добродетельный, чистый* (КТРС: 21).

Сокращенная форма слова དཀར་ dkar широко используется в образовании новых слов в своем прямом значении «белый» и «светлый», когда речь идет об естественно окрашенных предметах белого цвета. Например: དཀར་པང་ dkar pang *белая доска* (པང་ pang *доска*); དཀར་ཤ་ dkar sha *белый гриб* (ཤ་ sha сокр. от ཤ་མ་ sha mo *гриб*); དཀར་འོད་ dkar 'od *светлячок* (букв. *белый свет*, འོད་ 'od *свет*); དཀར་ཁུང་ dkar khung *проход, окно, дымоход, отверстие в крыше или стене для доступа света и выхода дым* (букв. *светлая дыра*, ཁུང་ khung *дыра*).

Тибетская «традиция составления и использования в текстах поэтических выражений (тиб. mngon brjod, букв.: «ясные изречения», часто переводят как «синонимы», «эпитеты», «иносказания», «именования») восходит к санскритской литературе» (7, стр. 88). В своем прямом значении «белый» དཀར་ dkar используется в образовании поэтических выражений, означающих предметы и явления белого цвета. Например, དཀར་ཐོག་ dkar thog *ячмень, пиеница, рис* (букв. *белые злаки*); དཀར་མདའ་ dkar mda' *падающая звезда* (букв. *белая стрела*); དཀར་མདོག་ཅན་ dkar mdog can *серебро* (букв. *имеющий белый цвет*); དཀར་ལྗང་ dkar ldan *Луна* (букв. *обладающая белым*).

С помощью དཀར་ dkar в тибетском языке также образуются слова, характеризующие человека. Так, དཀར་མི་ dkar mi букв. *белый человек* переводится как *клянущийся, дающий клятву* и характеризует честного человека. Во втором значении определение «белый человек» показывает, что это *родной человек, любимый человек, близкий друг, душевный друг или закадычный приятель*. С похожим определением *близкого человека, близкого родственника, истинного друга или дружба* выступает слово དཀར་ཉེ་ dkar nye (букв. *белый близкий*) — это тот человек, у которого རྩ་དཀར་ blo dkar *доброе сердце, доброта, сердечность* (букв. *белое сердце, белый ум*).

Для сравнения в бурятском языке «в переносном значении концептосфера данного цвета характеризует и черты характера человека, так, о незлопамятном, безобидном, добродушном человеке буря-

ты говорят: *сагаан хүн* букв. «белый человек»; *сагаан зантай* букв. «с белым характером», *сагаан ханаатай* букв. «с белыми помыслами», *сагаан сэдхэлтэй хүн* букв. «с белой душой человек» (5, стр. 13-14). Похожая положительная характеристика есть в русском языке — «светлая личность», которая определяет отзывчивого, щедрого, творящего добро человека. В английском языке выражение *white-man* означает человек невинный, незапятнанный, *white-handed* — честный (2, стр. 39).

Однако наряду с несущими положительными характеристиками, в тибетском языке существует словосочетание с དཀར་པོ་ *dkar po*, имеющим отрицательный характер. Речь идет о པོ་མོ་ག་དཀར་པོ་ *pho rog dkar po* (досл. *белая ворона*), которое переводится на русский язык фразеологическим эквивалентом «белая ворона». Тибетцы «белой вороной» называют человека, чье поведение и образ жизни чем-то отличается от большинства, и воспринимается окружающими как отрицательное и нежелательное для повторения. Однако следует заметить, тибетцы признают исключения среди «белых ворон». Это, те «белые вороны», которые шли в ногу со временем, смело говорили, писали и действовали, что сейчас общество считает их уже новаторами. Итак, «белая ворона» хоть и характеризуется с негативной стороны, в некоторых случаях имеет и положительный оттенок уникальности личности.

Также, как и во многих языках мира, в тибетском языке молоко принято обозначать через белый цвет. В тибетском языке есть специальное слово, обозначающее молочную пищу (молоко, творог, масло, сыр и другие молочные продукты), как དཀར་ཆུ་ *dkar chu* (букв. *белая вода*). Прекрасное летнее время, когда изобилие *белой воды* тибетцы называют *белым временем* — དཀར་དུས་ *dkar dus* (букв. *белое время*). Среди буддийских терминов также есть слова, в которых དཀར་ *dkar* означают молочные продукты. Так དཀར་གསུམ་ *dkar gsum* букв. *три белых* — это молоко, творог и масло переводятся как «*три белых подношения*». Эти три продукта считаются приемлемыми для подготовки и проведения буддийских практик. Или དཀར་བཅུད་གསུམ་ *dkar bcud gsum* *сливки снятые с молока самки яка, овцы, коровы* (букв. *тройной белый эликсир*).

Интересно, что в монгольском языке различают «*цагаан идээ*» и «*цагаан хоол*» буквальный перевод обоих выражений «*белая пища*», но используются в совершенно разных значениях. «*Цагаан идээ*»

как и бурятское «сагаан эдээн» (букв. *белая пища*) означают молочную пищу. А вот «цагаан хоол» монголы используют уже в значении «вегетарианская еда», и отсюда происходит слово «цагаан хоолтон» вегетарианец (букв. *тот, кто есть белую пищу*). На тибетском вегетарианец будет ཤ་མེད sha med (букв. *без мяса*, т.е. *тот, кто не ест мяса*), или могут использовать заимствованное слово གླིག་ན་ wi gan (ГСТ: 153). А вот དཀར་ཟས་ dkar zas (букв. *белая пища*) или ཟས་དཀར་ zas dkar (букв. *белая пища*) уже означают *вегетарианскую пищу* (БТКС: 2455). Хотя в толковом словаре Чойдак Бадмажапова (1897-1972) ཟས་དཀར་ zas dkar имеет значение *молочная пища* (ТСТЯ: 758), в настоящее время за этим словом закрепилось значение *вегетарианская пища*. Таким образом, монгольское «цагаан идээ» и бурятское «сагаан эдээн» означают молочную пищу, тогда как монгольское «цагаан хоол» и тибетское དཀར་ཟས་/ ཟས་དཀར་ означают вегетарианскую пищу.

Белое и черное

В представлении тибетцев, как и многих народов мира, категории «свет и тьма», «добро и зло», «хорошее и плохое» проявляется в противопоставлении белого и чёрного цветов. Белый цвет ассоциируется с идеей добра, а чёрный цвет ассоциируется с идеей зла. Тибетское དཀར་ནག་ dkar nag (букв. *белый черный*) имеет значения: 1) *черно и белое*, 2) *добро и зло*, 3) *порок и добродетель*, 4) *правильное и неправильное*.

Для тибетской культуры символическое значение цвета неразрывно связано с философией буддизма и буддийским искусством. Индийский ученый Ом Чанд Ханда пишет, что «белый цвет представляет раджастический («царственный») характер, желтый — саттвическое (равновесное) настроение, а красный, синий и черный — тамастический (жесткий) характер. Как правило, боги изображены белым и желтым; гоблины — красным, а демонические персонажи окрашены в черный цвет (4, стр. 225). Известный тибетский ученый ойрат-монгольского происхождения Сумба-Хамбо Ешей Бальчжор (1704–1788) в своем сочинении по теории цвета подразделял цвета на «отцовские» и «материнские». «Цветами-слугами являлись тона, образующиеся из смешивания с черной краской. Ими пользовались при изображении чертей, ведьм и других персонажей» (6, стр. 95-96).

Так лексема དཀར་ dkar применяется в образовании слов, символизирующие что-то «хорошее» и «добродетельное». Например, དཀར་ཟླ་

dkar thig (букв. *белые линии*) означает рисунки, нарисованные белым цветом внутри и снаружи дома, приносящие счастье. Светильники, зажигаемые перед божествами, называются དཀར་མེ་ dkar me (букв. *белый огонь*), а масло для украшения ритуальных хлебцев — དཀར་གྱུན་ dkar gyan (букв. *белое украшение*).

Приведем несколько примеров с противопоставлением белого и чёрного как «добро и зло», «хорошее и плохое»: དཀར་ལས་ dkar las *добродетель* (букв. *белое деяние*) и རྒྱལ་ལས་ pag las *греховное деяние* (букв. *черное деяние*); སེམས་དཀར་པོ་ sems dkar po *добродетельный* (букв. *белый ум*) и སེམས་རྒྱལ་པོ་ sems pag po *злонамеренный, недоброжелательный* (бук. *чёрный ум*).

В этой связи процитируем интересное наблюдение переводчика, главного редактора книжной серии «Самадхи» А. А. Нариньяни, что «при синхронном переводе для западной (особенно американской) аудитории использование столь популярной у многих тибетских лам полярной конструкции черное/белое (см. черный/белый ум, черная/белая карма, черное лицо и т. д.) в привязке к оппозиции дурной/благой может быть чревато если и не коммуникативным фиаско, то, во всяком случае, поднятыми бровями и обиженными вопросами. Руководствуясь соображениями «политкорректности», перевод приходится зачастую адаптировать или же сопровождать комментариями оправдательно извинительного характера, совершая при этом краткий экскурс в исторические реалии Тибетского Плато раннего Средневековья с целью продемонстрировать отсутствие в идиоме какого бы то ни было расового подтекста. (3)

Таким образом, символическое значение цвета у тибетцев следует рассматривать в тесной связи с буддийскими представлениями и буддийским искусством. Буддийская терминология с использованием не только «белого и черного», а вообще всех цветообозначений огромна. Это тема, требующая специального отдельного изучения, большой работы со специальными словарями по буддийской терминологии, глубинных познаний в области буддийского искусства.

Заключение

Будучи одной из древнейших категорий познания, цветообозначения в разных языках имеет много универсальных закономерностей. Цветообозначение *белый* употребляется в прямом значении предметов белого цвета, характеристики человека. Встречается в художественных текстах в виде поэтических выражений. Символика цвета положительная для белого и отрицательная для черного

является древней и универсальной для многих народов, в том числе и тибетцев. В тибетском языке цвета приобрели символическое значение и идут в неразрывной связи с философией буддизма и буддийского искусства.

Литература

1. Балакина В. В. Сравнение символики цвета во фразеологизмах с компонентом цветообозначения в китайском и русском языках // Языки. Культуры. Перевод. 2015. № 1. С. 319–326.
2. Макеев И. В. Мир чувств и личностных качеств в цветовых характеристиках (на материале русского и английского языков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: филология, журналистика. 2014. Т. 14, № 4. С. 38–42.
3. Нариньяни А. А. Топонимия тела в метафорической идиоме разговорного тибетского языка. URL: <https://buddhist-translations.ru/content/114-narinyani-toponimiya-tela.html> (дата обращения: 17.03.2025).
4. Ом Чанд Ханда Обзор буддийского духовного искусства // Искусство Евразии. 2019. № 4(15). С. 219–232.
5. Хинзеева Д. П. Концептосфера цветообозначения сагаан «белый» в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 11–15.
6. Цултэм Ням-Осорын Искусство Монголии. Москва: Изобретательное искусство, 1982. 232 с., ил.
7. Яхонтова Н. С. Словарь «Лучи луны» — один из источников тибетско-монгольского словаря Суматиратны // Монголика — XV: сборник статей. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 88–93.

Словари

БТКС — Большой тибетско-китайский словарь. Bod rgya tshig mdzod chen po. Пекин, 2010. 3295 с. + ил.

КТРС — Краткий тибетско-русский словарь / составили Б. В. Семичов, Ю. М. Парфионович, Б. Д. Дандарон; под редакцией Ю. М. Парфионовича; Государственное изд-во иностр. и нац. словарей. Москва, 1963. 584 с.

ТРАС — Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями: в 11-ти выпусках / под общей редакцией Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. Москва: Наука, 1983.

ТСТЯ — Толковый словарь тибетского языка Чойдак Бадмажапова. dge bshes chos kyi grags pas brtsams pa'i brda dag ming tshig gsal ba bzhuks so. Пекин, 1981. 971 с.

ГСТ — Глоссарий стандартизированных терминов. Tibetan of Standardised terms with Tibetan definitions. Serial 9. Department of Education (CTA). 2016. p. 174.

References

1. Balakina V. V. Sravnenie simviliki tsveta vo frazeologizmah s komponentom tsvetooboznacheniya v kitaiskom i russkom yazikah // Yaziki. Kulturi. Perevod. 2015. №1. Pp. 319-326.
2. Makeenko I. V. Mir chuvstv i lichnostnih kachestv v tsvetovih harakteristikah (na material russkogo i angliiskogo yazikov) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: folologiya, zurnalistika. 2014. Vol. 14. №4. Pp. 38-42.
3. Narinyani A. A. Toponimiya tela v metaforichnoi idiome razgovornogo tibetskogo yazika. <https://buddhist-translations.ru/content/114-narinyani-toponimiya-tela.html>. (data obrashheniya: 17.03.25).
4. Om Chand Handa Obzor buddiiskogo duhovnogo iskusstva // Iskusstvo Evrazii. 2019. №4 (15). Pp. 219-232.
5. Hinzeeva D. P. Kontseptosfera tsvetooboznacheniya sagaan “belii” v buryatskom yazike // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №10. Pp.11-15.
6. Tsultem Nyam-Osorin Iskusstvo Mongolii. Moskva: Izobrazitelnoe iskusstvo. 1982. 232 p., ill.
7. Yahontova N. S. Slovar “Luchi luni” — odin iz istochnikov tibetsko-mongolskogo slovaryia Sumatiratni // Mongolika — XV: Sb. st. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2015. Pp. 88-93.

Dictionaries

BTKS — Bolshoi tibetsko-kitaiskii slovar. Bod rgya tshig mdzod chen po. Pekin. 2010. 3295 p. + ill.

KTRS — Kratkii tibetsko-russkii slovar. Sostavili: B. V. Semichov, Yu. M. Parfionovich, B. D. Dandaron / Pod redaktsiei Yu. M. Parfionovicha. Gosudarstvennoe izd-vo inostr. i nats. Slovarei. Moskva, 1963. 584 p.

TRAS — Rerih Yu. N. Tibetsko-russkii-angliiskii slovar s sanskritskimi parallelyami: d 11-ti vipuskah / Pod obshei redaktsiei Yu. Parfionovicha i V. Dilkovoi. Izd-vo: Nauka. Moskva, 1983.

TSTY — Tolkovii slovar tibetskogo yazika Choidak Badmazapova. dge bshes chos kyi grags pas brtsams pa'i brda dag ming tshig gsal ba bzhugs so. Pekin, 1981. 971 p.

GST — Tibetan of Standardised terms with Tibetan definitions. Serial 9. Department of Education (CTA). 2016. 174 p.

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ФОНЕСТЕМ В ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ ПРОЗЫ ОСКАРА УАЙЛЬДА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© Будажапова Сэсэгма Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

sesegbud@yandex.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу просодических средств и фонестем в прозе Оскара Уайльда с позиций дискурс-анализа. Цель работы — выявить специфику взаимодействия звуковых паттернов и ритмических структур в создании авторского стиля и организации нарратива. Методологическая база включает лингвостилистический анализ, корпусные методы и сравнительный подход. Результаты демонстрируют, что просодические элементы (ритм, интонационное оформление, паузация) и фонестемные повторы (аллитерации, ассонансы) выполняют у Уайльда двойную функцию: служат инструментами эстетизации текста и одновременно участвуют в конструировании дискурсивных стратегий. Особое внимание уделяется роли этих элементов в маркировке иронии, парадоксов и смены нарративных перспектив.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, просодический анализ, фонестемы, дискурс-анализ, лингвостилистика, звуковые повторы, ритмическая организация, нарративные стратегии, английская литература XIX века, эстетизм.

THE ROLE OF PROSODIC FEATURES AND PHONESTHEMES IN DISCOURSE ANALYSIS OF OSCAR WILDE'S PROSE: LINGUISTIC AND STYLISTIC ASPECTS

Sesegma V. Budazhapova

PhD in Philology, Associate Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

sesegbud@yandex.ru

Abstract. This study presents a comprehensive analysis of prosodic features and phonesthemes in Oscar Wilde's prose from the perspective of discourse analysis. The aim of the research is to examine the interaction of sound patterns and rhythmic structures in shaping the author's style and narrative or-

ganization. The methodological framework includes linguistic-stylistic analysis, corpus methods, and a comparative approach. The findings demonstrate that prosodic elements (rhythm, intonation, pausing) and phonesthetic repetitions (alliteration, assonance) serve a dual function in Wilde's works: they act as tools for text aestheticization while simultaneously contributing to the construction of discursive strategies. Special attention is paid to the role of these elements in marking irony, paradoxes, and shifts in narrative perspectives.

Keywords: Oscar Wilde, prosodic analysis, phonesthemes, discourse analysis, linguistic stylistics, sound repetition, rhythmic organization, narrative strategies, 19th-century English literature, aestheticism.

Введение. Актуальность исследования просодических особенностей прозы Оскара Уайльда (1854–1900) обусловлена необходимостью переосмысления его литературного наследия в контексте современных лингвистических подходов. Как центральная фигура европейского эстетизма и декаданса, Уайльд создал уникальную стилевую систему, где форма и содержание образуют неразрывное единство (Ellmann, 1988). Его проза, насыщенная парадоксами, иронией и афористичностью, представляет особый интерес для лингвистического исследования благодаря тщательно выстроенной системе звуковых паттернов и ритмических структур.

В последние десятилетия в лингвистике наблюдается рост интереса к изучению просодической организации художественного текста (Leech & Short, 2007). Однако проза Уайльда до сих пор не становилась объектом комплексного просодического анализа, несмотря на очевидную значимость звуковых и ритмических элементов в его стиле. Данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что просодические средства и фонестемы у Уайльда выполняют не только эстетическую, но и важнейшую дискурсивную функцию, участвуя в организации нарратива и передаче имплицитных смыслов. Цель работы — выявить и систематизировать основные механизмы их функционирования.

Теоретическая база: термины и подходы

Просодия в лингвистике определяется как система супrasegmentных элементов речи, включающая ритм, ударение, интонацию и паузы, которые организуют высказывание в целостную структуру (Crystal, 2008). В художественном тексте просодия имитирует устную коммуникацию, направляя внимание читателя. Фонестемы — звуковые повторы (аллитерации, ассонансы, консонансы), создаю-

щие фонетическую гармонию и выделяющие семантически значимые элементы (Sampson, 2012).

Дискурс-анализ прозы Уайльда требует учёта как лингвистических, так и литературоведческих методов. Как отмечает Пол Симпсон, «стиль Уайльда — это игра на грани между эстетикой и прагматикой, где звук становится смыслом» (Simpson, 2003). Лингвист Мария Карбоне подчёркивает, что «просодические паттерны в его текстах маркируют иронию и смену нарративных перспектив» (Carbone, 2016).

Фонестемы: звуковая архитектура смыслов

Уайльд использует фонестемы для акцентуации ключевых идей, часто связывая их с парадоксами. В романе «Портрет Дориана Грея» аллитерации подчёркивают философские тезисы лорда Генри: «The only way to get rid of a temptation is to yield to it». Повтор звука [t] («temptation», «yield to it») создаёт ритмический импульс, превращая фразу в афоризм. Эмилио Роза отмечает, что у Уайльда «аллитерации маркируют тезисы, делая их запоминающимися через фонетическую яркость» (Rosi, 2015).

В пьесе «Как важно быть серьёзным» звуковые повторы усиливают комический абсурд:

«To lose one parent may be regarded as a misfortune; to lose both looks like carelessness».

Аллитерация на [l] («lose», «looks like», «carelessness») подчёркивает контраст между трагедией и её иронической интерпретацией. Анна Белл указывает, что «звуковые паттерны у Уайльда работают как скрытые дискурсивные маркеры, сигнализирующие о смене тона» (Bell, 2017). Интересный пример — описание сада в «Портрете Дориана Грея»: «The sullen murmur of the bees shouldering their way through the long unmown grass...». Повторы [s] и [m] создают звуковой образ увядания, связывая фонетику с темой декаданса. Здесь фонестемы становятся семиотическими маркерами, соединяющими форму и содержание.

Просодия: ритм как инструмент нарратива

Ритмическая организация текста у Уайльда часто имитирует устную речь, особенно в диалогах. Короткие, афористичные фразы лорда Генри напоминают театральные реплики: «The only thing worse than being talked about is not being talked about». Чередование ударных слогов («worse», «talked», «about») создаёт эффект устного выступления. Марк Лансеро утверждает, что «просодия у Уайльда

структурирует дискурс, выделяя ключевые идеи, подобно интонационным акцентам в живой речи» (Lancero, 2019).

Паузы, обозначенные тире и многоточиями, играют роль невербальных сигналов. В диалоге из «Как важно быть серьёзным»:

«Cecily: When I see a spade I call it a spade.

Algernon: I am glad to say I have never seen a spade».

Пауза после реплики Эджернона усиливает комический эффект. Клара Мюррей пишет: «Тире и многоточия у Уайльда заменяют мимику и жесты, управляя темпоральностью восприятия» (Murray, 2020).

В «Саломее» ритм приобретает гипнотическую монотонность, отражая одержимость героини: «Я поцелую твой рот, Иоканаан, я поцелую твой рот». Повтор фразы имитирует ритуальное заклинание, где просодия становится частью психологической характеристики персонажа.

Дискурс-анализ: между эстетикой и прагматикой

Споры лингвистов о роли звуковых средств у Уайльда отражают двойственность их функции. Пол Симпсон настаивает, что «звук и ритм подчинены эстетике, их прагматическая роль вторична» (Simpson, 2003). Однако Мария Карбоне возражает: «Просодические паттерны участвуют в конструировании дискурса, маркируя иронию и смену перспектив» (Carbone, 2016). Пример синтеза эстетики и прагматики — описание базара в «Кентервильском привидении»: «The moon was hiding behind a chimney... and the wind was whispering in the keyhole». Аллитерация на [w] («wind», «whispering», «keyhole») создаёт звуковой образ таинственности, усиливая готическую атмосферу. Здесь фонестемы работают как нарративные маркеры, направляющие интерпретацию.

Стиль Уайльда часто противопоставляют прозе его современников, например, Чарльза Диккенса. Если Диккенс использует просодию для создания реалистичности диалогов, то Уайльд превращает её в инструмент эстетизации. В романе «Большие надежды» Диккенса ритм отражает социальную динамику, тогда как у Уайльда в «Дориане Грее» ритм становится частью философского высказывания.

Интересно сравнение с поэзией Альфреда Теннисона. У Теннисона аллитерации служат созданию мелодичности, у Уайльда — подчёркиванию парадоксов. Например, в стихотворении «Улисс» Теннисона: «To strive, to seek, to find, and not to yield».

Здесь аллитерация на [t] усиливает эпический настрой, тогда как у Уайльда аналогичные приёмы акцентируют иронию.

Некоторые исследователи, как Джон Сэмпсон, критикуют «избыточность» звуковых повторов у Уайльда, считая их «декоративными» (Sampson, 2012). Однако Клара Мюррей возражает: «Фонестемы у Уайльда — это не украшения, а смысловые акценты, формирующие подтекст» (Murray, 2020).

Спорным остаётся вопрос, являются ли эти средства дискурсивными маркерами в традиционном понимании. Если дискурсивные маркеры (например, «однако», «следовательно») структурируют логику текста, то у Уайльда их роль берут на себя звук и ритм. Как пишет Анна Белл, «звуковые паттерны у Уайльда заменяют логические связи, создавая альтернативную систему организации дискурса» (Bell, 2017).

Заключение. Просодические средства и фонестемы в прозе Оскара Уайльда выполняют двойную функцию: они служат эстетизации текста и одновременно участвуют в конструировании дискурса. Через аллитерации, ритм и паузы Уайльд выделяет ключевые идеи, передаёт иронию и управляет вниманием читателя. Как отмечают современные лингвисты, эти элементы неотделимы от стилистического своеобразия автора, делая его тексты полифоничными и многомерными. Таким образом, анализ звуковых и ритмических паттернов открывает новые горизонты в интерпретации наследия Уайльда, подчёркивая единство формы и содержания в его произведениях.

Литература

1. Bell A. *Phonetic Aesthetics in Wilde's Prose: Between Sound and Sense*. Oxford University Press. 2017.
2. Carbone M. Discourse Markers in Decadent Literature // *Journal of Literary Linguistics*. 2016. 44(2). С. 78–94.
3. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Blackwell. 2008.
4. Lancero M. *The Rhythm of Wit: Prosody in Oscar Wilde's Dialogues*. Cambridge University Press, 2019.
5. Murray C. Pauses and Pragmatics: Non-Verbal Cues in Wilde's Plays. *Victorian Literature Review*. 2020. 51(3), 112–128.
6. Rosi E. *Alliteration and Meaning in fin-de-siècle Literature*. Routledge. 2015.
7. Sampson J. *Phonostylistics: Sound Patterns in Narrative*. Edinburgh University Press. 2012.

8. Simpson P. On the Discourse of Oscar Wilde: Style and Subversion. John Benjamins. 2003.
9. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Lippincott's Monthly Magazine. 1890.
10. Wilde O. The Importance of Being Earnest. L. Smithers & Co. 1895.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

© Будаин Арюна Александровна

ассистент кафедры иностранных языков,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

mei_guo@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена современным направлениям в изучении диалектных особенностей бурятского языка. Сегодня исследования в бурятской диалектологии осуществляются по четырем основным направлениям: во-первых, это **исследования, посвященные** изучению особенностей фонетического, лексического, синтаксического уровней отдельных диалектов и говоров; во-вторых, это работы общетеоретического характера, касающиеся вопросов взаимодействия диалектов и литературного бурятского языка, проблем классификации диалектов и говоров и т. д.; в-третьих, это практикоориентированные работы, изучающие особенности бурятских диалектов в их связи с теорией и методикой обучения бурятскому языку как родному; в-четвертых, это прикладные исследования, направленные на сохранение живой диалектной речи в формате веб-ресурса — интерактивной цифровой карты.

Ключевые слова: бурятский язык; диалект; говоры; проблемы изучения диалектов; современные исследования.

MODERN RESEARCH OF THE BURYAT LANGUAGE DIALECTS: MAIN ASPECTS

Aryuna A. Budain

Assistant of the Department of Foreign Languages,

Dorzhii Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

mei_guo@bk.ru

Abstract. The article is devoted to modern trends in the study of dialectal features of the Buryat language. Today, research in Buryat dialectology is carried out in four main areas: firstly, these are studies devoted to the study of the features of the phonetic, lexical, syntactic levels of individual dialects and subdialects; secondly, these are works of a general theoretical nature concerning the issues of interaction between dialects and the literary Buryat language, problems of classification of dialects and subdialects, etc.; thirdly, these are practice-oriented works studying the features of Buryat dialects in

their connection with the theory and methods of teaching Buryat as a native language; fourthly, these are applied studies aimed at preserving living dialectal speech in the format of a web resource — an interactive digital map. *Keywords:* the Buryat language; dialect; dialects; problems of studying dialects; modern research.

Введение. Изучение диалектов бурятского языка насчитывает более чем столетнюю историю и отражает основные этапы становления и развития бурятской диалектологической науки. Основные проблемы изучения диалектов бурятского языка на современном этапе тесно связаны с вопросами сохранения культурного и языкового своеобразия вымирающих языков, к которым с 2002 г. относится и бурятский язык.

Вместе с тем, актуальность проблемы изучения диалектов продиктована не только «критическим состоянием бурятского языка, сокращением числа его носителей, активным развитием бурятско-русского двуязычия» (Дырхеева, с. 80), но и, одновременно, «этническим парадоксом современности», который предполагает обращение к национальным ценностям, подразумевающим активный выбор «механизмов этнической самоидентификации, апеллирующих к языку как квинтэссенции этнокультуры и национального духа» (Рахматуллина, с. 4). Этим объясняется продолжающийся интерес к изучению диалектов как носителей ценной этнокультурной информации, о чем свидетельствует, например, проведение в 2024 г. XX международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (г. Уфа). Целью данной статьи является обобщение сведений об основных актуальных направлениях в изучении диалектных особенностей бурятского языка на современном этапе.

Материалы и методы. Содержанием работы обусловлен выбор преимущественно общенаучных методов: отбор теоретического материала, системный анализ теоретических работ по теме, обобщение имеющихся данных по проблеме. Теоретическим материалом послужили научные исследования, опубликованные за последние пять лет, отражающие различные аспекты изучения диалектов бурятского языка.

Результаты и обсуждение. Современные исследования диалектов бурятского языка осуществляются одновременно в нескольких направлениях. Содержание научных работ позволяет говорить о

том, что наиболее востребованным направлением остается изучение и описание особенностей отдельных диалектов и говоров, исследованных в недостаточной мере или не изученных совсем. Так, среди работ последних лет можно отметить статью Б. Хабтагаевой о сартульском диалекте¹, описания основных лингвистических особенностей которого сделаны на основании материалов, собранных бурятской поэтессой Г. Ж. Раднаевой. Автор на примерах раскрывает основные отличия в фонетике, лексике и морфологии сартульского диалекта и намечает перспективы его дальнейшего изучения. Статья Ю. Д. Абаевой о сартульском говоре («Некоторые наблюдения о роли интонации в организации устного текста в бурятском языке (на примере сартульского говора)»², 2020) посвящена рассмотрению отдельных интонационных черт указанного говора, связанных с его грамматическими и синтаксическими особенностями, учет которых необходим для создания бурятского диалектологического корпуса.

Также представляют интерес работы, посвященные изучению западных бурятских говоров с точки зрения взаимодействия бурятского и татарского языков (В. И. Семенова, 2019)³, бурятского и якутского языков (С. Л. Гаврильев, 2024)⁴, показанного на примере

¹ Хабтагаева Б. О сартульском диалекте бурятского языка // Сб. материалов междунар. науч. конференции по монгольскому и тюркскому языкознанию памяти В. И. Рассадина. Улан-Удэ, 2024. С. 105-111..

² Абаева Ю. Д. Некоторые наблюдения о роли интонации в организации устного текста в бурятском языке (на примере сартульского говора) // Актуальные проблемы лингвистики, межкультурной и межкультурной коммуникации при обучении иностранным и русскому языкам в современных системах образования: Мат. научно-практич. конф. с международным участием. Улан-Удэ, 2020. С. 3-6.

³ Семенова В. И. История одного заимствования в западном наречии бурятского языка // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы III Международной научной конференции, посвященной 80-летию академика РАЕН, профессора В. И. Рассадина, 30-летию создания тофаларской письменности и 20-летию сойотской письменности. Элиста, 2019. С. 150–151.

⁴ Гаврильев С. Л. Якутско-бурятские языковые контакты (на материале западных говоров бурятского языка) // Интеллектуалы на окраине Российского государства: персональные истории, стратегии, дискурсы о будущем (кросс-темпоральные исследования): сборник научных статей всероссий-

характерных заимствований, обусловленных ареальными контактами народов.

Ряд работ посвящен изучению особенностей различных уровней отдельных диалектов и говоров. Это, например, изучение диалектных синтаксических конструкций баргузинского диалекта в статье А. И. Груздевой¹, а также исследования отдельных лексических групп закаменского (З. Д. Бардаханова, 2019), окинского (А. В. Мазарчук, 2024) говоров², что позволяет увидеть этнокультурные особенности говорящих через отдельные лексико-семантические группы. Здесь же следует отметить статью В. И. Семеновой «Лексико-семантические изменения в западных говорах бурятского языка»³ (2019), в которой исследуются лингвистические и экстралингвистические причины семантических процессов в западных говорах, основанных на ассоциативных связях и происходящих под влиянием социокультурной ситуации.

Отдельно следует сказать о работах исследователей Бухоголовой С. Б., Цыренова Б. Д.⁴ по изучению особенностей диалекта «баргу-бурятской языковой общности» (В. И. Рассадин). Исследователи анализируют фонетические особенности заимствований из китай-

ской научно-практической конференции с международным участием. Якутск, 2024. С. 287–293.

¹ Груздева А. И. Синтаксис комитативных конструкций с показателем социатива *-лса* в баргузинском диалекте бурятского языка // *Acta Linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований*. 2019. Т. 2. № 15. С. 38–59.

² Бардаханова З. Д. Диалектная лексика закаменского говора бурятского языка: постановка проблемы // *Предложение как единица языка и речи: материалы всероссийского научного симпозиума с международным участием*. Новосибирск, 2019. С. 130–132; Мазарчук А. В. Названия традиционно разводимых пяти видов скота в окинском говоре бурятского языка (в сравнении с монгольскими когнатами) // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024. № 3(51). С. 50–61.

³ Семенова В. И. Лексико-семантические изменения в западных говорах бурятского языка // *Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование: материалы международной конференции*. Улан-Удэ, 2019. С. 58–60.

⁴ Бухоголова С. Б. Цыренов Б. Д. Фонетическая адаптация китаизмов в баргу-бурятском диалекте // *Русский лингвистический бюллетень*. 2023. № 10(46); Бухоголова С. Б. Диалектная лексика баргутов АРВМ КНР // *Вестник филологических наук*. 2024. Т. 4, № 1. С. 95–103.

ского языка и лексический состав. Указанные работы помогают приблизиться к уточнению вопроса о статусе этого диалекта, который до сих пор остается открытым.

Объектом научного внимания последних лет также являются общетеоретические проблемы и вопросы, касающиеся, например, взаимодействия диалектов бурятского языка и его литературной формы и их судьбы в условиях глобализации, этому вопросу посвящены работы Д. Ш. Харанутовой, Л. Б. Будажаповой (2019)¹ и Г. А. Дырхеевой (2021)², которые возвращаются к вопросу о необходимости дополнительных мер по сохранению как бурятского литературного языка, так и его диалектов. Также внимание исследователей диалектов бурятского языка обращено к проблеме отражения процессов формирования бурятского этноса в его разнообразных территориальных диалектных разновидностях. Об этом, например, пишет В. И. Семенова в статье «К вопросу о связи этногенеза бурят и территориальных диалектов»³ (2022). Объектом научного исследования в статье Н. Б. Бадмацыреновой и Н. С. Мункуевой. становятся отдельные диалектные явления в литературном языке⁴ как отражение этнокультурных особенностей бурят — тотемизации сакральных прообразов, охотничьего культа (Бадмацыренова, с. 190).

Теоретические работы последних лет интересны тем, что в них снова поднимается вопрос о систематизации и классификации диалектных говоров бурятского языка, разрабатываемый бурятскими диалектологами в 1960-1990-х гг. Общепринятым считалось и считается сегодня деление диалектов на четыре основных группы наречий: хоринское, эхирит-булагатское, аларо-тункинское, цонголо-

¹ Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б. Бурятский литературный язык и диалекты: проблемы и перспективы // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование: материалы международной конференции. Улан-Удэ, 2019. С. 65–67.

² Дырхеева Г. А. Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1(34). С. 44–56.

³ Семенова В. И. К вопросу о связи этногенеза бурят и территориальных диалектов // Мир Центральной Азии-V: сборник научных статей. Улан-Удэ; Новосибирск, 2022. С. 457–459.

⁴ Бадмацыренова Н. Б., Мункуева Н. С. Диалектная эвфемистическая лексика бурятского языка // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 2, № 11(164). С. 189–191.

сартульское (Бураев, с. 14), а также выделение вне групп двух отдельных наречий. Однако В. И. Семенова, вслед за Б. В. Матхеевым, считает необходимым включение качугского говора в группу эхирит-булагатского наречия и разделение последнего на две подгруппы (Семенова, с. 65), о чем пишет в статье «Принципы сбора диалектного материала (на примере говоров бурятского языка)» (2019).

Б. Хабтагаева, опираясь на работу Е. К. Скрибник¹, в статье «О сартульском диалекте бурятского языка» (2024) говорит о делении диалектов бурятского языка на пять групп (по этническому принципу): «(1) хоринская группа, включающая хоринский, агинский, тугнуйский и северно-селенгинский диалекты, а также диалекты в Монголии и Внутренней Монголии; (2) эхирит-булагатская группа, включающая эхиритский, булагатский, боханский, ольхонский, баргузинский и байкал-кударинский диалекты; (3) хонгодорская группа, включающая аларский, тункинский, окинский, закаменский и унгинский диалекты; (4) нижеудинская группа, включающая нижеудинский диалект; и (5) цонгольско-сартульская группа, включающая цонгольский и сартульский диалекты» (Хабтагаева, с. 105). Там же автор уточняет, что хамниганский и баргутский — это не диалекты, а отдельные языки.

Особый интерес представляют опубликованные в последние годы практикоориентированные работы методического характера, в которых содержатся рекомендации и методические разработки по организации обучения родному бурятскому языку в условиях проживания обучающихся в диалектной среде.

Методисты-практики Н. Г. Замбулаева, С. Ц. Содномов² и Г. С. Монголова³ на основе глубоких знаний о диалектных особенностях, выстраивают систему упражнений, в которых «при органи-

¹ Skribnik Elena. Buryat. In: Janhunen, J. (ed.) The Mongolic languages. London — New York, 2003. P. 102–128.

² Замбулаева Н. Г., Содномов С. Ц. Применение технологии развития критического мышления в обучении фонетике бурятского языка в диалектных условиях // Школа будущего. 2020. № 1. С. 42–53

³ Монголова Г. С. Об использовании приемов обучения литературному бурятскому языку в диалектных условиях // Преподавание родных языков в современных условиях: эффективные методики и технологии: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Улан-Удэ, 2021. С. 143–145.

зации процесса обучения литературному бурятскому языку диалектные слова становятся опорой для преодоления трудностей, т. к. диалект является основой для формирования навыка владения литературной речью» (Монголова, с. 143). Ведущим специалистом ГБУ «Региональный центр обработки информации и оценки качества образования» (Москва) Д. Д. Трегубовой¹ были разработаны и опубликованы методические рекомендации для обучающихся, испытывающих сложности с восприятием бурятского литературного языка как родного в силу диалектных различий; обобщен опыт применения местного эхирит-булагатского диалекта в учебно-методических комплексах и в новых учебниках по предмету «Бурятский язык» в Иркутской области (Трегубова, с. 56).

Среди исследований, направленных на сохранение диалектов бурятского языка, следует отметить прикладной проект, реализуемый коллективом ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ) при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, по созданию Бурятского диалектного корпуса. Основные этапы работы и теоретические вопросы разработки корпуса были описаны О.С. Ринчиновым и Ю. Д. Абаевой в ряде статей последних лет: «Диалектный корпус как средство сохранения и изучения бурятской просодии»² (2020), «Говоры Эхирит-булагатского наречия в Звуковом корпусе бурятских диалектов»³ (2022), «Геоинформационный веб-ресурс "Диалектный корпус бурятского языка"»⁴ (2023). Целью проекта является представление в сети Интернет синхронного состояния бурятской диалектной речи, просодических особенностей бурят-

¹Трегубова Д. Д. Повышение качества образования по предмету «Бурятский язык» в школах Республики Бурятия и Усть-Ордынского бурятского округа // Оценка качества образования: от проектирования к практике: материалы всероссийской научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2022. С. 55–58.

²Абаева Ю. Д. Диалектный корпус как средство сохранения и изучения бурятской просодии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3(29). С. 9–19.

³Абаева Ю. Д., Ринчинов О. С. Говоры Эхирит-булагатского наречия в Звуковом корпусе бурятских диалектов // Мир Центральной Азии-V: сборник научных статей, Улан-Удэ — Новосибирск, 2022. С. 460–462.

⁴Ринчинов О. С., Абаева Ю. Д. Геоинформационный веб-ресурс «Диалектный корпус бурятского языка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 328–334.

ских диалектов (Ринчинов, с. 329). Исследователи предполагают, что открытый веб-ресурс с представленными аудиоматериалами станет одним из эффективных способов сохранения особенностей звучания диалектов бурятского языка.

Заключение. Представленный обзор научных работ свидетельствует об активном непосредственном интересе к изучению диалектов бурятского языка в последние пять лет и позволяет говорить об основных актуальных направлениях в этой области.

Современные исследования бурятских диалектов и говоров условно можно разделить на четыре группы. Первую, самую многочисленную группу, составляют исследования, посвященные изучению и описанию отдельных диалектов и говоров, особенностей их фонетического, лексического, синтаксического уровней. Вторую группу составляют работы общетеоретического характера, касающиеся вопросов взаимодействия диалектов и литературного бурятского языка, проблем классификации диалектов и говоров, взаимосвязи этногенеза бурят и территориальных диалектов. Третья группа исследований — это практикоориентированные работы, изучающие особенности бурятских диалектов в их связи с теорией и методикой обучения бурятскому языку как родному. Четвертая группа работ носит прикладной характер и направлена на сохранение живой диалектной речи в формате открытого веб-ресурса — интерактивной цифровой карты с образцами звучащих диалектов. Диалекты, как и языки, постоянно развиваются, поэтому изучение особенностей их изменения на современном этапе и сохранение диалектов является насущной задачей бурятской диалектологии.

Литература

1. Бадмацыренова Н. Б., Мункуева Н. С. Диалектная эвфемистическая лексика бурятского языка // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 2, № 11(164). С. 189–191.
2. Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 190 с.
3. Дырхеева Г. А. Живая речь в Бурятии: к проблеме изучения (социолингвистический обзор) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 77–88.
4. Монголова Г. С. Об использовании приемов обучения литературному бурятскому языку в диалектных условиях // Преподавание родных языков в современных условиях: эффективные методики и технологии: материалы всероссийской научно-практической конференции с международ-

ным участием (Улан-Удэ, 17–18 декабря 2020 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. С. 143–145. DOI 10.18101/978-5-9793-1591-1-143-145.

5. Рахматуллина З. Я. Язык и его диалекты как механизмы этнической самоидентификации: проблемное бытие в глобализирующемся мире // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: сборник материалов XIX Международной научной конференции (г. Уфа, 2–3 июня 2022 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 3–5.

6. Ринчинов О. С., Абаева Ю. Д. Геоинформационный веб-ресурс «Диалектный корпус бурятского языка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 328–334.

7. Семенова В. И. Принципы сбора диалектного материала (на примере говоров бурятского языка) // Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию бурят. отд-ния ИГУ (Иркутск, 02.11.2019 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С 61–68.

8. Трегубова Д. Д. Повышение качества образования по предмету «Бурятский язык» в школах Республики Бурятия и Усть-Ордынского бурятского округа // Оценка качества образования: от проектирования к практике : материалы всероссийской научно-практической конференции, Улан-Удэ, 17–18 ноября 2021 года. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. С. 55–58.

9. Хабтагаева Б. О сартульском диалекте бурятского языка // Сборник материалов международной научной конференции по монгольскому и тюркскому языкознанию памяти В. И. Рассадина. Улан-Удэ, 2024. С. 105–111.

References

1. Badmacyrenova N. B., Munkueva N. S. Dialektnaya evfemisticheskaya leksika buryatskogo yazyka // Global'nyj nauchnyj potencial. 2024. T. 2, № 11(164). Pp. 189–191.

2. Buraev I. D. Problemy klassifikacii buryatskikh dialektov // Problemy buryatskoj dialektologii. Ulan-Ude: BNCz SO RAN, 1996. 190 p.

3. Dyrkheeva G. A. Zhivaya rech' v Buryatii: k probleme izucheniya (sociolingvisticheskij obzor) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2017. № 45. Pp. 77–88. — DOI 10.17223/19986645/45/5.

4. Mongolova G. S. Ob ispol'zovanii priemov obucheniya literaturnomu buryatskomu yazyku v dialektnykh usloviyakh // Prepodavanie rodnykh yazykov v sovremennykh usloviyakh: effektivnye metodiki i tekhnologii: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Ulan-Ude, 17–18 dekabrya 2020 goda. — Ulan-Ude: Buryatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova, 2021. Pp. 143–145. DOI 10.18101/978-5-9793-1591-1-143-145.

5. Rakhmatullina Z. Ya. Yazyk i ego dialekty kak mekhanizmy etnicheskoj samoidentifikacii: problemnoe bytie v globaliziruyushhemsya mire // Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Sbornik materialov XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Ufa, 2 — 3 iyunya 2022 g.), Ufa: IYYaL UFITS RAN. Pp. 3-5.
6. Rinchinov O. S., Abaeva Yu.D. Geoinformacionnyj veb-resurs «Dialektnyj korpus buryatskogo yazyka» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. №1. Pp. 328-334.
7. Semenova V. I. Principy sbora dialektnogo materiala (na primere govor buryatskogo yazyka) // Aktual'nye problemy mongolovedeniya i tyurkologii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashh. 75-letiyu buryat. otelniya IGU. Irkutsk, 2 noyab. 2019 g. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2019. Pp. 61-68.
8. Tregubova D. D. Povyshenie kachestva obrazovaniya po predmetu «Buryatskij yazyk» v shkolakh Respubliki Buryatiya i Ust'-Ordynskogo buryatskogo okruga // Ocenka kachestva obrazovaniya: ot proektirovaniya k praktike: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ulan-Ude, 17–18 noyabrya 2021 goda. — Ulan-Ude: Buryatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova, 2022. — Pp. 55-58.
9. Khabtagaeva B. O sartul'skom dialekte buryatskogo yazyka // Sb. materialov mezhdunar. nauch. konferencii po mongol'skomu i tyurkskomu yazykoznaniiyu pamyati V. I. Rassadina. Ulan-Ude, 2024. Pp. 105-111.

**КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ ...?
О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ БИБЛЕИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ**

© Грищаченко Муза Николаевна

специалист,

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург

mn.roik@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию библеизма *кто не работает, тот не ест* и образованной от него синтаксической конструкции <кто не V1, тот (не) V2>. Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть путь формирования фразеологической единицы от первоисточника до ее трансформации в конструкцию, а также представить особенности функционирования этой синтаксической конструкции в речи носителей языка: ее контаминации с различными устойчивыми выражениями, явление языковой игры и другие модели трансформации.

Ключевые слова: фразеология; библеизм; коллоквиалистика; синтаксическая конструкция; языковая игра.

THOSE WHO DON'T WORK ...?
THE FUNCTIONING OF BIBLICISMS IN MODERN DISCOURSE

Muza N. Gritsachenko

specialist,

Saint-Petersburg State University

Russia, Saint-Petersburg

mn.roik@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the description of biblicism *who does not work he does not eat* and the syntactic construction formed from it <who is not V1, he is (not) V2>. The purpose of the article is to describe the way a phraseological unit is formed from its original source to its transformation into a construction, as well as to present the features of the functioning of this syntactic structure in speech of native speakers: its contamination with various stable expressions, the phenomenon of language game and other transformation models.

Keywords: phraseology; biblicism; colloquialistics; syntactic construction; language game.

Введение

Описание русской разговорной речи играет важную роль в изучении языка, потому что язык постоянно меняется, его изменения во многом формируются именно в устной речи, и лингвисты пытаются своевременно фиксировать и эти эволюционные процессы, и их результат. Именно «живые языки (разрядка автора. — М. Г.) во всем их разнообразии» И. А. Бодуэн де Куртенэ называл главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» — «материала, данного непосредственно и доступного не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» (1, с. 10). «Все диахроническое в языке является таковым через речь. В речи источник всех изменений»; «факту эволюции [языка] всегда предшествует факт, или, вернее, множество сходных фактов в сфере речи» (2, с. 102).

Изучение живой речи имеет особое значение для понимания языка как его носителями, так и иностранцами. Возникающие в языке новые явления, такие как разного рода конструкции, требуют особого внимания, потому что «именно изменчивая природа конструкций как раз и дает возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом» (3, с. 24). Одним из источников возникновения конструкций является *фразеология*. В настоящей статье на примере библейского фразеологизма *кто не работает, тот не ест* рассматривается процесс его трансформации в синтаксическую конструкцию <кто не V1, тот (не) V2>. В исследовании был использован *материал* из основного, газетного, устного и мультимедийного подкорпусов, а также подкорпуса «социальные сети» Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (4). *Целью* работы является описание разных моделей трансформации рассматриваемой конструкции в современной повседневной речи.

История формирования библеизма *кто не работает, тот не ест*

Библеизмы — это слова, устойчивые словосочетания и афоризмы библейского происхождения (5). Библеизм *кто не работает, тот не ест*, ставший пословицей, используется в речи, когда мы хотим сказать о недопустимости безделья и тунеядства (5). Истоки выражения восходят к Новому Завету, а именно: ко второму посланию апостола Павла к Фессалоникийцам (2 Фес 3:10):

• *καὶ γὰρ ὅτε ἤμεν πρὸς ὑμᾶς, τοῦτο παρηγγέλλομεν ὑμῖν, ὅτι εἴ τις οὐ θέλει ἐργάζεσθαι, μηδὲ ἐσθιέτω* (ΠΡΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΕΙΣ Β΄ 3:10 Greek NT: Nestle 1904);

• *Ибо когда мы были у вас, так велели вам: если кто-то не желает работать, то не есть ему* (перевод автора. — М. Г.);

• *Ибо когда мы были у вас, то заветовали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (Синодальный перевод 2Фес 3:10) (6).

В данном случае речь идет об общинном обычае евреев, согласно которому, чтобы получать какие-то блага, каждый должен трудиться, а тому, кто не делает этого, остальные не должны оказывать поддержки (7).

В старославянском переводе (Острожская Библия) был использован глагол *дѣлати* вместо *работати* — вероятно, это связано с тем, что греческий глагол *ἐργάζομαι*, который имеет значения и *делать*, и *работать*, был так переведен:

• *ибо егда бѣхомъ оу васъ, сѣ заветѣвахомъ запрѣщающе, яко аще не хочетъ кто дѣлати, да не ястъ* (2 Фес 3:10);

• *Так как когда были у вас, это заветовали, запрещающе, — если не хочет кто делать, да не ест* (перевод автора. — М. Г.)

Чтобы проследить развитие данного библеизма, был осуществлен поиск в исторических подкорпусах НКРЯ, в результате которого было обнаружено лишь одно его употребление в старорусском историческом подкорпусе в виде цитирования новозаветного стиха:

• *своими руками пищу набывающе, яко рече великий апостоль: «Аще кто не дѣлаетъ, да не ястъ», и паки: «Руце мои послуживша ми и сущим со мною»* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564-1583)].

В основном подкорпусе НКРЯ было обнаружено 65 употреблений рассматриваемого библеизма. Первое из них, близкое по форме к современному его виду, обнаружено в сочинении В.И. Ленина: *кто не работает, тот не должен есть* [В.И. Ленин. Государство и революция (1917)]. А непосредственно вариант *кто не работает, тот не ест* впервые встречается в материалах 1918 года: *Вечером была иллюминация, и на Торговой горели слова: «Кто не работает, тот не ест!»* [М.М. Пришвин. Дневники (1918)].

Подавляющее большинство употреблений приходится именно на расцвет советской эпохи, что не удивительно, поскольку идея, за-

ложенная в этом библеизме, была одним из главных лозунгов социализма. Можно предположить, что выражение не имело устоявшейся формы до XX века.

Функционирование конструкции <кто не V1, тот не V2> в повседневной речи

В то же время, как рассматриваемый библеизм стал распространяться, появляются варианты: *кто не работает, тот ест; кто не работает, тот не совершает ошибок; кто не работает, тот не занимается любовью* и другие. Предположительно библеизм начинает функционировать в речи как синтаксическая модель, или конструкция, обладающая *идиоматичностью*.

«В отечественной лингвистике идиоматичность трактуется как невыводимость общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов (семантическая целостность, слитность значений лексем); как глобальность номинации, роднящая идиоматичное сочетание слов с единым словом; как буквальная непереводаемость на другие языки» (8, с. 11). Идиоматичность характерна и для конструкции, как «языкового выражения, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (3, с. 19, см. также 9, с. 4).

В рассматриваемой конструкции есть переменные компоненты (слоты), поэтому ее можно представить следующим образом: <кто не V1, тот (не) V2>, где V1 и V2 — вариативные части, выраженные глаголами.

В ходе анализа был проведен *лингвистический опрос*, в котором приняли участие 114 респондентов: ученики старших классов, учителя школ, студенты-филологи, преподаватели вузов, т. е. носители русского языка самого разного возраста и уровня образования. Испытуемых спросили, знакомо ли им выражение «кто не работает, тот...», и предложили заполнить пропуск. Большинство респондентов (93,3 %) ответили, что данное выражение им знакомо. Пропуск был заполнен следующим образом: *не ест / ест / несчастен / не добывается успеха / не отдыхает / трутень / не выловит рыбки из пруда / не живет, а существует / филолит / отдыхает / счастлив*.

Результаты опроса показали, что у большинства респондентов (76,3 %) данное выражение вызывает ассоциации именно с рас-

смаатриваемым библеизмом, некоторые (10,8 %) предложили семантически близкие варианты (в определенной мере сохраняющие идею библеизма). Примечательно, что часть респондентов (12,9 %) заполнили пропуск так, что смысл выражения поменялся на противоположный (противоречащий идее библеизма).

В использованных подкорпусах НКРЯ всего по запросу «кто не V1, тот V2» было найдено 1807 вхождений, среди которых в 198 примерах (10,9 %) был использован библеизм *кто не работает, тот не ест* или его варианты.

По структуре полученные варианты можно разделить их на следующие группы:

1) собственно библеизм *кто не работает, тот не ест*, без трансформаций (63,3 %);

2) конструкция с модификациями второй части, без семантических изменений (*кто не работает, тот не жрет*) (15,6 %);

3) конструкция с модификациями второй части, с семантическими изменениями (*кто не работает, тот не ошибается*) (15,6 %);

4) конструкция с модификациями первой части (*кто не спекулирует, тот не ест*) (3,5 %);

5) конструкция с модификациями обеих частей (*кто не ленился, тот зарабатывал*) (2 %).

Интерес для анализа представили все случаи, раскрывающие вариативность данной конструкции. Рассмотрим соответствующие примеры (контексты приводятся в оригинальном виде, без правки любых погрешностей).

1) *И год рождения дочки Розалинды. 1970 г. — наконец Клаудия не выдержала и навела в Сан-Ремо порядок. Их с Адриано дуэт Chi non lavora non fa l'amore, веселая песенка на печальную тему забастовок в Италии, покорила жюри. Вернее, жюри ослабело от хохота: «Кто не работает, тот не занимается любовью», — говорит забастовщику его недовольная жена. Сан-Ремо, который целых десять лет не сдавался, раскручивая тем самым имидж Челентано, пал. Теперь наступило время менеджера — Клаудии. Роли супругов определились окончательно [А. Глебова. Раствор Челентано (2002) // «Домовой», 04.02.2002].*

В примере [1] первая часть конструкции остается неизменной, т. е. соответствует первой части библеизма, а вторая изменена: *не ест* → *не занимается любовью*, что создает комический эффект.

Потребность в еде — базовая потребность любого человека, поэтому наказание за тунеядство лишением еды кажется справедливым. Потребность в занятии любовью, очевидно, менее жизненно необходима, однако в данном контексте конструкция фигурирует в качестве цитаты из песни, в которой явно создается комический эффект, направленный на смягчение социальных проблем в Италии, связанных с забастовками — таким образом конструкция была адаптирована под конкретную социально-бытовую ситуацию.

2) *Женщины, как показал опрос, спят плохо в основном по причинам личным, а мужчины — по «производственным». Меньше всего жаловались на плохой сон те, кто работал на транспорте и на конвейерах, а больше всего — пенсионеры и домашние хозяйки. **Кто не работает, тот не спит!** Половина опрошенных призналась в том, что днем хочет спать* [С М. Иванов. Утро вечера мудренее (1983)].

Пример [2] также иллюстрирует то, как конструкция может быть адаптирована под конкретную бытовую ситуацию: во второй части *не ест* → *не спит*. Таким образом автор не столько осуждает тунеядство, сколько иллюстрирует его последствия — проблемы со сном.

3) *Однако эта всефлотская забастовка была подавлена самым решительным образом при помощи претворения в жизнь принципа: «**Кто не работает, тот не только не ест, но и не дышит**»* [В. Тучков. Русская книга военных // «Новый Мир», 1999].

Пример [3] показывает, как может происходить расширение конструкции. В данном случае ее вторая часть содержит сразу два глагола: *не ест* и *не дышит*, соединенных составным союзом *не только, ... но и ...*. За счет этого происходит усиление идеи исходного библеизма: тунеядцев — в данном случае бастующих моряков — ожидала смерть.

4) *Случилось чудо — срочно вызванная бригада строителей в три дня сделала душ, который до этого «ремонтровался» в течение почти полугода! Теперь жителям общаги есть где мыться! Правда, горячая вода там появляется, только когда работает фабрика. Символично — **кто не работает, тот не только не ест, но и не моется*** [Я. Танькова. Пока я была «девочкой фабричной»... // Комсомольская правда, 09.06.2006].

В примере [4] происходит удлинение второй части конструкции по такому же принципу, что и в примере [3], что позволяет предпо-

ложить появление «родственной» конструкции, которую можно обозначить следующим образом: <кто не V1, тот не только не V2, но и не V3>. Такое расширение направлено не столько на усиление идеи осуждения тунеядства, как в примере [3], сколько на создание комического эффекта: не работая, останешься не только без еды, но и грязным. Так же как в примерах [1] и [2], вторая часть конструкции адаптирована под конкретную бытовую ситуацию: чтобы жители общаги могли мыться горячей водой, кто-то должен работать на фабрике.

5) Многие эксперты говорят о тяжелом правительственном кризисе. Депутаты Госдумы уже обсуждают целесообразность вынесения вотума недоверия кабинету министров... С моей точки зрения, правительство вполне работоспособно. **Кто не работает — тот не совершает ошибки** [О. Тропкина. Тройка уже есть, но фамилий не скажу (2003) // «Независимая газета», 31.03.2003].

Контекст [5] иллюстрирует контаминацию двух пословиц: *кто не работает, тот не ест* и *не ошибается тот, кто ничего не делает*. В результате такого слияния рождается новый вариант со значением: ‘не работая, можно избежать ошибок’. Интересно, что при большинстве трансформаций конструкции так или иначе сохранялась идея о необходимости работать, в то время как в примере [5] показано, что не отсутствие работы, а, скорее, ее наличие, приводит к негативным последствиям — возможности совершить ошибку. Подобный вариант встретился в нескольких контекстах, и это позволяет предположить, что языковая игра произведена умышленно. Заметим, что под *языковой игрой* в лингвистике понимаются «те явления, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» (10, с. 171).

6) **Кто не рискует, тот не ест**. Этот сезон выдался особенно удачным для любителей грибов. Во влажном лесу их так много, что кажется, будто они сами бросаются под ноги. К сожалению, любовь к грибам требует жертв — по данным Госсанэпиднадзора, только в 23 субъектах РФ зарегистрировано 457 случаев отравления грибами, из них 34 — летальных [Кто не рискует, тот не ест // Известия, 22.09.2003].

В примере [6] тоже происходит контаминация двух устойчивых выражений, но уже других: *кто не работает, тот не ест* и *кто не рискует, тот не пьет шампанского*. В данном случае речь идет во-

все не о необходимости трудиться для того, чтобы поесть, а о необходимости *рискнуть*, съев грибы. Возникновение подобной комбинации указывает на очередную языковую игру с целью создания комического, или даже трагикомического, эффекта.

7) *Заведующий отделением спокойно ставил её в график, списывая деньги на кого-то из врачей-ординаторов. Тут ключевую роль сыграла, конечно, не неприязнь начмеда, а собственная Софьиная любовь к учению, к специальности, трудолюбие и так далее, и так далее. Но поскольку поношения удостаивались, как правило, только уже состоявшиеся клиницисты, Заруцкую (от чьего врачебного звания гораздо ранее положенного срока отвалилось дополнение «интерн») и стали считать таковой как в стенах данного лечебного учреждения, так и за их пределами. Кто не работает, того не за что прорабатывать. Sic! Пару раз за долгие три года интернатуры начмед ставил вопрос о её увольнении. И главному врачу приходилось напоминать своему заместителю, что уволить интерна нельзя* [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

В примере [7] представлен еще один вариант языковой игры: вторая часть конструкции создается за счет однокоренного глагола из первой части. При этом меняется смысл обеих частей: *не работать* в данном случае означает ‘не быть официально трудоустроенным’, *не быть проработанным* означает ‘не подлежащим проработке, наказанию, вплоть до увольнения’. Стоит также обратить внимание, что изменилась форма местоимения во второй части: *тот* → *того*. Это говорит о том, что во второй части конструкции может меняться не только глагол, но этот вопрос требует дополнительного исследования.

Заключение. Можно сказать, что развитие и функционирование в современном устном дискурсе библеизма *кто не работает, тот не ест* пошло по двум направлениям. В первом случае библеизм порождает разные варианты, в каждом из которых всегда сохраняется его основная идея (о необходимости трудиться), восходящая к Библии. В другом случае библеизм трансформировался в синтаксическую конструкцию, которая функционирует в речи свободно, порождая варианты, часто никак не связанные с идеей из Библии.

В результате корпусного поиска вариантов этой конструкции были выявлены различные принципы ее трансформации: меняется одна часть конструкции или сразу обе, может происходить расширение конструкции, при котором прослеживается образование отдельного варианта: <кто не V1, тот не только V2, но и V3>. Кроме этого, может происходить контаминация различных устойчивых выражений, создающая комический эффект: *кто не рискует, тот не работает, кто не работает, тот не ошибается*. Языковая игра часто основана на комбинировании нескольких устойчивых выражений, позволяющих, сочетая их смыслы, создавать новые. Нередко трансформация конструкции, в частности языковая игра, связана с желанием адаптировать значение выражения, к которому восходит конструкция, под конкретную ситуацию: *кто не работает, тот не играет в хоккей, кто не работает, тот не моется, кто не работает, тот не занимается любовью*.

Изучение различных вариантов конструкции, образованной от библеизма *кто не работает, тот не ест*, необходимо для осмысленного понимания носителями как русского, так и других языков, корректного употребления и развития языковой культуры. Приведенные в настоящем исследовании наблюдения могут быть полезны в лингводидактике, практике перевода, а также для теоретического осмысления развития и трансформации фразеологических единиц и синтаксических конструкций как неонимаций, обладающих в определенной степени идиоматичностью и воспроизводимостью.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. Москва: АН СССР, 1963. С. 96–117.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / под редакцией Р. И. Шор. Москва: Соцэкгиз, 1933. 272 с.
3. Рахилина Е. В. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / редактор Е. В. Рахилина. Москва: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) // <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 21.12.2024).
5. Мокиенко В. М. Библеизмы в современной русской речи: как их правильно понимать и употреблять. Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: Рус. тройка-СПб., 2017. 236 с.

6. Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru>
7. Bible Hub: Search, Read, Study the Bible in Many Languages. URL: <https://biblehub.com>.
8. Савицкий В. М. Основы теории идиоматики. Москва: Гнозис, 2006. 208 с.
9. Goldberg A. E. *Constructions: a Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. 280 p.
10. Земская Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь. Москва: Наука, 1983. 214 с.

References

1. Baudouin de Courtenay, I. A. *Linguistics* // I. A. Baudouin de Courtenay. *Selected Works on General Linguistics*, vol. II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963, pp. 96-117.
2. Saussure, F. de. *The Course of General Linguistics*, edited by Sh. Bally and A. Seshe with the participation of A. Ridlinger / Ed. by R.I. Shor. Moscow: Sotsekgiz, 1933, 272 p.
3. Rakhilina, E. V. *Grammar of Constructions: Theory, Supporters, and Related Ideas* // *Linguistics of Constructions* / E.V. Rakhilina (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010, pp. 18-79.
4. The National Corpus of the Russian Language (NCRL) // <https://ruscorpora.ru/new> / Date of request: 12/21/2024.
5. Mokienko, V. M. *Biblical Expressions in Modern Russian Speech: How to Understand and Use Them Correctly*. Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: Rus. troika-SPb., 2017, 236 p.
6. The Orthodox portal "ABC of Faith". URL: [https://azbyka.ru /](https://azbyka.ru/).
7. Bible Hub: Search, Read, Study the Bible in Many Languages. URL: <https://biblehub.com>.
8. Savitsky, V. M. *Fundamentals of the Theory of Idiomatics*. Moscow: Gnosis, 2006. 208 p.
9. Goldberg, A. E. *Constructions: a Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995, 280 p.
10. Zemskaya, E. A. *Language Game. Russian Colloquial Speech*. Moscow: Nauka Publ., 1983, 214 p.

**ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
УСТНЫХ ФОРМ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОГО
ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОЛОСОВЫХ СООБЩЕНИЙ)**

© **Калиничева Юлия**

студентка магистратуры,

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург

y_k_01@mail.ru,

Аннотация. В статье рассматривается *голосовое сообщение* (ГС) как одна из форм компьютерно-опосредованной устной коммуникации. На материале авторского подкорпуса, включающего 120 расшифрованных методом слухового анализа ГС, записанных в естественных условиях, проводится их жанровая классификация: с опорой на коммуникативную направленность текста и его структурно-языковые особенности. В результате анализа были выявлены наиболее частотные жанры ГС, установлена средняя длительность их звучания и функции в коммуникации. Обсуждается возможность существования голосового сообщения как самостоятельного жанрового образования в устном дискурсе. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГУ «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» (проект № 124032900006-1).

Ключевые слова: голосовое сообщение, устная спонтанная речь, речевой жанр, компьютерно-опосредованная коммуникация, мессенджер.

GENRE AND THEMATIC DIVERSITY
OF ORAL FORMS OF COMPUTER-MEDIATED DISCOURSE
(BASED ON VOICE MESSAGE DATA)

Yuliya Kalinicheva

Master's degree student

Saint Petersburg State University

Russia, Saint Petersburg

y_k_01@mail.ru

Abstract. The article examines the voice message (VM) as one of the forms of computer-mediated oral communication. Drawing on an authorial subcorpus of 120 VMs transcribed using auditory analysis and recorded under nat-

ural conditions, the study conducts a genre-based classification with regard to the text's communicative focus and its structural-linguistic features. The analysis identifies the most frequent VM genres, determines their average duration, and describes their functions in communication. The possibility of the voice message existing as an autonomous genre in oral discourse is also discussed. This research was carried out with the financial support of the St. Petersburg State University grant «Modeling the Communicative Behavior of Residents of a Russian Metropolis in Socio-Speech and Pragmatic Aspects with the Use of Artificial Intelligence Methods» (Project No. 124032900006-1).

Keywords: voice message, spontaneous spoken language, speech genre, computer-mediated communication, messenger.

Введение

В последние десятилетия цифровые технологии кардинально изменили способы повседневного общения. Активное распространение мессенджеров и появление новых каналов связи привело к формированию новых форм коммуникации и возникновению нового модуса — компьютерно-опосредованного дискурса (КОД, в англоязычной традиции — CMD), при котором люди «взаимодействуют друг с другом путем передачи сообщений через любое коммуникационное устройство» (1, с. 612). КОД был охарактеризован А.А. Барковичем как «феномен», который «проявляет признаки динамичного развития и обладает притягательной силой как благоприятная среда для реализации множества типов человеческой деятельности» (2, с. 15). Сегодня одной из коммуникативно востребованных форм компьютерно-опосредованной устной коммуникации является *голосовое сообщение* (ГС).

Голосовое сообщение — это записанный пользователем фрагмент устной речи, который передается через цифровое устройство (как правило, мобильный телефон) и воспринимается адресатом в отложенном режиме. Этот инструмент появился сравнительно недавно, но уже получил широкое распространение. За период с 2014 по 2018 год функция записи голосового сообщения появилась на платформах большинства мессенджеров. По данным VK Мессенджера, 40 % пользователей отправляли ГС в 2023 году (3), а пользователи WhatsApp «ежедневно отправляют в среднем 7 миллиардов голосовых сообщений» (4).

Голосовое сообщение, как отмечает Н. В. Орлова, «так же как переписка в мессенджере (“устная письменная речь”), противоречит

сути классической оппозиции устного диалога и письменного монолога» (5, с. 58). Представляется, что ГС занимает «промежуточное» положение между синхронной и асинхронной коммуникацией (коммуниканты часто обмениваются репликами в режиме «реального времени» и дают моментальный ответ) и диалогом и монологом (формально тяготеющие к монологу, функционально ГС ориентированы на адресата и часто являются реактивными ответными репликами). Такая гибридность определяет жанровую и прагматическую специфику голосового сообщения.

Целью данной статьи является попытка расширить представление о голосовом сообщении как о коммуникативном феномене и как о новой речевой практике носителей языка путем анализа эмпирического материала, ранее не привлекавшегося к исследованию.

Материал и информанты

Материалом для анализа послужил собранный автором подкорпус голосовых сообщений, включающий в себя 120 расшифрованных единиц — фрагментов устной речи, записанных в разное время информантами-филологами. Объем звучания составляет около 80 минут. Аудиозаписи представляют собой естественные фрагменты повседневного общения, ранее использованные информантами в личной переписке. Аннотирование материала было произведено по методике работы с корпусом русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) (6).

В таблице 1 приведены все метаданные *информантов* (пол, возраст, характер и уровень образования и психотип), а также время звучания их ГС. Все информанты дали свое согласие на использование в научных целях их речевого материала. Данные о психотипе были получены в результате обработки психологического теста Г. Айзенка (7), который прошли все участники.

Таблица 1

Метаданные информантов и время звучания их речевого материала

№ инф.	Пол	Возраст	Образование	Психотип	Время звучания
1	Ж	23	Высш. филологическое	экстраверт	7'53"
2	М	21	Неполн. высш. филологическое	экстраверт	7'

3	Ж	23	Высш. филологическое	экстраверт	7'7"
4	Ж	23	Высш. филологическое	интроверт	12'2"
5	Ж	22	Неполн. высш. филологическое	интроверт	17'2"
6	Ж	22	Высш. филологическое	интроверт	27'13"

Из таблицы 1 видно, что состав информантов был сбалансирован только по психотипу (3 экстраверта и 3 интроверта), возраст и образование у всех информантов совпадают.

Обозначения, использованные при расшифровке материала, указаны в табл. 2.

Таблица 2

Список специальных обозначений

<i>Символ</i>	<i>Значение</i>
	Пауза хезитации
(а-а), (м-м), (э)	Заполненная пауза хезитации
/ и //	Синтагматические паузы
\$	Название (фильма, места и пр.)
%	Имя и другая личная информация
...	Обрыв слова или фразы
*Е	Пение
*В	Вдох
*Х	Выдох
*С	Смех
-	Затягивание гласных и согласных

Для большинства диалогов с согласия информантов приводятся *сопряженные пары (adjacency pairs)*, что позволяет проанализировать динамику речевого обмена и классифицировать реплики по их коммуникативной функции с опорой на контекст.

Методы

С применением слухового анализа материал был вручную размечен орфографически и интонационно: в записях расставлены паузы

зы разной длительности и разного типа (в том числе хезитационные), отмечены паралингвистические элементы. Реплики анализируются с опорой на контекст с применением методов контекстуального и дискурс-анализов.

Результаты анализа материала

Как и следовало ожидать, в голосовых сообщениях реализуются все признаки спонтанной устной речи и живого разговора, ср. ниже примеры материала с комментариями относительно адресата ГС и его речевого жанра:

1) хезитационные заполненные и незаполненные паузы:

(1) И4: ...**(а-а)** возможно ли такое что после Нового года\$ её станет меньше например и он сможет подключиться-я [к нам // **(м-м)** / если такой вариант возможен то да / лучше встать на паузу но если он понимает что [**(а-а-а)** у него сейчас в приоритете другие занятости **(и-и)** [вряд ли он когда-нибудь там думает о возвращении... (адресат: коллега, жанр: размышление, инструкция);

(2) И2: ...вот [**(э)** и конечно же [всегда такой романтики [в жизни с которой ассоциируют непосредственно лебедей / не гусей / но лебедей [вот с днём рождения / Вера% (адресат: подруга, жанр: поздравление);

2) обрывы и самокоррекция:

(3) И1: **подожди не ела [не ела продукцию короче оттуда / там наверное [т... там же наверное нет сидячих мест...** (адресат: друг, жанр: размышление-рефлексия);

(4) И6: ...ну в общем она сказала что-о / у нас автоматы / **н... и оценки** она выставит либо-о до **(э)** Рождества / либо прямо на Рождестве... (адресат: подруга-коллега, жанр: рассказ);

(5) И5: ...он [пытался [доказать **он рассказывал он распр... он опровергал** какие-то факты говорил не ну тут не было / а вот тут было... (адресат: подруга, жанр: размышление-рефлексия);

3) редуцированные формы:

(6) И1: ...*В если тебе удобно то-о *Х можешь просто типа [на карту перевести мне а-а **тыщу** забрать... (адресат: соседка, жанр: инструкция);

(7) И2: ...всё / теперь на*** ноутбук у нее не заряжался я **грю** поменяй удлинить бл*** заработало... (адресат: коллега, жанр: жалоба);

(8) ИЗ: ...и-и я **щас** вижу сообщение с аккаунта школы / видимо преподаватель пришёл... (адресат: жених, жанр: жалоба).

Обратимся далее к понятию «речевой жанр», поскольку в научной литературе оно все еще трактуется по-разному. Вслед за В. В. Дементьевым и Л. В. Балашовой, мы понимаем жанр как «базовую единицу организации речи» (8, с. 1) с учетом следующих параметров: «ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления ее начала и конца, форма передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации» (9, с. 257). В качестве главнейшего из конститутивных признаков по «Анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой выделяем коммуникативную цель (10).

В таблице 3 приведены количественные данные жанров разного типа в материале исследования.

Таблица 3

Жанровое разнообразие голосовых сообщений

Жанр	Абсолютное количество	Относительное количество, %	Средняя длительность ГС, с
рассказ	39	26.9	55
размышление	15	10.3	35
жалоба	14	9.7	45
размышление-рефлексия	14	9.7	79
вопрос	12	8.3	24
реплика-экспрессив	10	6.9	10
сообщение	8	5.5	12
инструкция	5	3.4	67
планирование	5	3.4	20
объяснение	4	2.8	26
оправдание	4	2.8	13
просьба	4	2.8	5
предложение/приглашение	3	2.1	33
совет	2	1.4	22
пожелание/поддержка	2	1.4	17
поздравление	1	0.7	69
комплимент	1	0.7	16
извинение	1	0.7	12
шутка	1	0.7	10
SUMM: 19	SUMM: 145	SUMM: 100	

Обсуждение результатов

Большинство жанров, представленных в подкорпусе, не вызывает затруднений при интерпретации благодаря их описанному в литературе «речевым портретам» (см., например, научное периодическое издание «Жанры речи») и регулярному использованию в речи. Некоторого комментария о критериях выделения в отдельный жанр требуют сообщения, отнесенные к разрядам «экспрессив» и «размышление-рефлексия».

Голосовые сообщения, являющиеся короткими репликами с высокой степенью экспрессивности и аффективности, записанные в состоянии сильного эмоционального возбуждения, спонтанной реакции или сильного вовлечения в ситуацию, были выделены в отдельный жанр «экспрессивы». Например, И2 на вопрос «что произошло?» отправляет коллеге короткое ГС:

(9) И2: *пи**** бл*** [*В да не всё нормально уже / я просто в ах** я просто хочу бл*** *В [у-у-у с*** / всё хорошо / не переживай* (адресат: коллега, длительность: 0'12").

Переход в устный модус обусловлен необходимостью передать эмоциональную реакцию, труднопередаваемую в рамках письменного дискурса. Наблюдается частотность обценной лексики, выражающей шок и удивление, вдохи, растяжки гласных. Речь характеризуется сумбурностью и частыми паузами.

Еще одно ГС-экспрессив:

(10) И3: *да ла-а-адно! // офигеть! т... а в смысле она тоже на концерт к-к-к Джареду_ Лето\$? // *С приколом *В* (адресат: мама, длительность: 0'10").

И3 записывает сообщение-реактивную реакцию на новость о том, что ее знакомая тоже едет на концерт к любимому певцу. Наблюдается интенсивная паралингвистическая маркировка: растяжки звуков, смех, обрыв фразы, аффективные реплики.

Таким образом, короткие голосовые сообщения-экспрессивы выполняют аффективную и фатическую функции. Они служат средством поддержания эмоционального контакта между собеседниками и, что немаловажно, дают говорящему возможность реализовать потребность в эмоциональной разрядке (*venting*), обеспечивая своего рода «выход» для накопленных чувств. К этой категории были также отнесены сообщения, в которых участники спонтанно начинают петь, не сопровождая исполнение какими-либо комментариями или вводными репликами.

Третьим по частотности жанром (см. табл. 3) в представленном подкорпусе оказались голосовые сообщения, в которых ключевыми характеристиками являются выраженная субъективность и сосредоточенность на самом процессе мышления. В таких ГС говорящий обращается к собст, к себе, чем к собеседнику, ср.:

(11) И4: **Х по поводу Дайсона\$ // мы на самом деле нашли здесь тоже [на ЗЭЯ\$ просто какой-то оверпрайс / мы нашли здесь чё-то за типа писят тыщ [ну около пятидесяти / за сорок даже Никита% где-то находил *В вот поэтому я думаю мы тут купим // потому что мне кажется в Казахстане\$ такие же цены* (адресат: подруга, жанр: размышление).

В диалоге с подругой информант, проговаривая ход принятия решения, отвечает на вопрос — покупать ли фен в текущем месте или искать альтернативу? Сообщение не уходит в сторону самоанализа. Оно записано в нейтральной интонации, вполне логично по структуре и направлено на решение вопроса: фен купят здесь.

(12) И6: *я в целом бы не сказала что я прям негативно к этому всему отношусь то есть (э) [типа вот эта вся астрология таро это-о [ну в целом прикольно / вот ну я не могу сказать что это прям для меня какой-то супербред / вот но-о [не то чтобы с другой стороны я в это прям [очень верю и прям только на это опираюсь / ну просто-о / есть такая возможность / надо пользоваться* (адресат: друг, жанр: размышление-рефлексия).

Сообщение (12), в отличие от предыдущего, характеризуется особой субъективностью: говорящий осмысляет свое отношение к теме астрологии и таро, занимая позицию между иронией, нейтральностью и умеренной симпатией. Речь в сообщении строится от первого лица. Она интонационно и лексически маркирована сомнениями, колебаниями: *я бы не сказала, не то чтобы, мне кажется*, — имеет хезитационные паузы и растяжки звуков.

Заключение. Проведенный анализ корпусного материала позволяет сделать ряд выводов.

1. Наиболее распространенным жанром голосовых сообщений в компьютерно-опосредованном дискурсе оказался «рассказ», что свидетельствует о высокой роли нарративности в повседневной голосовой интернет-коммуникации. Этот жанр характеризуется также средней продолжительностью сообщений ("51), что указывает на стремление к передаче развернутого опыта и является возможной причиной перехода с текстового (письменного) формата на аудио.

2. Следующими по распространенности жанрами стали «размышление» (15 сообщений, 10,3 %), «жалоба» и «размышление-рефлексия» (по 14 сообщений, 9,7 % каждое).

3. Ряд жанров, таких как «поздравление», «извинение», «комплимент», «шутка», «просьба», встретились единично, что может свидетельствовать об их ситуативной специфике в общении с помощью ГС.

4. Одно голосовое сообщение может содержать в себе несколько разных жанров, что также характерно для устной речи, ср.:

(13) сообщение + вопрос: И2: *так ну-у я вышел вот на остановке Холодильная\$ / и [всё не знаю погулять смогу / в магаз могу сходить / чё нужно?* (адресат: девушка);

(14) жалоба + размышление: И5: *она просто мне не отвечает на [сообщение о... об официальном переводе / мне так лень туда я не хочу туда ехать! / опять! (а-а-а) ну ну мне кажется просто звонить человеку это как-то ну ну слишком* (адресат: подруга).

Доля таких ГС в корпусе — 21,42 %.

5. Вопрос о том, является ли голосовое сообщение отдельным жанром остается дискуссионным, так как материал не выявил устойчивых жанрово-формальных признаков, которые позволили бы выделить его в качестве отдельного жанрового образования.

Думается, что материалы настоящего исследования будут полезны преподавателям, обучающим студентов стратегиям успешной коммуникации и русскому языку как иностранному. Отдельная ценность работы с данным материалом заключается в возможности его использования для обучения моделей ASR и разработки голосовых ассистентов.

Литература

1. Herring S. C. Computer-Mediated Discourse. In: Schifffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds.). The Handbook of Discourse Analysis. Oxford: Blackwell, 2001. Pp. 612–634.

2. Баркович А. А. Дискурс «компьютерно-опосредованный»: проблематика актуализации. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/186793/1/Barkovich.pdf> (дата обращения: 26.03.2025).

3. Пресс-служба ВКонтакте. URL: <https://vk.com/press/messenger-audio-research> (дата обращения: 26.03.2025).

4. Блог WhatsApp. URL: https://blog.whatsapp.com/making-voice-messages-better/?page_source=search&q=%D0%B3%D0%BE%D0%

ВВ%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5 (дата обращения: 26.03.2025).

5. Орлова Н. В. Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2018, № 3. С. 57–65.

6. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // *Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Главный редактор А. М. Молдован; ответственный редактор В. А. Плунгян. Москва, 2019. С. 101–110.

7. Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка) // *Альманах психологических тестов*. Москва: КСП, 1995. С. 217–224.

8. Карасик В. И. Энциклопедическое освещение речевых жанров (рец. на кн.: Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. *Русские речевые жанры: монография*. Москва: Изд. дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica)) // *Жанры речи*. 2023, № 1 С. 92–95.

9. Дементьев В. В. Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // *Quaestio Rossica*. 2019, Т. 7, № 1. С. 255–274.

10. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. 1997, № 1. С. 88–99.

References

1. Herring, S. C. Computer-Mediated Discourse. In: Schiffirin, D., Tannen, D., Hamilton, H.E. (eds.). *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell, 2001. — Pp. 612-634.

2. Barkovich, A. A. Discourse of “Computer-Mediated Communication”: Issues of Actualization [Electronic resource]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/186793/1/Barkovich.pdf> (accessed: 26.03.2025).

3. Press Service of VKontakte. URL: <https://vk.com/press/messenger-audio-research> (accessed: 26.03.2025).

4. WhatsApp Blog. Making Voice Messages Better. URL: https://blog.whatsapp.com/making-voice-messages-better/?page_source=search&q=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5 (accessed: 26.03.2025).

5. Orlova, N. V. Voice Messages as a Source of Information about Communicative Norms and Values // *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2018, № 3. Pp. 57-65.

6. Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. Corpus of Russian Everyday Communication “One Speech Day”: Current State and Prospects // *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Issue 21. Russian National Corpus: Research and De-

velopment / Ed. by A.M. Moldovan; Issue ed. by V. A. Plungyan. Moscow, 2019. Pp. 101–110.

7. Eysenck Personality Inventory (EPI Method) // Almanac of Psychological Tests. Moscow: KSP, 1995. Pp. 217–224.

8. Karasik, V. I. Encyclopedic Coverage of Speech Genres (Rev. of: L.V. Balashova, V.V. Dementiev. Russian Speech Genres: Monograph. Moscow: YASK Publishing House, 2022. 832 p. (Studia Philologica)) // Speech Genres. 2023, № 1. Pp. 92–95.

9. Dementiev, V. V. “Heart-to-Heart Talk” in the System of Values of Russian Verbal Communication // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7, № 1. Pp. 255–274.

10. Shmeleva, T. V. Model of a Speech Genre // Speech Genres. 1997, № 1. Pp. 88–99.

СТРУКТУРНО-НЕОТМЕЧЕННЫЕ ВОЕННЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

© **Кочарян Юлия Гамлетовна**

кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германской и русской филологии
juliakocharyan@mail.ru

© **Саруханян Маргарита Размиковна**

старший преподаватель
кафедры романо-германской и русской филологии
marsaru@rambler.ru

Сочинский государственный университет
Сочи, Россия

Аннотация. Контрастивная лингвистика как преемница традиционных направлений сравнительного языкознания является результатом совершенствования методологии сравнения языков. Она призвана вскрыть диалектическую связь между формой и содержанием языковых знаков и углубить понимание лингвистами роли сходств и различий в процедуре сравнения разноструктурных языков. В данной статье объектом контрастивного анализа является лексика в фразеологии военного жаргона при сопоставлении английского и русского языков,

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, форма, содержание, военный жаргон, фразеология.

STRUCTURALLY UNMARKED MILITARY JARGON IN ENGLISH AND RUSSIAN

Yulia G. Kocharyan,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
at the Roman-German and Russian Philology Department
juliakocharyan@mail.ru

Margarita R. Sarukhanyan,

Senior Lecturer
at the Roman-German and Russian Philology Department
marsaru@rambler.ru

Abstract. Being the successor of traditional comparative study of languages contrastive linguistics possesses a more sophisticated methodology of linguistic analyses. It is aimed at revealing intricate correlations between form and meaning of linguistic signs and deepening our understanding of the role of similarities and differences among languages. In this article the object of a contrastive analysis is the vocabulary in the phraseology of military jargon when comparing English and Russian.

Keywords: contrastive linguistics, form, meaning, military jargon, phraseology.

Контрастивная лингвистика изучает схождение и расхождения в использовании языковых средств различными языками. Лексика в фразеологии военного жаргона как объект контрастивного анализа не получила еще детального описания при сопоставлении английского и русского языков, хотя существует ряд работ, посвященных изучению этого просторечного пласта в английском языке [1–7]. Это обусловило выбор темы статьи, цель которой — выявить основные типы структурно-неотмеченных военных жаргонизмов в английском и русском языках. Под структурно-неотмеченными здесь понимаются такие языковые единицы (слова, словосочетания и предложения), морфологическая и синтаксическая структура которых соответствует нормам литературного стандарта сопоставляемых языков. Материалом контрастивного анализа послужили военные жаргонизмы, извлеченные из словарей английского просторечия [6–8], а также (для русского языка) собранные автором.

По наличию-отсутствию формально выраженной производности в своей линейной структуре все жаргонизмы-слова разграничиваются на две группы: 1) непр производные (простые) и 2) производные. По способы выражения производности последние подразделяются на три подгруппы: аффиксальные, сложные и сложно-аффиксальные. В качестве аффиксов могут выступать префиксы, полупрефиксы, суффиксы, полусуффиксы и их комбинации (все термины принимаются как заданные). Покажем это на примерах, приводя стандартное значение жаргонизма.

I. Простые структуры: buzz (новости), club (пропеллер), punk (беспомощный), boot (наказывать), skive («сачковать»); «дух» (солдат после присяги, до первого приказа МО об увольнении в за-

пас), «колбаса» (пикирующая мишень для отработки стрельбы из зенитных автоматов корабля), «рама» (двухфюзеляжный немецкий самолет-разведчик), «слон» (солдат до принятия присяги), «утюг» (линкор).

II. Производные структуры.

1. Аффиксально-производные. А. Префиксальные: un-: unhook (занимать деньги); сверх-: «сверхкрепость» (американских четырехмоторный пропеллерный тяжелый бомбардировщик В-52). Б. Полупрефиксальные: top-: top-kick (первый сержант). В. Суффиксальные: -у: bivouackу (чокнутый); -ило: «блудило» (штурман). Г. Полусуффиксальные: -merchant: air-merchant (летчик). Д. Аффиксально-комбинированные: а) префиксально-суффиксальные: super- + -о: super-dumbo (бомбардировщик В-29); анти- + -ин: антибомбин (водка, спиртное); полупрефиксально-суффиксальные: half- + -ed: half-cocked (пьяный); в) полупрефиксально-полусуффиксальные: half- + -over: half seas over (пьяный вдрызг, «море по колено»); г) полупрефиксально-суффиксально-полусуффиксальные: all- + -ed + -up: all ballsed-up (в полном замешательстве, неразберихе).

2. Сложно-производные: buscar (занятые деньги), sack-time (время сна), cow-gun (тяжелое морское орудие), joy-stick (рычаг управления в самолете); «маслопуп» (на корабле: моторист, командир БЧ-5 –электромеханической боевой части), «бугровоз» (автомобиль начальника воинской части), «кошкодав» («старик», слишком жестоко обращающийся с молодыми), «лейтенант-генерал» (лейтенант, у которого отец генерал), «человек-амфибия» (посудомойщик), «псих-самовзвод» (неуравновешенный, вспыльчивый человек).

3. Сложно-аффиксально-производные. А. Сложно-префиксальные: derocketbook (выкрадывать кошелек из кармана). Б. Сложно-полупрефиксальные: old-: old mud-hook (якорь). В. Сложно-суффиксальные: -er: stone-crusher (пехотинец); -ник: «леворучник» (солдат-самострел). Г. Сложно-полусуффиксальные: -Charlie: arse-Charlie (замыкающий; тыловой дозорный).

Военные жаргонизмы, представленные словосочетаниями и предложениями, дифференцируются в структурном плане по количеству слов (как знаменательных, так и служебных частей речи), входящих в их состав, на: двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные. Покажем их, аналогично словам, на примерах.

1. **Двухкомпонентные структуры:** *canteen eggs* (газовая атака), *blue duck* (слух, «утка», «параша»), *flying bedstead* (мотоцикл), *bottled sunshine* (пиво), *mark one* (сестра милосердия), *at spar-row-fart* (на рассвете), *all smart* (все в порядке), *go sick* (симулировать; «сачковать», «шланговать»), *draw crabs* (вызывать на себя огонь артиллерии противника), *Over There* (в составе экспедиционных сил в Европе); «остров соколовищ» (каптерка), «спящая красавица» (часовой), «с кубарем» (в офицерском звании), «форма раз» (белые брюки с гюйсом), «плюс один» (полная боевая готовность начать операцию в течение часа), «вставлять чоп» (налагать взыскание).

2. **Трехкомпонентные структуры:** *bit of skirt* (девушка), *All Very Cushy* (ветеринарная служба), *on the mat* (под следствием, «на ковре»), *a button loose* (глупый, «не все дома», «винтика не хватает»), *rough as bags* (неотесанный, неуклюжий), *on the beam* (понимая), *arse over tip* (задом наперед, шиворот-навыворот), *do a dutch* (дезертировать), *put dots on* (надоедать), *blow it out* (не верить), *chew the fat* (болтать, трепаться, «травить баланду»); «человек с ружьем» (часовой), «конспект на родину» (письмо домой), «хождение по мукам» (строевая подготовка), «казнь на рассвете» (утренняя зарядка), «человек без паспорта» (солдат), «метр до дембеля» (время после 100 дней до приказа МО об увольнении в запас), «почтенный склад генералов» (военный совет), «голый среди волков» (утренний осмотр), «изгнанный из рая» (призывник), «ноль на массу» (полное незнание предмета), «жизнь прошла мимо» (офицер), «ходить по гражданке» (носить штатское платье), «лежать вверх воронкой» (лежать на земле лицом вверх, будучи тяжело раненным).

3. **Четырехкомпонентные структуры:** *arse-hole of the world* (Персидский залив), *fattening for the slaughter* (отдых), *one over the eight* (пьяный, «под мухой»), *in a flying mess* (голодный), *second over the head* (второй по успехам), *wet behind the ears* (неопытный, «зеленый»), *all standing brought up* (неспособный контролировать ситуацию), *right through the piece* (на время войны), *till all is blue* (до крайности), *go over the top* (жениться), *put up a stall* (вводить в заблуждение, обманывать, «надувать», «наколоть»), *get the lead out* (действовать быстро); «Д'Артаньян и три мушкетера» (наряд по роте), «волк и семеро козлят» (отделение), «ни рыба, ни мясо» (курсанты второго или третьего курса), «две минуты без воздуха» (туалет), «крошить батон на пятки» (спать; задаваться, «понтиться»), «Я люблю тебя, жизнь», «Как прекрасен этот мир» (отбой), «Это не

должно повториться» (увольнение в запас, «дембель»), «Как вас теперь называть?» (солдаты последнего полугода службы), «Звезды падают в июне» (курсанты пятого курса), «Ждите нас на рассвете» (кросс на 10 км), «Граница не имеет покоя» (забор вокруг в/ч), «Вызываю огонь на себя» (спор со старшиной).

4. **Пятикомпонентные структуры:** *the day the eagle shifts* (день выдачи денежного довольствия), «В бой идут одни старики» («дембельский аккорд» — срочная работа, выполняемая только «стариками» непосредственно перед увольнением в запас), «Его знали только в лицо» (командир части), «Их знали только в лицо» (самовольщики, «самоходчики», караул).

5. **Шестикомпонентные структуры:** *jumpy as a bag of fleas* (чрезвычайно нервничающий, «мандражащий»); «Ночь пришла — чирик-ку-ку, скоро дембель старику» («стариковская» служба — солдат спит, а служба идет).

Завершая разбор структурно-неотмеченных военных жаргонизмов в английском и русском языках, следует заметить, что для английского военного жаргона, в отличие от русского, характерны так называемые фразовые глаголы — устойчивые сочетания глаголов с послелогом (постпозитивами), такими, как *aft, around, down, in, off, out, to, up*. Например: *get aft* (быть произведенным в офицеры из нижних чинов), *flap around* (слоняться без дела, лодырничать, «сачковать», «шланговать», «прикидываться чайником», «косить», «гасить»), *clamp down* (придираться, «наводить шухер, шмон», «качать права»), *mash in* (нажимать на педаль сцепления в автомобиле), *brass off* (ныть, ворчать, жаловаться, «скулить»), *touch out* (отлынивать от дела), *pop to* (принять положение «Смирно» подчеркнуто четко и резко), *police up* (драить, чистить, наводить порядок).

Подведем итоги. 1. Структура военных жаргонизмов в английском и русском языке может подвергаться двунаправленному контрастивному анализу, если сопоставляемые единицы построены по морфологическим и синтаксическим моделям соответствующих литературных стандартов. 2. Структурные схождения прослеживаются для непроемных, префиксальных, суффиксальных, префиксально-суффиксальных, сложных и сложно-суффиксальных производных слов, а также для всех типов словосочетаний и предложений. 3. Структурные расхождения наблюдаются для полупрефиксальных, полусуффиксальных, полупрефиксально-суффиксальных, полупрефиксально-полусуффиксальных, полупрефиксально-

суффиксально-полусуффиксальных, сложно-полупрефиксальных и сложно-полусуффиксальных производных слов, а также для фразовых глаголов, что отмечено только в английском военном жаргоне.

4. Выявленные лакуны структурно-неотмеченных типов можно «заполнять» военными и другими (молодежными, спортивными, медицинскими, компьютерными) жаргонизмами различных языков, просторечный вокабуляр которых подвергается контрастному анализу.

Литература

1. Бойко Б. Л. Военный профжаргон и профессиональная речь военных // Организационная психолингвистика. 2018. № 2(2). С. 8–18.
2. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. № 1 191 p.
3. Colby E. Army Talk: A Familiar Dictionary of Soldier Speech. Princeton: Princeton Univ. Press, 1942. 232 p.
4. Dickson P. War slang: American fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Brassey's, Inc. Washington, D.C., 2004. 429 p.
5. Military Terms of the Modern Era [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-B.HTM> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Murray T. E. The Language of Naval Fighter Pilots // American Speech. 1986. Vol. 61. No. 2. P. 121–129.
7. Partridge E. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. New York: Routledge, 2008. 721 p.
8. Spears R. A. Slang and euphemism. New York, 1981. 449 p.

References

1. Boyko B. L. Military professional jargon and professional speech of the military // Organizational psycholinguistics. 2018. 2 (2). P. 8–18.
2. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. № 1 191 p.
3. Colby E. Army Talk: A Familiar Dictionary of Soldier Speech. Princeton: Princeton Univ. Press, 1942. 232 p.
4. Dickson P. War slang: American fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Brassey's, Inc. Washington, D.C., 2004. 429 p.
5. Military Terms of the Modern Era [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-B.HTM> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Murray T. E. The Language of Naval Fighter Pilots // American Speech. 1986. Vol. 61. No. 2. P. 121 — 129.
7. Partridge E. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. New York: Routledge, 2008. 721 p.
8. Spears R.A. Slang and euphemism. New York, 1981. 449 p.

РЕЧЕВЫЕ КОННЕКТОРЫ С ЭЛЕМЕНТОМ *ТОГО*: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© Магарамова Диана Агавердиевна

студентка магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург

st111068@student.spbu.ru

Аннотация. Исследование посвящено речевым коннекторам (РК) с единицей *того* в русской устной речи. Целью работы является проследить использование таких единиц носителями русского языка и выявить особенности их функционирования в устном дискурсе, а также определить в каждом случае степень грамматикализации. Исследование выполнено на материале устного подкорпуса НКРЯ, из которого методом сплошной выборки было извлечено 770 контекстов с анализируемыми единицами. Кроме того, был проведен эксперимент в форме лингвистического опроса на платформе Google Forms, в котором ненаивным носителям русского языка было предложено определить значение РК в заданных контекстах. Результаты показали, что РК со значением причины имеют более сильную степень грамматикализации, а со значением пояснения и ввода дополнительной информации — среднюю и слабую.

Ключевые слова: речевой коннектор, дискурсивная единица, грамматикализация, коннекторизация, разговорная речь.

SPEECH CONNECTORS WITH THE ELEMENT *TOGO*: A CORPUS STUDY

Diana A. Magaramova

Master's degree student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

st111068@student.spbu.ru

Abstract. The study is devoted to speech connectors (SC) with the unit of *to-go* in Russian speech. The goal is to trace the use of such units and identify the features of their functioning, as well as to determine the degree of grammaticalization. The study is based on the oral subcorpus of the RNC, from which 770 contexts with the analyzed units were extracted using the continuous sampling method. In addition, an experiment was conducted in which

non-naive native speakers of Russian were asked to determine the meaning of RC in given contexts. The results showed that RCs with the meaning of cause usually have a strong degree of grammaticalization, while those with the meaning of explanation and input of additional information have a medium and weak degree of grammaticalization.

Keywords: speech connector, discourse unit, grammaticalization, connecto-rization, colloquial speech.

Введение

Речевой коннектор (РК) — это языковая единица, подобная союзу, но имеющая более широкие функции, т. е. способная связывать большие фрагменты текста. В узком понимании к коннекторам относят единицы, «частеречная принадлежность и связующая синтаксическая функция которых вызывает дискуссии» (1, с. 15). В широком понимании коннекторами считаются любые единицы, способные осуществлять связь фрагментов текста: союзы, дискурсивные слова, вводно-модальные слова и т. д. (2, с. 23). В обоих случаях синонимом термина *коннектор* является термин *текстовая скрепа* (3, с. 135). В настоящем исследовании *речевой коннектор* используется в широком понимании.

Одним из активных процессов в языке и речи является *грамматикализация*: переход из неграмматического в грамматическое или одного грамматического в другое грамматическое. В процессе грамматикализации языковое явление, таким образом, становится грамматическим или более грамматичным (4, с. 27). Формирование РК на базе сочетания полнозначных слов, не имеющего единого грамматического значения, рассматривают как подтип грамматикализации (5) и даже называют термином *коннекторизация* (6). Для того чтобы проследить пути грамматикализации речевого коннектора, используют методику *веерного шкалирования* (7), которая опирается на шкалу переходности (8, с. 132).

Целью настоящего исследования является попытка проследить использование РК с единицей *того* в спонтанной устной речи, выявить особенности их функционирования, а также определить степень их грамматикализации.

Форма *того* является компонентом составных союзов (*до того как, для того чтобы*), вводно-модальных конструкций (*кроме того*), прагматических единиц (*типа того, вроде того что*), а также конструкций, принадлежность которых к тому или иному грамматическому классу пока является предметом дискуссии (*в плане того*

что). Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к процессу грамматикализации в языке и его подтипам (конъюнкционализации, коннекторизации). Кроме того, актуальным является изучение единиц спонтанной разговорной речи в русле такого быстро развивающегося направления, как *коллоквиалистика* (9). Научная значимость исследования заключается в том, что оно позволит расширить наши представления об арсенале РК в русском языке, их функциональных и семантических особенностях, а также выявить, какие единицы уже можно считать сложившимися союзами, а какие — единицами, еще не до конца прошедшими процесс грамматикализации.

Материал и методы

Материалом исследования послужили высказывания с речевыми коннекторами, имеющими в своем составе единицу *того*. Для начала методом сплошной выборки из устного подкорпуса НКРЯ были извлечены все высказывания, содержащие эту единицу (1400 контекстов). Далее выборка была сужена при помощи поиска по следующим запросам: «того + что», «того + чтобы», «того + как»; «того + существительное + союз». Общее число полученных контекстов составило 770, т. е. более 50 % употреблений формы *того* фактически являются употреблениями в составе РК. На основании суженной выборки все составные единицы с *того* были распределены по следующим группам:

- кодифицированные в словарях **союзы**: времени (*после того как, во время того как*), причины (*из-за того что, ввиду того что*); цели (*для того чтобы, ради того чтобы*), присоединительные (*кроме того что / как, помимо того что*), исключительные (*за исключением того что*), замещения (*вместо того чтобы*);

- **речевые коннекторы**, статус которых неоднозначен (знаком * отмечены конструкции, которые признаются союзами лишь в некоторых словарях: 10, с. 537-541), с семантикой: ввода дополнительной информации (*мало того что**, *с учетом того что / если, на плюс того что*); пояснения (*в плане того что, в смысле того что*); сравнения (*типа того что, вроде того что*); объекта речи-мысли / изъяснительные (*по поводу того что**, *насчет того что** / *как / чтобы, в отношении того что, на тему того как*); причины (*в силу того что**, *за счет того что**, *по случаю того что, по причине того что, под предлогом того что, исходя из того что / как, в честь*

того что, в зависимости от того как); цели (в пользу того что, на случай того что); времени (накануне того как); тождества (в качестве того чтобы); с размытой семантикой (на фоне того что, вплоть до того что, на контрасте того что, (не) против того чтобы, не до того чтобы, до того (...), что);

- **местоименно-соотносительные конструкции:** связанные с управлением глагола (начать с того что, дошел до того что, зависит от того как / что); связанные с существительным (идея того что, до того момента как);

- **конструкции с того без части, присоединяющей придаточное предложение:** модально-вводные (более того, кроме того), времени (до того момента), исключительные (без того), заместительные (вместо того).

Вторая часть исследования представляла собой эксперимент в форме лингвистического опроса, призванного определить статус некоторых потенциальных РК в восприятии ненаивных носителей русского языка (филологов). Для этого было отобрано 11 контекстов с единицами, статус которых неоднозначен. Эксперимент проводился дистанционно, в формате Google Forms. Испытуемым предлагалось подобрать синоним к выделенным конструкциям с того (примеры 1-11):

(1) Существует замечательная возможность в зарубежных вузах — это получить стипендию/ то есть **мало того/ что** вы можете получить бесплатное образование/ вам могут ещё и платить за то/ что вы учитесь;

(2) А если учесть/ эт самое/ насчёт опыта/ с **учётом того/ что** после окончания школы я волейбольный мяч взял в руки спустя два с половиной года/ то не было у меня особого времени заниматься им;

(3) Вот у него... вот он очень интересная личность ээ **в плане того/ что** он за что бы он ни брался/ всё горело у него в руках;

(4) Вот / а потом я бы ещё посмотрела / знаешь какие-нибудь кубики / ну / **типа того что** я / у мамы просила / но только они / ну / такие / которые уже сейчас можно;

(5) И ещё вот момент/ связанный с... с потерями/ **по поводу того/ что/ типа/** у Гарри умерли родители/ потом у него умер крёстный;

(6) Потом/ знаете/ я вот обратно хочу вспомнить/ что вот я часто дружила с мальчишками/ но/ вот видите/ **в силу того/ что** я

была намного младше их/ потом/ у них в семье были по три-четыре п-парней / братьев/ а я всегда одна была/ и почему-то они меня всегда че... хотели обидеть;

(7) Ну/ это очень активный ребёнок/ в принципе/ поэтому ещё плюс я беру/ **на плюс того/ что** мало ли как она себя ещё вести будет;

(8) Педант был/ но горевал/ дисциплинированный/ может быть/ по... **по случаю того/ что** я на флоте пробыл;

(9) А.: Вот. А перед тем/ как направлять/ он меня вызвал/ значит/ этот начальник и говорит/ «Если вы останетесь в училище/ а у вас все данные есть/ значит/ у вас будет будущее хорошее». — Б.: Почему? — А.: **В смысле того/ что** вот щас вот проучитесь/ потом поедете в этот ээ в академию...;

(10) Вам хочется поделиться своими мыслями / чувствами или просто пофантазировать **на тему того / как** красота объемных волос помогла вам в ответственный момент в жизни / тогда присылайте нам свои рассказы / лучшие будут взяты за основу следующих «Женских историй от Shamtu»;

(11) Просто на свадьбе всегда молодоженам не до этого. Они всегда ходят / просто **не до того / чтобы** с гостями общаться;

В опросе приняли участие 58 человек. Полученные ответы по каждому примеру были систематизированы и проанализированы.

Результаты и обсуждение

На основе того, синонимы с какой семантикой подбирали респонденты для выделенных потенциальных РК, были получены следующие обобщенные результаты. Приводятся основные варианты, зафиксированные в ответах; низкочастотные не описываются:

- *мало того что*: 85 % — «дополнительная информация» (не только... но и, кроме / помимо, вдобавок);

- *с учетом того что*: 60 % — «учет информации» (беря / принимая во внимание, учитывая / если учесть); 9 % — «причина» (поскольку, так как);

- *в плане того что*: 65 % — «пояснение» (а именно, то есть, в том смысле, я имею в виду), 12 % — «причина» (потому что, из-за того что);

- *типа того что*: 90 % — «схожесть, подобие» (50 % — союзы сравнения: вроде, как, наподобие; 30 % — прилагательные: похожий, подобный);

- по поводу того что: 19 % — «причина» (из-за того что, потому что, в связи с тем что), 15 % — «пояснение» (например, а именно), 10 % — «отношение и связь» (в отношении того что, что касается), 15 % — затруднялись с ответом;

- в силу того что: 90 % — «причина» (из-за того что, поскольку, потому что, так как);

- на плюс того что: 40 % — «дополнительная информация» (вдобавок, дополнительно, более того, кроме / помимо того, не только), 17 % — «учет информации» (учитывая, беря во внимание), 25 % — затруднялись с ответом;

- по случаю того что: 93 % — «причина» (потому что, так как, из-за того что);

- в смысле того что: 50 % — «пояснение» (я имею в виду, а именно, то есть, иначе говоря, в том смысле, в том плане, в понимании), 40 % — «причина» (потому что);

- на тему того как: 80 % — «объект речи» (о том что, на предмет того что)

- не до того чтобы — 75 % — лексическое значение (55 % — нет времени, 12 % — нет сил / желания), 5 % — «цель» (не для того чтобы).

Было сделано предположение, что степень грамматикализации проявляется в том, насколько единообразно информанты определяют значение выделенной единицы, насколько грамматическим является это значение («причина» — грамматическое, «нет времени» — не грамматическое), а также насколько широк разброс конкретных вариантов ответов (например, семантика «пояснение» — конкретные варианты: *имеется в виду, я имею в виду, мы же знаем, то есть, а именно, в смысле...*). На основании этого представляется возможным распределить исследуемые единицы по шкале грамматикализации следующим образом.

Сильную степень грамматикализации демонстрируют конструкции, значения которых однозначно (единообразно) определялись большей долей респондентов, при этом как ведущее определялось именно грамматическое значение: *по случаю того, в силу того* — «причина», *на тему того* — «объект речи», *типа того что* — «схожесть, подобие» (конкретно в выбранном контексте), *мало того что* — «дополнительная информация».

Средняя степень грамматикализации отмечается у тех конструкций, при толковании которых наблюдалась конкуренция значе-

ний, т. е. не фиксировалось ни одного значения, которое определялось бы 80–90 % информантов: *с учетом того что* — «учет информации» либо «причина»; *в плане того что*, *в смысле того что* — «пояснение» либо «причина».

Слабую степень грамматикализации имеют те конструкции, которые продемонстрировали большой разброс как первичных вариантов ответа, так и определяемых значений, кроме того, при толковании значительная часть информантов затруднялась с ответом: *по поводу того* — «причина» либо «связь / касательство»; *на плюс того* — «дополнительная информация» либо «причина».

Наконец, совсем не грамматикализована конструкция, у которой большинство информантов однозначно определяли значение как лексическое: *не до того чтобы* = «нет времени / желания / сил».

Заключение

Анализ корпусного материала показал, что в устной русской речи функционирует большое количество составных конструкций с единицей *того*, которые ведут себя как речевой коннектор. Среди них союзы с семантикой времени, причины, цели, присоединения, исключения, замещения; РК, сдвигающиеся (по шкале грамматикализации) в сторону союзов, с семантикой ввода дополнительной информации, сравнения, объекта речи и мысли, пояснения и т. д.; местоименно-соотносительные конструкции со значением в том числе времени и изъяснения; вводно-модальные, темпоральные, заместительные и исключаяющие конструкции без первообразного союза.

Видно, таким образом, что конструкции с формой *того* находятся в современном русском языке на разных стадиях грамматикализации (коннекторизации). Анализ экспериментальных данных показал, что сильную степень грамматикализации демонстрирует, например, конструкция *на тему того что*, среднюю — *в смысле того что*, слабую — *на плюс того что*. Можно предположить, что степень грамматикализации слабо и средне грамматикализованных конструкций постепенно повышается, и они движутся к тому, чтобы стать союзами или речевыми коннекторами.

Литература

1. Инькова О. Ю. О понятии «текстовая скрепа» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию // Сборник материалов всерос-

сийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2021. С. 13–20.

2. Зализняк Анна А. О месте категории присоединения в описании коннекторов русского языка // *Съпоставительно езикознание / Сопоставительное языкознание*. 2017. № 4. С. 21–34.

3. Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 2. С. 134–141.

4. Lehmann, C. Thoughts on Grammaticalization. Revised and expanded version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. 230 p.

5. Кобозева И. М., Сердобольская Н. В. Источники грамматикализации коннекторов русского языка (на материале базы Рускон) // *Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та*. 2024. № 7. С. 66–74.

6. Баженова А. Г. Пути развития речевых коннекторов: методика верного шкалирования // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2022. № 10. С. 52–58.

7. Богданова-Беглярян Н. В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи // *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей*. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2022. С. 179–187.

8. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. Москва: Дрофа, 2000. 638 с.

9. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.

10. Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник. Москва: Эксмо, 2012. 569 с.

References

1. In'kova, O.Iu. O poniatii «tekstovaia skrepa» // *Russkii sintaksis: ot konstruktii k funktsionirovaniu* // *Sb. mat-lov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 95-letii doktora filologicheskikh nauk, professora Ally Fedorovny Priiatkini*. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. fed. un-ta, 2021, pp. 13-20.

2. Zalizniak, Anna A. O meste kategorii prisoedineniia v opisanii konnektorov russkogo iazyka // *Sopostavitel'noe iazykoznanie*, 2017, № 4. pp. 21-34.

3. Priiatkina, A. F., Starodumova, E.A. Tekstovye skrepy v «Slovarе sluzhebnykh slov» // *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2015, № 2, pp. 134-141.

4. Lehmann, C. Thoughts on Grammaticalization. Revised and expanded version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995, 230 p.

5. Kobozeva, I. M., Serdobol'skaia, N.V. Istochniki grammatikalizatsii konnektorov russkogo iazyka (na materiale bazy Ruskon) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta, 2024, № 7, pp. 66-74.
6. Bazhenova, A. G. Puti razvitiia rechevykh konnektorov: metodika veernogo shkalirovaniia // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniia, 2022, № 10, pp. 52-58.
7. Bogdanova-Begliaran, N. V. Metodika shkalirovaniia kak instrument opisaniia grammatiki sovremennoi russkoi rechi // Russkaia grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravlenii, metodov: sb. nauch. statei. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo fed. un-ta, 2022, pp. 179-187.
8. Babaitseva, V. V. Iavlennia perekhodnosti v grammatike russkogo iazyka. Moscow: Drofa, 2000, 638 p.
9. Skrebnev, Iu. M. Vvedenie v kollokvialistiku. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. 210 p.
10. Pakhomov, V. M. Svintsov, V. V., Filatova, I. V. Trudnye sluchai russkoi punktuatsii: Slovar'-spravochnik. Moscow: Eksmo, 2012, 569 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ЗРЕНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧИ¹

© Митренина Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
o.mitrenina@spbu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты применения инструментов компьютерного зрения для анализа мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах». В работе использовалась библиотека MediaPipe Hand Landmarker для автоматической разметки жестов рук в видеозаписях естественной коммуникации. Этот подход позволяет быстро и точно определять координаты ключевых точек рук, что дает возможность анализировать скорость движения и кинетическую активность собеседников. Использование технологий компьютерного зрения открывает новые возможности для изучения взаимосвязи между вербальной и невербальной коммуникацией, что имеет важное значение для лингвистики, психологии и социологии.

Ключевые слова: разговорная речь; мультимодальные корпуса; жесты; разметка жестов; разметка мимики; мультимодальная коммуникация; нейронные сети; компьютерное зрение; MediaPipe; невербальная коммуникация.

THE USE OF COMPUTER VISION SYSTEMS FOR SPEECH RESEARCH

Olga V. Mitrenina

PhD, Associate Professor
Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg
o.mitrenina@spbu.ru

Abstract. The article presents the results of applying computer vision tools to analyze the multimodal corpus "Stories and Conversations about Pears." The MediaPipe Hand Landmarker library was used to automatically annotate hand gestures in video recordings of natural communication. This approach

¹ Исследование подготовлено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900006-1

enables the rapid and accurate determination of key hand points, allowing for the analysis of movement speed and kinematic activity of the speakers. The use of computer vision technologies opens up new opportunities for studying the relationship between verbal and non-verbal communication, which is of great importance for linguistics, psychology, and sociology.

Keywords: multimodal corpora; conversational speech; gestures; gesture annotation; facial expression annotation; multimodal communication; neural networks; computer vision; MediaPipe; nonverbal communication.

Введение. Исследования разговорной речи до недавних пор ограничивались лишь некоторыми специфическими для нее каналами — главным образом, вербальным и просодическим. Однако содержание этих каналов в живом общении может заметно модифицироваться с помощью визуальной информации. Для исследования взаимосвязи и взаимодействия в живом общении различных коммуникативных каналов создаются мультиканальные корпуса. Они содержат записи естественной коммуникации с их кинетической, звуковой и текстовой аннотацией (Кибрик, Федорова, Подлесская 2018).

Традиционные методы ручной разметки видеозаписей, хотя и точны, часто требуют значительных временных и ресурсных затрат. Нейросетевые технологии предлагают решение этой проблемы, позволяя быстро и эффективно обрабатывать большие объемы данных. В последние годы, благодаря развитию компьютерных наук, открылись новые технические возможности для анализа живого речевого материала. В частности, методы компьютерного зрения позволяют исследовать жестикуляцию и мимику, которые играют значительную роль в передаче смысла и эмоций.

В настоящей статье рассказывается о первых результатах применения инструментов компьютерного зрения для разметки мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах».

Современные инструменты для разметки движений человека

Технологии для определения ключевых узлов человеческого тела на изображении или видео называются НРЕ — Human Pose Estimation ('оценка человеческой позы'). Они сейчас развиваются очень быстро, так как они позволяют автоматизировать многие задачи современного общества. Например, они следят за соблюдением техники безопасности (использование каски и страховки при ра-

боте на опасных объектах), выступают в качестве электронного тренера (сравнение движения спортсмена с эталоном), считают безбилетных пассажиров (сопоставление количества вошедших людей с количеством операций по оплате проезда) и пр. Было бы естественно привлечь их и для научных исследований разговорной речи.

Выбор инструмента зависит от конкретных требований проекта, таких как необходимая точность, скорость обработки и доступные вычислительные ресурсы. К наиболее популярным инструментам для HPE относятся:

1. **DeepPose** — одна из первых значимых разработок в области HPE, использующих глубокие нейронные сети.

2. **OpenPose** — одна из наиболее эффективных систем, которая может одновременно определять позы нескольких людей в реальном времени. Она поддерживает определение 135 ключевых точек, включая пальцы, что делает ее подходящей для детальной разметки людей на видео.

3. **MediaPipe Solutions** — набор библиотек и инструментов для НР. Модель **MediaPipe Pose Landmarker** находит трехмерные координаты 33 ключевых точек. Модель **MediaPipe Hand Landmarker** определяет двухмерные или трехмерные координаты для 21 точки каждой руки. Модель **MediaPipe Face Landmarker** может определять до 478 трехмерных координат точек лица, что делает возможным тщательно отслеживать мимику.

4. **AlphaPose** работает по принципу «сверху вниз»: вначале производится локализация людей на изображении, после чего происходит определение частей их тел и вычисление положений.

5. **DeepCut** на первом этапе проводит идентификацию всех возможных частей тела на изображении с последующей их разметкой (голова, руки, ноги), после чего «собирает» из этих частей людей, находящихся в кадре.

6. **HRNet (High-Resolution Net)** — это высокоэффективная модель для оценки позы, сохраняющая высокое разрешение и стабильность при работе с различными позами и условиями освещения.

7. **PoseNet** — это легковесная система, которая позволяет выполнять оценку позы с помощью малоресурсных браузеров или мобильных телефонов.

8. **GL-Pose** — это легковесная сверточная нейронная сеть, разработанная для оценки позы человека в реальном времени, особенно эффективна для приложений в области фитнеса.

9. **YOLO-pose** — быстро и точно определяет 17 ключевых точек человека на изображении. Они могут быть дообучены на стороннем датасете в формате YOLO.

10. **MoveNet** — еще одна сверхбыстрая и точная модель для определения 17 ключевых точек тела. Она существует в двух вариантах: Thunder для приложений, требующих высокой точности, и Lightning для приложений, требующих высокой скорости исполнения.

Выбор инструмента зависит от конкретных требований проекта, таких как необходимая точность, скорость обработки и доступные вычислительные ресурсы.

Применение MediaPipe Hand Landmarker для корпусной разметки

Мультимодальный корпус «Рассказы и разговоры о грушах» создается в Институте языкознания РАН. Корпус содержит записи естественной коммуникации между несколькими собеседниками, а также их вокальную, референциальную, кинетическую и окулоmotorную аннотацию (Кибрик, Федорова 2018). Для разметки жестов рук в этом корпусе была разработана методика, основанная на сегментировании всего потока на периоды неподвижности и отдельные движения, внутри которых выделяются функциональные единицы — отдельные жесты, адапторы, смены позы, а также их группы (Литвиненко, Николаева, Кибрик 2017).

В нашем эксперименте мы использовали другой способ разметки. Для каждого кадра с помощью библиотеки MediaPipe Hand Landmarker (MediaPipe Solutions) были найдены координаты 21 ключевой точки для каждой руки. Поскольку видео сделаны с частотой 100 кадров в секунду, это давало возможность вычислять изменение позиции каждой точки для каждой миллисекунды. А это, в свою очередь, позволяло определять скорость движения и паузы в жестикуляции.

Кроме того, исследование самих координат также позволяло оценить кинетическую активность собеседников. Для этого были проанализированы видеозаписи трех рассказчиц: N04, N22 и N23. На протяжении всего разговора они почти не выводили кисти рук в пространство над головой или в стороны на уровне (или выше) плеч. Практически всю беседу координаты их запястья не выводились за пределы визуальных границ туловища. Рассказчица N23

всего трижды поднимала кисти рук выше уровня бровей. Это происходило с описанием действий или предметов «на высоте»:

1. ...руки срывают большую зеленую грушу... (жест сбора груши с верхней ветки)
2. ...он залез снова... (движение человека, забирающегося на дерево)
3. ...с него слетает шляпа... (круговой жест, очерчивающий поля шляпы)

Рассказчица N22 поднимала руки на уровень бровей только два раза на следующих словах:

1. ...такое круглое лицо... (жест, очерчивающий круг лица)
2. ...много таких волос... (жест, изображающий взъерошенные волосы)

Все пять жестов дублируют произносимый текст, что говорит о сдержанном характере общения (связанном с условиями эксперимента) и о преобладании нарратива.

Заключение

Компьютерная обработка видеоматериалов для исследования речи показывает следующие преимущества в сравнении с прежними технологиями ручной обработки. Увеличивается точность анализа, причем вносятся количественные характеристики (метрики) в ту область, где прежде использовались только приблизительные оценки; значительно увеличивается скорость обработки видеоряда; отпадает необходимость в использовании специалистов по ручной размети. Но главное преимущество такого подхода — числовые характеристики позволяют изучать корреляцию между движением, мимикой и речью. Таким образом, использование инструментов компьютерного зрения открывает новые возможности для исследователей в области лингвистики, психологии и социологии.

Литература

1. Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции "Диалог" (Москва, 31 мая–3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В двух томах. Москва: Изд-во РГТУ. 2017. Т 2. С. 255–268. EDN: PRMZTV
2. Кибрик А. А., Федорова О. В. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // Психология. Журнал Выс-

шей Школы экономики. 2018. № 15(2). С. 191–200. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-191-200 EDN: ZAHFML

3. Кибрик А. А., Федорова О. В., Подлесская В. И. 2018. Мультиканальные корпуса: вчера, сегодня, завтра / А. Б. Безбородов (ред.) // Гуманитарные чтения РГГУ. Москва: РГГУ. 2017. С. 499–511. EDN: VUISMK

4. MediaPipe Solutions. URL: <https://github.com/google-ai-edge/mediapipe> (дата обращения: 03.03.2025).

References

1. Litvinenko A. O., Nikolaeva Y. V., Kibrik A. A. 2017. Annotation of Russian Manual Gestures: Theoretical and Practical Questions // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue" (Moscow, May 31 — June 3, 2017). Issue 16(23): In 2 parts. Moscow: RSUH Publishing House, Part 2, pp. 255–268.

2. Kibrik A. A., Fedorova O. V. 2018. An Empirical Study of Multichannel Communication: Russian Pear Chats and Stories // Psychology. Journal of the Higher School of Economics, No. 15(2), pp. 191–200. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-191-200

3. Kibrik A. A., Fedorova O. V., Podlesskaya V. I. 2018. Multimodal Corpora: Yesterday, Today, Tomorrow // A. B. Bezborodov (ed.) Humanities Readings of RSUH — 2017. Moscow: RSUH, pp. 499–511.

4. MediaPipe Solutions. URL: <https://github.com/google-ai-edge/mediapipe> (Accessed: 03.03.2025).

ВЗДОХ КАК ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ УСТНОЙ РЕЧИ: ТИПОЛОГИЯ ЧАСТОТНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ В БЫТОВЫХ ДИАЛОГАХ

© Мишина Валерия Игоревна

студент,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Россия, г. Санкт-Петербург

vel.mishina@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается вздох в бытовых диалогах — как паралингвистический элемент (ПЭ) устной речи. Анализ корпусного материала показал, что данный ПЭ, как, впрочем, и большинство элементов устного дискурса, обладает прагматическим значением и, в зависимости от тематики контекста, занимает в высказывании определенную позицию. Систематизация материала позволила создать типологию употреблений вздохов в зависимости от их прагматики: хезитация, навигация по тексту и рефлексия, — а также описать наиболее частотные коммуникативные ситуации, в которых встречается вздох как ПЭ. Полученные наблюдения важны для моделирования речевого поведения человека в различных прикладных аспектах, включая лингводидактику и совершенствование автоматических систем анализа естественной речи.

Ключевые слова: повседневный дискурс; паралингвистический элемент; коммуникативная ситуация; хезитация; навигация; рефлексия

SIGH AS A PARALINGUISTIC ELEMENT OF ORAL SPEECH: TYPOLOGY OF FREQUENT USES IN DAILY DIALOGS

Valeria I. Mishina

Student

National Research University

“Higher School of Economics”

St. Petersburg, Russia

vel.mishina@gmail.com

Abstract. This paper considers the sigh in daily dialogues as a paralinguistic element [PE] of oral discourse. The analysis of corpus material has shown that this PE, as well as most elements of oral discourse, has a pragmatic meaning and, depending on the thematic nature of the context, takes a spe-

cific position in the utterance. The classification of the material led to the development of a typology of sighs based on their pragmatics: hesitation, text navigation, and reflection. It also allowed for the description for the most frequent communicative situations in which a sigh as a PE occurs. These observations are important for modeling human speech behavior in various practical applications, including language teaching and the improvement of automatic systems for natural speech analysis.

Keywords: everyday discourse; paralinguistic element; communicative situation; hesitation; text navigation; reflection

Введение. В рамках *коллоквиалистики* как науки о разговорной речи и ее характерных особенностях, активизируются исследования дискурсивной составляющей высказывания, в том числе речеорганизующих компонентов реплики, отражающих взаимодействие собеседников во время разговора (1, с. 316). В эту систему входят не только многочисленные дискурсивы, но и различные паралингвистические элементы (ПЭ), которые как отражают физиологическое состояние говорящего, так и выполняют определенные функции в построении высказывания (5).

Предметом исследования в настоящей работе стал *вздых* (*В), который в коллоквиалистике описывается как разновидность неречевых элементов устной речи и некий «сбой» в процессе речепорождения, мешающий непрерывному воспроизведению мысли и затормаживающий высказывание (8). В литературе по теме можно найти достаточно полную картину функционирования этого ПЭ в устной речи и набор его прагматических значений, а именно: хезитация, навигация по тексту и рефлексия (3, с. 273). Однако прагматику *В можно описать и более подробно, с учетом типа коммуникативной ситуации. Создание типологии, охватывающей подавляющее большинство употреблений этого ПЭ в устном дискурсе, и стало *целью* настоящей работы.

Материалом для исследования стали максимально приближенные к естественным диалоги из корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД): 81 контекст с *В и 112 неречевых единиц этого типа (в некоторых контекстах *В встречался, как минимум, дважды). Специфика расшифровки подобно описана создателями этого корпуса (см., например: (4)), однако в рамках настоящего исследования важно упомянуть, что информанты и их коммуниканты обозначаются под номером в квадратных скобках ([И1], [Ж1]), незаполненные продолжительные паузы фиксируются как

*П и многоточие в скобках (...), короткие — как слеш (/). Обрывы обозначаются многоточием без скобок (...), растяжка звуков как (:), которое ставится без пробела после соответствующей буквы, и, наконец, длительная пауза, разграничивающая синтагмы, обозначается как двойной слеш (//). Проведенный контекстный анализ позволил создать следующую типологию *В в бытовых диалогах.

1. Вдох в хезитативной функции

Вздохов-хезитативов в материале исследования оказалось два типа.

Во-первых, *В часто появляется в ходе поиска говорящим синонима или синтаксически однородной единицы, ср.:

1) [И95] *он должен был уже сказать / да иди ты на х*р ! я уже нашёл себе тут прекрасную девушку которая меня во всём поддерживает ... *В (э-э) удовлетворяет и прочее;*

2) [И95] *возможно / если будет формат моего участия с Карпычевым% вместе на трибуне на набережной иди *В и так далее.*

В этих случаях *В выполняет роль хезитатива и отражает затруднения говорящего в попытке продолжить высказывание. Так в контексте [1] информант начинает перечислять личностные качества и действия, которые необходимо совершать молодому человеку, о котором идет речь, но запинаясь и вздыхает в попытках подобрать глагол *удовлетворяет*, синтаксически однородный сказанному ранее (*поддерживает*). В контексте [2] видим практически идентичную ситуацию, когда *В-хезитатив возникает в ходе подбора нового глагола для логического продолжения высказывания.

Контексты [1]-[2] интересны также с точки зрения разного «выхода» говорящего из затруднительной коммуникативной ситуации. Если в [1] информант обрывает высказывание, вздыхает, вокализует (э-э), вербализует еще одно действие и только после этого решает закончить перечисление, приходя к обобщению (*и прочее*), то говорящий в контексте [2] сразу осознает свои затруднения и, не пытаясь придумать логическое продолжение высказывания, вздыхает и обобщает (*и так далее*).

Во-вторых, «сбой» в процессе речепорождения и следующая за ним пауза хезитации, заполняемая *В, может возникнуть во время подбора подходящей лексической единицы, как в контексте [3], или же в случае поиска слова, которое вряд ли можно заменить синонимичным или более привычным информанту, как в контексте [4]:

3) [И64] *да / я хотела вот посередине посадить вот тут кустик / а (...) здесь (...) маргаритку // [Ж1] *Н ? [И64] да // видишь / кто-то приезжал ... слушай / сунь ты(:) где-нибудь в землю / вот там вот *В под оградкой;*

4) [И45] *из чего конструктивно это сделано ? [Ж1] из металла // [И45] какого ? [Ж1] какого ? ну этот / прокат // [И45] прокат чёрный или / это никелеровка или это *В блестящие нержавеющей трубы ?*

Еще одной причиной появления *В в высказывании можно считать попытку скорректировать сказанное ранее:

5) [Ж1] *тысяча рублей с человека // *П с трехразовым питанием // *П [И92] м-м // [Ж1] (н-н) ну где-то шестьсот метров до моря в прин... // *П вниз идешь просто по прямой пятнадцать минут // [И92] вот я думаю / что не надо / как бы () дорого // *П или брать () *В без питания там // *П [Ж1] без питания там не(:) дешевле получается.*

2. Вдох в навигационной функции

Функционирование *В в качестве *навигатора*, помогающего говорящему продвинуть реплику вперед, также можно охарактеризовать как вполне типичное.

Во-первых, *В в функции навигатора часто встречается в объемных высказываниях монологического типа (содержащих более 30 токенов, где за 1 токен считается каждая речевая и неречевая единица), где он «помогает» говорящему хронологически выстроить высказывание, условно обособляя хронологически не подходящую, отвлеченную от общего повествования часть (подчеркнуто):

6) [И95] *так я и говорю // мы поехали там () в субботу ... в «Рыбу_на_даче»\$ // с подружками // *В и тоже приехали // ну я типа тоже боле(:)ю же всё // но потом думаю / блин / всё-таки лето // знаешь / думаю / за(:)город / ну там солнце / не будем одеваться // *В а приехали / я аж там в два плета завернулась.*

Во-вторых, *В такого типа часто встречается при вводе в повествование новой информации, уточняющей детали, или при приведении примера (что редко получается разделить на две отдельные категории) [7], а также при полной или частичной смене предмета разговора [8]:

7) [И45] *девушка проходит / и так далее // мы на Казанском_соборе\$ / конкретика // *В никаких соплей / как я это называю / ясно *С или нет ? *В и мы говорили с вами всегда / что это*

(э) *наша профессия режиссёрская / это конкретно // *В в кадре то-то-то-то-то;*

8) [И91] *им не скучно / а то чего (...) *П в городе интересно сидеть ? [М1] скучно // *П [И91] скучно ? [М1] *Н [И91] ну а в городе чего / интересно сидеть ? ну ладно / ты правда бы на даче сидела / *В а этот твой дружок на даче / он всё лето на даче сидит ?*

В контексте [7] говорящему, вне всякого сомнения, требуется структурировать текст и «обозначать» ввод новой детали: его личное понимание конкретики, видение кадра и специфику режиссерской профессии ([И45] по профессии режиссер и преподаватель театрального вуза). А в контексте [8] *В в навигационной функции маркирует переход от обсуждения скуки в городе или же за городом к обсуждению дружка, *всё лето сидящего на даче.*

Еще несколько частотных ситуаций употребления *В-навигатора можно описать как введение тематического противопоставления [9] и переход к обобщению сказанной ранее информации или к выводу (10):

9) [И78] *а // *П спинка всегда равна спине / ну мини... минимальной спине человека / и если рюкзак сам по себе с минимальную спину человека / то не... нету необходимости складывать у него отделение / *В а вот у больших рюкзаков / так и работает / вот этот рюкзак ещё складывается;*

10) [И45] *коэффициент полезного действия этих знаний они остаются то есть усвояемость ваша в молодости богаче и ярче после семнадцати лет оно составляет уже четыре процента вы представляете что такое *В то есть начиная вот с такого возраста человек когда познаёт мир он впитывает и всё подсознание работает с огромной скоростью.*

Стоит отметить, что *В в навигационной функции часто употребляется и как способ выйти из затруднительной коммуникативной ситуации, как в контексте [11]:

11) [Ж1] *я из сада выхожу / и наш этот ... стоит такой // о(:)й // мужик / короче // И63 который ? Ж1 ну / рабочий наш // забыла / как его зо... господи !не Макар% / а ... *В и говорит *П ой / говорит / солнышко вышло !*

Важно, что Ж1 изначально испытывала трудности в припоминании имени *мужика* (подчеркнуто) и решила продолжать высказывание без уточнения, «свернув» высказывание с помощью прагма-

тического маркера *короче*. (6, с. 252). В итоге происходит *операция полной отмены* (подробнее об операциях отмены см.: (7, с. 140–146)), когда Ж1 решает продолжить без упоминания имени и вздыхает, что маркирует ее возвращение к изначальному плану рассказа.

3. Вдох в рефлексивной функции

Коммуникативные ситуации, где *В выполняет функции *рефлексива*, т. е. отражает реакцию говорящего на какую-либо ситуацию, можно разделить на несколько типов.

Во-первых, *В-рефлексив возникает в ситуациях «возмущения» [12], что подтверждается и повышенной интонацией, и использованием нецензурной лексики:

12) [Ж1] *Светлану_Ивановну% отвезём // значит я подъезжаю ... [И60] она же там вообще живет возле ... [Ж1] я подъезжаю ... он думал на дачу // он думал // она / мне в библиотеку ! етить твою / представляешь он значит меня вот это дёргал да / *В / чтоб я приехала отвезла её в библиотеку // понимаешь это вообще ох*рея !*

Во-вторых, ситуации появления *В в рефлексивной функции можно описать как «воспоминания о прошлом», имеющие ностальгическую окраску [13] или отражающие удручающую для информанта составляющую этих воспоминаний [14]:

13) [И85] *а там пятьдесят четыре градуса // *П но воздух сухой // *П и такой ходишь в торговом центре / ходишь ходишь / под кондёрами под этими / хорошо // *В ходишь смотришь на улицу / а там это море и лодочки носятся туда-сюда;*

14) [Ж2] *я сказала / ты сильно не увлекайся // воспаление лёгких будет / я буду за тебя отвечать // [И84] ну да // [Ж2] *В у меня у самой так было.*

Стоит отметить, что в контексте [14] *В становится «упреждающим рефлексивом», т. е. реакцией на правый контекст высказывания, на то, что информант еще не произнес, но собирается сказать (2, с. 11). Такая позиция исследуемого ПЭ в рефлексивной функции распространена чуть меньше, в отличие от реакции на левый контекст высказывания, т. е. на уже вербализованную мысль.

В-третьих, *В-рефлексив часто возникает в высказываниях, передающих личные переживания информанта, к примеру, реакцию на обмороки дочери информанта [15], или же в репликах, содержащих ярко негативную реакцию на какое-либо событие (неприятная говорящему погода) [16]:

15) [И83] у меня Василиса% стала в обмороки падать // *П пришлось всё это оставить // [Ж3] а что такое было с ней ? [И83] пятнадцать лет // [Ж3] *П и что ? [И83] да хр*н его знает // *П *В стала в городе падать в обмороки;

16) [Ж1] как там на улице ? [И84] *П ужас // *В опять ужас // *Ш только только прошёл дождь.

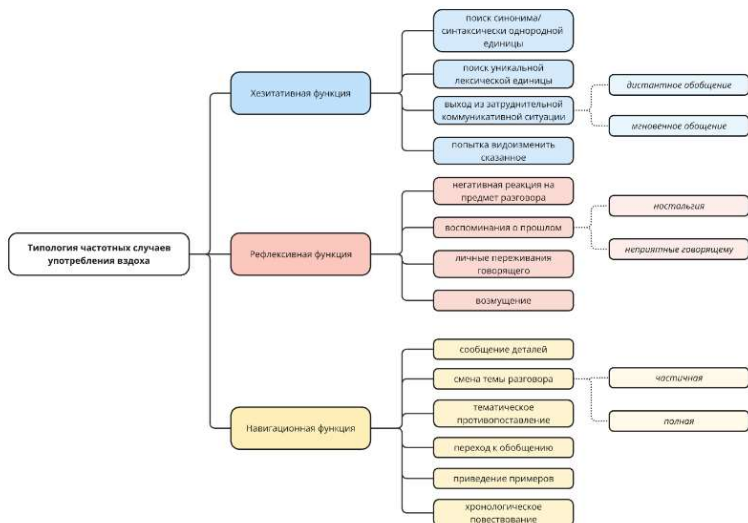

Рис. Типология частотных ситуаций возникновения вздоха в устном дискурсе

Заключение. Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют с уверенностью выделить несколько типичных ситуаций возникновения *В в бытовых диалогах. Получившуюся типологию можно представить в виде схемы (см. рис.).

Безусловно, на этом возможности систематизации появления вздохов в устном дискурсе не исчерпываются. Описанные случаи не включают в себя употребление *В в «особых» контекстах, таких как, например, разговоры на сложные или малознакомые информанту темы или пересказы сюжета фильма или книги. В заключение стоит отметить, что полученные результаты особенно важны для исследований в области лингводидактики, а также для развития голосовых помощников на базе искусственного интеллекта.

Литература

1. Андреева С. В. Устная русская речь: принципы выделения и классификации единиц дискурса // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века, т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / под редакцией Д. Шумска, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 313–326.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3, С. 11–17.
3. Богданова-Бегларян Н. В. ВЗДОХ ГЛУБОКИЙ... (о функциях вдоха в спонтанном монологе) // «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей». Сб. статей к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой / редакторы Л. М. Захаров, И. М. Кобозева, А. Э. Костюк, Н. Д. Светозарова, Кс. П. Семёнова. Москва: Буки Веди, 2023. С. 271–280.
4. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / главный редактор А. М. Молдован; ответственный редактор выпуска В. А. Плунгян. Москва, 2019. С. 101–110.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с. (Научное приложение. Вып. XXXIX).
6. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / составитель, редактор и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 520 с.
7. Филиппова Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2010. 223 с. (машинопись).
8. Bogdanova-Beglarian, N., Baeva, E. Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: an Attempt at Categorization // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) Co-Located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Vol. 2303. Kazan, Russia, November 1, 2018 / Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan (Volga Region) Federal University, N.I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow state University, Research Computing Center, Moscow, Russia. 2018. Pp. 3–13.

References

1. Andreeva, S. Ustnaya russkaya rech': printsipy vydeleniya i klassifikatsii edinit diskursa // Yazyk i metod: Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka, t. 2: Lingvisticheskiy analiz na grani

metodologicheskogo sryva / Pod red. D. Shumska, K. Ozga. — Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. — Pp. 313-326.

2. Bogdanova-Beglarian, N. Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinit russkoy ustnoy rechi // Mir russkogo slova. — № 3, 2015. — Pp. 11-17.

3. Bogdanova-Beglarian, N. **Vzdokh Glubokiy...** (o funktsiyakh vzdokha v spontanom monologe) // «...Vperyod i vverkh po lestnitse zvuchashchey». Sb. statey k 80-letiyu Ol'gi Fyodorovny Krivnovoy / Red. L. Zakharov, I. Kobozyeva, A. Kostyuk, N. Svetozarova, K. Semyonova. — Moscow: Buki Vedi, 2023. — Pp. 271-280.

4. Bogdanova-Beglarian, N., Blinova, O., Martynenko, G., Sherstinova, T. Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya «Odin rechevoy den'»: tekushchee sostoyanie i perspektivy // Trudy IRYa im. V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki / Gl. red. A.M. Moldovan. Otv. red. vypuska V. Plungyan. — Moscow, 2019. — Pp. 101-110.

5. Kreydlin, G. Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i yestestvennyy yazyk. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. — 592 p. (Nauchnoe prilozhenie. Vyp. XXXIX).

6. Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi: slovar'-monografiya / Sost., red. i avtor predisl. N. Bogdanova-Beglarian. — Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. — 520 p.

7. Filippova, N. Printsipy postroeniya ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoy spontannoy rechi). PhD Thesis. — Saint-Petersburg, 2010. — 223 p. (mashinopis').

8. Bogdanova-Beglarian, N., Baeva, E. Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: an Attempt at Categorization // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) Co-Located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Vol. 2303. Kazan, Russia, November 1, 2018 / Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. — Kazan (Volga Region) Federal University, N.I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. 2018. — Pp. 3-13.

СТАТИСТИКА РЕДУЦИРОВАННЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЯ

© Пушкарёва Надежда Георгиевна

соискатель

Читинская государственная медицинская академия

Россия, г. Чита

ch.bronte@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сегментные характеристики редуцированных словоформ английского языка, их частотное распределение. Анализ проводился на материале спонтанной речи, представленной в Британском национальном языковом корпусе.

Ключевые слова: редуцированные формы, слабые формы, Британский национальный языковой корпус, статистика, распределение, наблюдение.

STATISTICS OF THE ENGLISH REDUCED WORD FORMS. OBSERVATION EXPERIENCE

Nadezhda G. Pushkaryova

researcher

Chita State Medical Academy

Chita, Russia

ch.bronte@yandex.ru

Abstract. The article deals with the segmental characteristics of the reduced word forms of the English language, their frequency distribution. The analysis was carried out on the basis of spontaneous speech presented in the British National Corpus.

Keywords: reduced word forms, weak forms, the British National Corpus (BNC), statistics, distribution, observation.

Введение. Целью данного пилотного исследования является статистический анализ редуцированных форм современного английского языка на материале звучащего дискурса, представленного отдельно взятым текстом из Британского национального корпуса (British National Corpus).

Британский национальный языковой корпус является крупнейшим ресурсом разговорной речи, представляющим неограниченные

возможности, в том числе для прикладных фонетических исследований [1].

Одной из тенденций развития системы английского языка является ее качественное и количественное упрощение, проявляющееся в стабильности таких явлений, как нейтрализация гласных в предударных и заударных слогах, редукция, слабые формы. По определению Т. В. Бабушкиной, редукция — это сокращение длительности гласных звуков и изменение их акустико-физиологических свойств в безударном положении [Цит. по: 3]. Редукция в английском языке подразделяется на количественную, при которой сокращается долгота гласных; качественную, при которой изменяется качество как кратких, так и долгих гласных, и нулевую, при которой гласные выпадают из слова в потоке речи.

Редукции подвергаются гласные, находящиеся в предударных и заударных слогах в знаменательных частях речи и гласные, употребляющиеся в служебных частях речи в так называемых слабых формах. Безударные гласные, по определению И. Л. Фунтовой, находятся в слабых позициях [3].

Английские безударные гласные обычно редуцируются до звуков /ə/ и /ɪ/. При этом в спонтанной речи 2% гласных звуков выпадают полностью.

Английский безударный вокализм, с которым связана редукция, описан в работах таких ученых, как Биршерт А. Ф., Эрдели Н. Б., Торсуев Г. П., Веренинова Ж. Б., Васильев В. А., Виноградов В. А., Леонтьева С. Ф., Медведева Т. В. и др.

Слабые формы — это ««чередующиеся / переменные формы слов, или словоформы, артикуляция которых настолько изменена, что она состоит из отличного от первоначальной формы набора фонем» [2]. Помимо слабых форм простых слов существуют слабые формы составных или сокращенных слов. Слабые формы функциональных (служебных) и составных слов (или сокращений) являются чрезвычайно важными для изучения, так как к ним относится каждое пятое или даже четвертое слово в разговорной речи.

Материалы. Материалом для пилотного исследования послужил текст, находящийся в свободном доступе в интернете на сайте Британского Национального Корпуса. Данный текст представляет собой аннотацию к аудиофайлу на тему «Медицинское обследование». В аудиофайле представлена звучащая спонтанная речь дикто-

ра-мужчины (врач) и диктора-женщины (пациентка). Объем аннотации составляет 455 слов. Аннотация была автоматически затранскрибирована с помощью программы Tophonetics [5] с использованием британского варианта английского языка. Затем был осуществлен статистический анализ частотности редуцированных форм простых служебных слов и сокращенных форм сложных слов.

Результаты статистической обработки данных представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Распределение слабых форм английских простых
и сокращенных форм сложных слов

Примеры	Транскрипция	Частота (абс.)	Частота (%)
1. a	/ə/	6	1,32
2. an	/ən/	1	0,22
3. and	/ənd/	7	1,54
4. at	/ət/	7	1,54
5. again	/ə'ɡeɪn/	2	0,44
6. aye	/eɪ/	5	1,10
7. but	/bət/	2	0,44
8. 'cos	/kɒs/	2	0,44
9. can	/kən/	3	0,66
10. do	/du/	2	0,44
11. don't	/dəʊnt/	7	1,54
12. for	/fə/	2	0,44
13. from	/frəm/	2	0,44
14. have	/həv/	3	0,66
15. he'll	/hi:l/	1	0,22
16. I'm	/aɪm/	8	1,76
17. I'd	/aɪd/	1	0,22
18. I've	/aɪv/	2	0,44
19. into	/ɪntə/	1	0,22
20. it's	/ɪts/	8	1,76
21. just	/dʒəst/	2	0,44
22. let's	/lets/	2	0,44
23. the	/ðə/	10	2,20
24. that	/ðæt/	1	0,22
25. that's	/ðæts/	2	0,44
26. them	/ðəm/	1	0,22
27. there's	/ðəz/	2	0,44

28. to	/tʊ/	2	0,44
29. to	/tə/	2	0,44
30. you	/jʊ/	7	1,54
31. you're	/jə/	3	0,66
32. your	/jə/	1	0,22
33. wanna	/'wɒnə/	1	0,22
34. wouldn't	/wʊdʒnt/	1	0,22
35. where's	/weəz/	1	0,22
36. of	/əv/	4	0,88

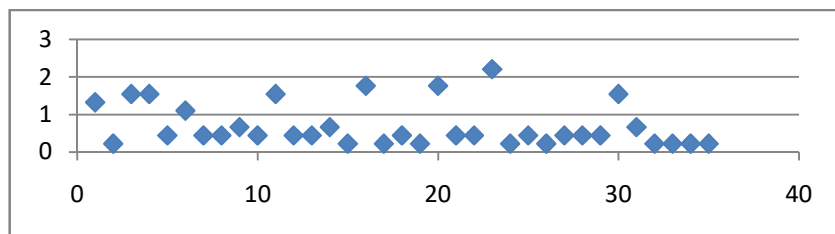

Рис. 1. Частотное распределение отдельных редуцированных форм

Выводы. Согласно полученным данным, всего в тексте было выделено 36 редуцированных речевых элементов. Частота встречаемости каждого из них в отдельности является незначительной по отношению к общему количеству слов — от 0,22 до 2,20%. К наименее частотным элементам, в частности, можно отнести неопределенный артикль *an* (0,22%), к наиболее частотным — артикль *the* (2,2%). Общее количество редуцированных словоформ в тексте составляет 114 (25,05 % от общего количества слов), что не противоречит существующим научным данным. Самый частотный редуцированный гласный звук /ə/ встретился в редуцированных формах в 59 случаях (52,21%), так как общее количество гласных звуков в редуцированных формах составило 113.

Литература

1. Кононова В. А. Назад в будущее: Британский национальный корпус // Вестник Пермского Университета: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 82–90.
2. Пушкарёва Н. Г. Редукция и слабые формы слов для говорящих на английском языке как иностранным в интерпретации Дж. Виндзора Льюиса // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация в со-

временной парадигме знаний: материалы V Международной научно-практической конференции, 21 февраля 2020 г. / под общей редакцией Ю. Г. Соловьевой; Читинская государственная медицинская академия. Чита: РИЦ ЧГМА, 2020. С.39–43.

3. Фунтова И. Л. Редукция безударных гласных в английском и русском языках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reduksiya-bezudarnyh-glasnyh-v-angliyskom-i-russkom-yazykah>

4. URL: <http://bnc.phon.ox.ac.uk/data/021A-C0897X00971X-0100P0.wav>

5. URL: <https://tophonetics.com/>

References

1. Kononova V. A. Back to the future: the British National Corpus // Vestnik Permskogo Universiteta: Rossiiskaya i zarubezhnaya filologia. 2013. Vyp. 1(21). S.82–90

2. Pushkaryova N. G. Reduktsia i slabye formy slov dlya govoryashchikh na angliiskom yazyke kak inostrannom v interpretatsii J. Windsor Lewis // Lingvistika, lingvodidaktika i mezhkulturnaya kommunikatsia v sovremennoi paradigme znani: materialy V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21 fevralya 2020 / pod obshchei redaktsiei Y.G. Solovievoy; Chitinskaya gosudarstvennaya meditsinskaya academia. Chita: RITs ChGMA, 2020. S. 39-43

3. Funtova I. L. Reduktsia bezudarnykh glasnykh v angliiskom i russkom yazykakh. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reduksiya-bezudarnyh-glasnyh-v-angliyskom-i-russkom-yazykah>

4. URL: <http://bnc.phon.ox.ac.uk/data/021A-C0897X00971X-0100P0.wav>

5. URL: <https://tophonetics.com/>

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ «РУССКО-СИНГАЛЬСКОГО СЛОВАРЯ»
В КОЛОМБО (ШРИ-ЛАНКА)**

© Хеманта Сирисена
профессор,
Университет Коломбо
Шри Ланка, г. Коломбо
hsirisena53@gmail.com

Аннотация. В статье крупный ланкийский русист, профессор Университета Келания Хеманта Сирисена, участник XV Ассамблеи Русского мира, рассказывает о своей учебе в Ленинградском (Санкт-Петербургском государственном университете на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков. Сирисена защитил диссертацию по фонетике сингальского языка под руководством профессора СПбГУ Л. В. Бондарко в 2003г. Профессор Хеманта Сирисена является преподавателем русского языка университета, кандидатом филологических наук, переводчиком, автором переводов произведений Антона Павловича Чехова и других русских писателей. В статье Хеманта Сирисена рассказывает об своем уникальном русско-сингальском словаре, который состоит из 30.000 слов и словосочетаний. Русско-сингальский словарь пользуется большой популярностью в мире, в Шри Ланке и в России среди студентов и исследователей, изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: сингальский язык, русский язык, словарь.

**PRESENTATION OF “RUSSIAN-SINGALESE DICTIONARY”
IN COLOMBO, SRI LANKA**

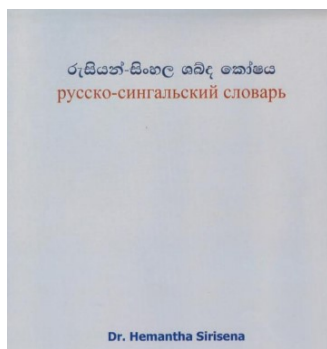
Hemanta Sirisena
Professor,
University of Colombo
Sri Lanka, Colombo
hsirisena53@gmail.com

Abstract. In this article, Hemantha Sirisena, a major Lankan Russianist, professor at the University of Ke-lania, a participant in the XV Assembly of the Russian World, talks about his studies at the Department of Phonetics and Methodology of Teaching Foreign Languages at Leningrad (St. Petersburg State University). Sirisena defended his thesis on Sinhala language phonetics under the supervision of Prof. L. V. Bondarko of St.

Petersburg State University in 2003. Prof. Hemantha Sirisena is a lecturer of Russian language at the University, candidate of philological sciences, translator, author of translations of works by Anton Chekhov and other Russian writers. In the article He-Manta Sirisena tells about her unique Russian-Singalese dictionary, which consists of 30.000 words and word combinations. The Russian-Singalese dictionary is very popular worldwide, in Sri Lanka and in Russia among students and researchers studying Russian as a foreign language.

Keywords: Sinhalese language, Russian language, dictionary.

Мне кажется, что я не погрешу против истины, если скажу, что издание этого словаря стало кульминационным моментом всей моей академической карьеры. Она началась в далёкие восьмидесятые годы прошлого века, когда я впервые приехал в тогдашний Советский Союз, чтобы проходить стажировку в знаменитом Ленинградском (теперь Санкт-Петербургском) государственном университете. Там я стал сначала магистром (в 1984 году), а затем в 2004 году и кандидатом филологических наук на кафедре практической фонетики и методики преподавания иностранных языков. Все годы моего обучения и научной работы там я получал огромную помощь, советы и поддержку от моего научного руководителя профессора Лии Васильевны Бондарко, которая многие годы возглавляла кафедру фонетики ЛГУ и была всемирно известным экспертом в об-

ласти изучения и преподавания звучащей речи и фонологии русского языка. Под её руководством я защитил свою диссертацию, которая в значительной степени заложила концептуальные основы данного двуязычного словаря. Несколько лет назад моего учителя не стало, но сейчас я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы отдать ей долг светлой памяти и сердечной благодарности за все фундаментальные знания в области теоретической и практической лингвистики, без которых написание моих научных трудов и издание этого

словаря было бы невозможно.

Словарь включает в себя свыше 30.000 словарных единиц. Он опубликован издательством *Русиява* при финансовой поддержке

доктора Саман Вирасинхе, бывшего посла Шри-Ланки в Российской Федерации.

На торжественной церемонии в российском Центре присутствовали министр высшего образования Шри-Ланки С. Б. Диссанаяака и министр научных дел Тисса Витарана.

Первый экземпляр *«Русско-сингальского словаря»* был передан автором лично Чрезвычайному и Полномочному Послу Российской Федерации в Шри-Ланке А. А.Карчаве.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТЕКСТОВ РОК- И ПОП-МУЗЫКАНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ТЕЙЛОР СВИФТ
И ГРУППЫ «МЬЮЗ»)**

© Толмачева Кристина Александровна

студент,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Россия, г. Санкт-Петербург

katolmacheva@edu.hse.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируется лексика песенных текстов рок- и поп-музыкантов при помощи создания частотных словарей в программе AntConc. Цель исследования — выявить лексические сходства и различия текстов рок- и поп-музыкантов.
Ключевые слова: песенные тексты, Тейлор Свифт, Мьюз, частотные словари, программа AntConc, токены.

COMPARATIVE LEXICAL STUDY OF ROCK AND POP LYRICS:
A CASE STUDY ON TAYLOR SWIFT AND MUSE

Kristina A Tolmacheva

Student,

National Research University Higher School of Economics Saint Petersburg

St. Petersburg, Russia

katolmacheva@edu.hse.ru

Abstract. This study analyzes the vocabulary of song lyrics by rock and pop musicians by creating frequency dictionaries in the AntConc program. The purpose of the study is to identify the lexical similarities and differences between the texts of rock and pop musicians.

Keywords: song lyrics, Taylor Swift, Muse, frequency dictionaries, AntConc program, tokens.

Введение. Это исследование посвящено изучению песенных текстов самых популярных музыкальных жанров, а именно рок- и поп-музыки. Оба этих жанра, хоть и относятся к массовой музыкальной индустрии, имеют существенные различия как в инструментальной и вокальной работе исполнителей, так и в текстовой.

Так как песня — это разновидность креолизованного, лирика треков выполняет важную функцию в формировании смысла композиции. Лирику песни назвать полноценным текстом нельзя, однако это не может отрицать важности слова в музыкальных композициях. Напротив, такой формат текста делает акцент на отдельных ассоциациях, которые возникают благодаря ключевым словам.

Песня — достаточно популярный материал для изучения среди филологов. Так, отечественные ученые рассматривали жанры народной песни, авторской (бардовской) песни, а также и рок-поэзию как самостоятельные поэтические тексты. Среди работ зарубежных филологов некоторые посвящены лексике в музыкальных текстах рок- и поп-жанров, преимущественно XX века. Несмотря на то, что жанры рок- и поп-музыки сформировались еще во второй половине прошлого века, работ, посвященных непосредственно компаративному анализу преобладающей лексики в этих музыкальных направлениях, не было обнаружено. Поэтому есть основания полагать, что особенно актуальным в настоящее время будет выявить сходства и различия между лексикой в песенных материалах поп- и рок-артистов.

В качестве материала для работы были выбраны тексты двух достаточно популярных артистов обоих направлений: лирика Тейлор Свифт как поп-певицы и лирика группы Мьюз как представитель рок-жанра.

Цель исследования — выявить лексические сходства и различия текстов рок- и поп-музыкантов, из чего выделяются следующие задачи:

- 1) собрать корпуса текстов Тейлор Свифт и Мьюз;
- 2) проанализировать, какие слова чаще употребляются в этих текстовых корпусах;
- 3) создать графики частотности слов и сопоставить частоту употребления тех или иных слов в обоих жанрах, а также контекст их употребления;
- 4) выявить причины, по которым лексический состав текстов может быть различным или схожим в зависимости от жанра музыки.

Материал. В рамках исследования было отобрано два корпуса песенных текстов. В первый из них вошли тексты Тейлор Свифт из альбомов «1989» (2014), «Reputation» (2017), «Lover» (2019), «Midnights» (2022), которые определены как поп-альбомы без соче-

тания с другими жанрами. Во второй — песни группы Мьюз из альбомов «Snowbiz» (1999), «New Born» (2001), «Black holes and Revelations» (2006), «Resistance» (2009), «Drones» (2015). Общее количество текстов в корпусах составило 70 текстов: 40 текстов Мьюз и 30 текстов Тейлор Свифт. Такой количественный разрыв обусловлен длиной текстов авторов: у рок-группы они значительно короче, поэтому корпус Тейлор Свифт было решено несколько сократить.

Общий объем токенов составит 6865 в корпусе Тейлор Свифт и 4456 токенов в корпусе группы Мьюз.

Перед началом работы в программе для создания частотного словаря (в рамках этого исследования использовался AntConc) текстовые материалы были очищены от стоп-слов: цифр, служебных частей речи и некоторых сокращений. Список стоп-слов был взят из электронного ресурса COUNTWORDSFREE, где собраны списки таких слов для разных языков. Также для получения более репрезентативных результатов припевы, пре-припевы и рефрены учитывались только один раз (в том случае, если они полностью друг друга дублируют) в каждой из песен.

В итоге общий объем токенов после очистки составил 1354 в корпусе Тейлор Свифт и 868 в корпусе Мьюз.

Особенности текстов направления поп

Поп-музыка — это довольно широкое понятие, так как на протяжении десятилетий это музыкальное направление вбирало в себя черты наиболее популярных жанров определенного времени: джаза, рок-н-рола, рока и других. Обычно поп-музыка определяется как музыкальные произведения, направленные на массовое потребление: концертное исполнение и транслирование ранее по радио, а теперь в цифровом формате по телевидению, в социальных сетях, стриминг в специальных музыкальных сервисах, широкие продажи копий аудиозаписей в записанном виде (пластинки, диски и прочее) [Stanley 2013, 6].

Говоря об особенностях этого музыкального направления, стоит отметить, что зачастую в состав жанра входят именно произведения в песенной форме (инструментальных композиций значительно меньше), которые состоят из 2–4 куплетов, бриджа (перехода между куплетом и припевом) и припевов. Длятся такие композиции в среднем от 2 до 5 минут [Lamb 2018]. Песни поп-направления лег-

кие по звучанию, обладают несложной музыкальной гармонией (часто произведение строится на 3-5 аккордах) и простым текстом преимущественно на любовную или философскую тематику, так как направлены на широкую аудиторию, а следовательно, должны нравиться и быть легко запоминающимися.

Особенности текстов рок-направления

Одним из наиболее популярных музыкальных направлений современности предстает жанр рок, который сформировался в 50-60 годах 20 столетия. Первоначально термин «рок» возник как сокращение от названия другого жанра — «рок-н-ролл». Отсюда можно вывести и главную отличительную черту этого направления — ритмические рисунки. Для композиций жанра рок характерно исполнение с ударными установками, перегруженное звучание электрогитар и прочих электромузыкальных инструментов.

Говоря о тематиках песен рок-направления, стоит также отметить преобладание текстов на тему любви и эмоциональных переживаний [Astor 1990, 147]. Однако, в отличие от поп-музыки, насчитывается также немалое количество песен, посвященных мрачным темам: смерти, ментальным заболеваниям, противостоянию индивидуума социуму и прочим.

Формат выпуска песенных композиций в современности

Основными источниками текстов песен в данном исследовании — это музыкальные альбомы, выпущенные артистами в разное время. В статье «Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения» Ю. В. Доманский пишет о рок-альбоме как о лирическом цикле. По мнению исследователя, «по крайней мере четыре циклообразующих (заглавие, композиция, пространственно-временные отношения и изотопия) «работают» в альбоме» [Доманский 1999, 36].

Также одним из объединяющих признаков современных жанров музыки является также выпуск видеоклипов на синглы альбома — ведущие треки собрания. Без клипов обычно не обходится не одна промо-кампания современных артистов, так как сегодняшний слушатель не столько концентрируется на тексте, сколько на звучании и видеоряде.

Говоря о формате, в котором в 21 веке чаще всего потребляют музыкальный контент, стоит отметить такие стриминговые площадки, как Spotify, Apple Music (для англоязычной аудитории) и Яндекс Музыка (для русской аудитории).

Компьютерные методы изучения песенных текстов

В эпоху интернета и Big Data на первый план выходят компьютерные методы анализа текстов. Ранее такие способы обработки материалов текстового формата использовали преимущественно исследователями в области общественных наук, однако сегодня они обретают популярность и среди ученых-филологов, объектами исследования которых становятся новости в социальных сетях, сообщения и посты рядовых пользователей, блоги, а также и фанфики, число которых уже с огромным трудом поддается привычному «ручному» анализу. В рамках нашего исследования песенных текстов применяется метод составления частотного словаря словоформ.

Частотный словарь Тейлор Свифт и его особенности

С использованием программы AntConc был создан список наиболее часто встречающихся словоформ в текстах песен Тейлор Свифт. Таким образом можно говорить и о наиболее значимых темах в лирике певицы. В таблице 1 представлен топ-20 словоформ в текстах Тейлор. Следует отметить, что самым часто встречающимся токеном в песнях исполнительницы является слово love (*любовь, любить* — здесь и далее перевод мой — К. Т.) как в роли существительного, так и в роли глагола. Это достаточно ожидаемый результат, ведь большинство песен Тейлор Свифт на самом деле посвящены любви между лирическими субъектами ее текстов.

Также в список наиболее частотных токенов входят словоформы со значением времени и места, описанием окружающей среды: time (время), long (длинный, долгий), night (ночь), room (комната), places (места) и light (свет). Если посмотреть контекст употребления этих слов, обнаруживается, что данная лексика используется или для описания места встреч возлюбленных, или места нахождения лирической героини песен Тейлор Свифт. Наряду с глаголом love (*любить*), достаточно высок показатель частотности другого глагола — remember (*помнить*). Для лирики Тейлор Свифт характерен разговор в прошедшем времени. Субъект ее песен — героиня — вспоминает о бывших взаимоотношениях с молодым человеком, по которым она скучает или же сожалеет. О сожалении и желании реванша свидетельствуют такие словоформы, как karma (*карма*), mind (*думать*), bad (*плохой*), blood (*кровь*).

Нельзя не отметить так же и частотность лексики для описания внешнего вида: dress (*платье*), eyes (*глаза*), face (*лицо*). Таким образом, лирическая героиня текстов Свифт описывает своего возлюб-

ленного и себя в момент отношений или же расставания. При адресации речи к молодому человеку наиболее часто, что видно из таблицы, используется обращение baby (малыш), что, как нам кажется, не исключительный показатель только лишь для лирики этой поп-исполнительницы.

Одним из главных обстоятельств разрыва отношений становится — другая девушка, что подтверждается токеном girl (девушка). Также частотной словоформой стал токен friends (друзья). В текстах Тейлор часто говорится или о друзьях бывшего партнера лирической героини, или о же о ее собственных друзьях.

Токен life (жизнь) тоже входит в ранг наиболее частотных словоформ лирики Свифт. Зачастую этот токен используется в контексте описания жизни до и после экс-бойфренда лирической героини.

Таблица 1

Топ-20 частотных словоформ в текстах Тейлор Свифт

Type	Rank	Freq
Love	32	39
Time	40	31
Baby	54	23
Bad	66	17
Night	68	16
Good	72	15
Karma	81	12
remember	81	12
Long	96	10
Mind	96	10
Room	96	10
Places	107	9
Blood	116	8
Dress	116	8
Eyes	116	8
Face	116	8
Friends	116	8
Girl	116	8
Life	116	8
Light	116	8

Рис. 1. Облако слов Тейлор Свифт

Частотный словарь группы Мьюз и его особенности

С помощью той же программы был составлен частотный словарь словоформ рок-группы Мьюз. Из таблицы 2 видно, что наиболее часто встречающимся токенов является слово love (любить), что не особенно предсказуемо, ведь рок-музыка часто пишется на любовную тематику.

Важно отметить, что очень многие словоформы из топа-20 наиболее частотных образуют смысловой ряд, связанный с описанием чувств: feel (чувствовать), fall (падать) — наиболее часто в сочетании fall in love (влюбляться), change (менять), care (заботиться/беспокоиться), feelings (чувства) — часто с глаголом hide (прятать). В равной степени часто встречается лексика, используемая при разговоре о воспоминаниях лирического героя песен группы — в основном о былых отношениях с возлюбленной: time (время), life (жизнь), dream (мечта), chance (шанс), memories (воспоминания), souls (души). Для лирики Мьюз характерен мотив забывания или желания что-либо забыть — см. частотность словоформы forget (забыть).

Интересно, что при обращении непосредственно к возлюбленной лирического субъекта в текстах Мьюз наиболее частотны формы heart (сердце), soul (душа), number (номер) — часто в сочетании с one (один).

Таблица 2

Топ-20 слов частотного словаря группы Мьюз

Type	Rank	Freq
love	36	21
time	40	18
feel	44	17
falling	64	12
life	66	11
long	72	10
change	77	9
care	85	8
chance	85	8
dream	85	8
forget	85	8
heart	85	8
memories	85	8
number	85	8
souls	85	8
feelings	96	7
good	96	7
hide	96	7
soul	96	7
break	104	6

Рис. 2. Облако слов группы «Мьюз»

Сравнительный анализ текстов жанра рок и поп

При сравнении результатов количественного анализа лирики представителей поп- и рок-направлений сразу выделяются некоторые сходства. Для артистов обоих жанров наиболее частотным токеном оказалась словоформа love (любить/любовь). Это можно объяснить общей популярностью любовной тематики для текстов различных жанров музыки. Также одинаковым показателем частотности в обоих направлениях оказалась словоформа time (время). Это говорит о важности категории времени (и пространства) для рок- и поп-музыки: в текстах и того, и другого жанров время представляет собой некую «силу», которая отделяет лирического героя от его возлюбленного/ой или бывшего — более счастливого периода жизни. Стоит отметить, что «разговор о прошлом», характерный для этих двух жанров, позволяет также выйти на первый и план мотиву памяти в текстах обоих артистов (см. частотность токена remember (память))

Также важным сходством в текстах представителей обоих направлений является мотив разбитого сердца. Примечательно, что в роли «разбивателей сердец» в текстах как Свифт, так и Мьюз могут выступать не только бывшие возлюбленные, но и сами лирические герои.

I have been breakin' hearts a long time
(Я была разбивательницей сердец долгое время)
(из песни Тейлор «Don't blame me»)
So come in my cave
And I will burn your heart away
(Приходи в мою пещеру, и я сожгу твою сердце)
(из песни Мьюз «Cave»)

Несмотря на эти пересечения в частотных словарях Свифт и Мьюз и общность ведущих тем творчества, в лирике рассматриваемых в рамках исследования музыкантов можно выделить и различия. Если для представительницы поп-жанра характерны словоформы для описания внешности, то для артистов рок-жанра эта категория не предстает как наиболее частотная. Отсюда можно сделать вывод, что фокус на телесном и внешнем присущ в значительной степени именно поп-направлению.

Важность внешних характеристик лирических героев в поп-музыке сочетается также и с предметно-вещественными описания-

ми в лирике песен (см. частотность токенов places (места) и room (комната) в частотном словаре Свифт), даже если речь идет о воображаемом в голове мире. Для жанра рок же наиболее частотной предстает категория токенов, связанная с описанием размышлений и происходящего в голове (или в душе) лирического субъекта. Для героя Мьюз воспоминания о возлюбленной связаны прежде всего с происходящим в его душе, а фокус на конкретных физических объектах реального мира отсутствует.

Также интересно, что лирические герои Тейлор Свифт и Мьюз по-разному обращаются к своим возлюбленным. Для лирической героини поп-исполнительницы это незамысловатое, однако достаточно точное для близких взаимоотношений между возлюбленными слово baby (малыш):

'Cause the morning comes and you are not my baby...

(Потому что утро наступает и ты не мой малыш)

(из песни Тейлор Свифт «Death by a Thousand Cuts»)

Лирический же герой текстов рок-группы, говоря об объекте обожания, использует более высокую лексику, например, soul (душа):

Your soul cannot hate anything...

(Твоя душа не может ничего ненавидеть)

(из песни группы Мьюз «Bliss»)

Из этого можно сделать вывод, что возлюбленные в рок-текстах предстают кем-то исключительным, в отличие от поп-лирики.

Важно отметить, что в лирике Тейлор часто фигурирует некая другая девушка (см. частотность токена girl (девушка)), что совсем не характерно для текстов группы Мьюз. Мотив измены ярче проявляется именно у поп-исполнительницы:

...that you been out and about with some other girl

(...что ты встречался с какой-то другой девушкой)

(из песни Тейлор Свифт «Style»)

Таким образом, в текстах поп- и рок-жанров наблюдается как много сходств, так и различий, что можно объяснить историческим влиянием одного жанра на другой и частом их пересечении в творчестве разных артистов.

Заключение

Так, в рамках настоящего исследования был проведен количественный анализ текстов песен, с помощью которого были выделены

сходства и отличия лирики поп– и рок-направлений музыки. Неожиданным оказалось, что наиболее ярким различием между текстами рассматриваемых жанров является высокая частотность токенов категории телесного в текстах Тейлор Свифт и совсем незначительные показатели вхождения словоформ этой категории в текстах Мьюз. Для корпусов представителей обоих музыкальных направлений были составлены списки наиболее значимых словоформ с показателями их частотности в лирике исполнителей. Также на основе полученных результатов были созданы облака из топ-20 токенов для песен Свифт и Мьюз.

В перспективе дальнейшего исследования нам кажется необходимым расширить корпуса текстов поп и рок-жанров музыки, добавив в них песни других представителей этих направлений. Для формулировки более корректных тезисов о тематике произведений необходимо сделать тематическое разделение для текстов корпусов. Другой перспективой представляется сравнение лексики непосредственно в рамках одного из жанров, но на разных языках, например, сопоставить тексты поп-артистов, пишущих лирику к трекам на английском и немецком языках.

Литература

Источники

1. Тексты песен Тейлор Свифт. URL: <https://genius.com/artists/Taylor-swift>
2. Тексты песен группы Мьюз. URL: <https://genius.com/artists/Muse>

Исследовательская литература

1. Astor P. The poetry of rock: song lyrics are not poems but the words still matter; another look at Richard Goldstein's collection of rock lyrics // Popular Music. 2010. Vol. 29, №1, pp. 143-148.
2. Larrick N. Pop/Rock Lyrics, Poetry and Reading // Journal of Reading. Dec., 1971. Vol. 15, №3, pp. 184-190.
3. Mitchel T. Performance and the Postmodern in Pop Music // Theatre Journal. Oct., 1989. Vol. 41, №3, Performance in Context, pp. 273-293 (21 pages).
4. Lamb B. What Is Pop Music? The Definition from the 1950s to Today / 2018. [URL] <https://www.liveabout.com/what-is-pop-music-3246980>
5. Автоматизация комплексного поэтического текста: модели и алгоритмы / В. Б. Барахнин, О. Ю. Кожемякина, А. В. Забайкин, В. Д. Хаятанова // Вестник Новосибирского государственного университета: информационные технологии. 2015. № 3. С. 5–18.

6. Доманский Ю. В. Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. № 2. С. 26–38.

Sources

1. Lyrics by Taylor Swift. URL: <https://genius.com/artists/Taylor-swift>
2. Lyrics of the Muse group. URL: <https://genius.com/artists/Muse>

References

1. Astor P. The poetry of rock: song lyrics are not poems but the words still matter; another look at Richard Goldstein's collection of rock lyrics // Popular Music. 2010. Vol. 29, №1, pp. 143-148.
2. Larrick N. Pop/Rock Lyrics, Poetry and Reading // Journal of Reading. Dec., 1971. Vol. 15, №3, pp. 184-190.
3. Mitchel T. Performance and the Postmodern in Pop Music // Theatre Journal. Oct., 1989. Vol. 41, №3, Performance in Context, pp. 273-293 (21 pages).
4. Lamb B. What Is Pop Music? The Definition from the 1950s to Today / 2018. [URL] <https://www.liveabout.com/what-is-pop-music-3246980>
5. Barakhnin V. B., Kozhemyakina O. Yu., Zabaykin A.V., Khayatanova V. D. Automation of complex poetic text: models and algorithms // Bulletin of Novosibirsk State University: Information Technologies. 2015, No. 3. pp. 5-18.
6. Russians Russian rock poetry: problems and ways of studying // Russian rock poetry.: Text and Context, 1999, No. 2. pp. 26-38.

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

© Тумэнжаргал

Ph.D, профессор института монголоведения

Университет Внутренней Монголии

КНР, Автономный Район Внутренняя Монголия, г. Хух-Хото

tumen567@126.com

Аннотация. В статье рассматриваются словосложение, аффиксальный и фонетический способы словообразования в монгольском языке. Автор предполагает, что в ранний период главенствования односложных слов в монгольском языке, важную функцию играл фонетический способ словообразования. Затем возникли многосложные слова, и развился закон сингармонизма гласных и на среднем этапе аффиксальный способ словообразования заместил фонетический способ. На современном этапе развития монгольского языка главным способом для образования новых терминов становится словосложение.

Ключевые слова: монгольский язык, словообразование, аффиксальный способ, фонетический способ, словосложение.

ON THE ISSUE OF WORD FORMATION IN MONGOLIAN LANGUAGE

Dr. Tumenjirgal

PhD. Professor and Doctorate Supervisor at Institute of Mongolian Studies

Inner Mongolia University, China

tumen567@126.com

Abstract. The article examines word composition, affixal and phonetic methods of word formation in the Mongolian language. The author suggests that in the early period of the dominance of monosyllabic words in the Mongolian language, the phonetic method of word formation played an important function. Then polysyllabic words arose, and the law of vowel harmony developed, and at the middle stage the affixal method of word formation replaced the phonetic method. At the present stage of development of the Mongolian language, the main method for the formation of new terms is word composition.

Keywords: Mongolian Language, word formation, affixal method, phonetic method, compound.

Введение. В последнее время все более возрастает интерес к изучению разных аспектов словообразования монгольских языков. Фонетический, аффиксальный, синтаксический способы являются основными способами образования новых слов и обогащения словарного фонда любого языка, и каждый способ словообразования имеет свою специфику и функцию. Результаты исследования могут иметь значение для последующих исследований по историческому словообразованию монгольских языков.

Аффиксальное словообразование

Аффиксальное словообразование является одним из самых важных способов образования новых слов в монгольском языке. Аффиксация способствовала увеличению количества многосложных слов на базе множества односложных слов, увеличению количества слов в целом, конкретизации абстрактных значений слов, увеличению количества производных слов, детальному развитию законов образования и изменения слов. В связи с этим в монгольском языке возрастает количество однокоренных родственных слов и родственных слов со сходными аффиксами. Ученый Шинэптэ пишет, что «исторически лексика и ее состав в современном монгольском языке возникли на базе одинарных слов, затем произошла трансформация одинарных слов в корневые морфемы, образовались десятки родственных однокоренных слов путем присоединения разнообразных аффиксальных морфем, что способствует наряду с сохранением основного словарного запаса, непрерывному обогащению и распространению посредством нового словарного состава» (7, с. 59-60).

Так, в монгольском языке при образовании нового слова словообразовательный аффикс присоединяется непосредственно к корню слова. В том числе, прямое или не прямое присоединение к одним и тем же корням несходных аффиксов или присоединение к несходным корням одних и тех же аффиксов. Ш. Лувсанвандан отмечает, что «аффиксальные морфемы монгольского языка всегда присоединяются непосредственно или опосредованно к корню слова. Множество слов образуется при помощи присоединения разнообразных аффиксов к одному корню, а также путем присоединения аффиксов одного вида к разнообразным корням. Поэтому количество слов преобладает над количеством корней, а количество корней преобладает над количеством аффиксов» (4, с. 347).

Проиллюстрируем аффиксальное словообразование монгольского языка примерами, взятыми из «Обратного словаря производных слов монгольского языка» Д. Баатара. Аффикс «-лт» образует 487 слов, таких, как *ахилт* ‘прогресс’, *эхлэлт* ‘начало’, *услалт* ‘орошение’, *үзэлт* ‘видение’, *наалт* ‘наклейка’, *нээлт* ‘открытие’, *нисэлт* ‘полет’, и др. (2, с. 1154-1204). Аффикс «-чин» образует 146 слов, таких, как *айлчин* ‘гость’, *аянчин* ‘путешественник’, *оёдолчин* ‘портной’, *найрагч* ‘поэт’, *бадарчин* ‘задира’, *хөгжимчин* ‘музыкант’, *малчин* ‘скотовод’ и др. (2, с. 1867-1879). Аффикс «-вч» монгольского языка образует 107 слов, таких, как *амавч* ‘отгул’, *эрхийвч* ‘наперсток для большого пальца (надеваемый при стрельбе из лука)’, *бугуйвч* ‘браслет’, *хуруувч* ‘наперсток’, *мөрөвч* ‘наплечный ремень’ и др. (2, с. 167-180).

Данный способ словообразования занимает значимое место в словарном составе монгольского языка, с которым многие ученые рассматривают аффиксальный способ образования новых слов самым важным типологическим признаком алтайских языков.

Фонетическое словообразование

При помощи чередования и редукции звуков в корне слова и аффиксах образуется большое количество новых слов. В монгольском языке чередования звуков и редукции в основном связаны со словообразовательными и словоизменительными процессами монгольского языка. Многие отечественные и зарубежные исследователи в своих работах обращали внимание на способ образования слов путем изменения звуков (гласных и согласных) в корнях, аффиксах, частицах (6, с. 33–37).

1. Образование слов путем чередования звуков

Родственные слова, образованные путем чередования гласных и согласных звуков от генетически родственных корней и аффиксов, о которых идет речь, являются родственными словами, обладающими основным, абстрактным, целостным и скрытым типами значений.

- **Образование родственных слов от родственных корней**

а) Существует значительное количество родственных слов, образованных путем чередования твердоядных, мягкорядных, лабиализованных и нелабиализованных и других разнотипных гласных. Обычно в чередовании задействовано два гласных звука, однако

наблюдаются случаи чередования трех, четырех, пяти, шести гласных звуков. Так например, существует много однокоренных слов, возникших в результате чередования гласных: *агиих* 'сжиматься' — *эгиих* 'высыхать', *ахар* 'короткий' — *охор* 'приземистый', *ангархай* 'открытый' — *онгорхой* 'распахнутый', *цагаан* 'белый' — *цэгээн* 'светлый', *бамбайх* 'набухать' — *бэмбийх* 'быть мягким, пухлым' — *бомбойх* 'вздуваться' — *бумбайх* 'становиться вздутым' — *бөмбийх* 'вспучиваться', *тантайх* 'становиться толстым' — *тэнтийх* 'становиться грузным' — *тонтойх* 'округляться' — *тунтийх* 'надуваться', *гадайх* 'искривляться' — *гэдийх* 'выгибаться назад' — *гудайх* 'нагибаться' — *гүдийх* 'делаться выпуклым', *арвагар* 'взьерошенный' — *эрвэгэр* 'растрепанный' — *орвогор* 'стоящий дыбом' — *урвагар* 'лохматый' — *өрвөгөр* 'торчащий', *харжигнах* 'бренчать' — *хэржигнэх* 'хрипеть (о мокроте в груди)' — *хоржигнох* 'скрежетать' — *хүржигнэх* 'грохотать'.

б) Возможно образование родственных слов от родственных корней путем чередования согласных б (b) -м (m), б (b) — г (g), н (n) — л (l), л (l) — м (m), л — р (r), с (s) — т (t), с (s) — ц (tʃ), с (s) — д (d), с (s) — з (dʒ), т (t) — з (dʒ), т (t) — ц (tʃ), х (x) — с (s), д (d) — ц (tʃ), з (dʒ) — я (j) и других. К примеру, в монгольском языке существует большое количество однокоренных слов, возникших в результате чередования согласных: «*бөхийх* 'сгибаться' — *мэхийх* 'кланяться', *бөхөх* 'гаснуть' — *мөхөх* 'потухать', *хэвлэл* 'издание' — *хэмнэл* 'измерение', *эмтрэх* 'крошиться' — *элтрэх* 'дробиться', *арчуур* 'полотенце' — *алчуур* 'платок', *үүдэх* 'происходить' — *үүсэх* 'возникать', *дэргэд* 'около' — *зэргэд* 'параллель', *үсэг* 'буква' — *үзэг* 'перо', *тээх* 'перевозить' — *зөөх* 'таскать', *ядах* 'страдать' — *зутах* 'испытывать затруднения' — *зүдэх* 'изнуряться', *ядрах* 'уставать' — *зутрах* 'изнуряться' — *зүдрэх* 'изматываться', *тээх* 'перевозить' — *зөөх* 'таскать', *тээвэр* 'перевозка' — *зөөвөр* 'переноска'.

- *Образование родственных слов от родственных аффиксов*

Одним из важных вопросов при образовании слов путем чередования звуков является вопрос происхождения словообразовательных аффиксов. Так, относительно генезиса словообразовательных аффиксов ученые придерживаются разных мнений. Часть исследователей считает, что все аффиксы являются результатом трансформации самостоятельных отдельных слов, с чем не согласен ряд других ученых. Мы придерживаемся гипотезы о том, что некоторые аффиксы действительно возникли в результате трансформации са-

мостоятельных слов, другие же появились в связи с использованием одинарных согласных, отмеченных чередованием звучания и различием смысла в основе слова.

При наблюдении над словами монгольского языка *хадах*, *хасах*, *хазах*, *харах* обозначающими ‘кошение и уборку сена’, ‘стрижку’, ‘отрезание чего-либо’, ‘кусание зубами’, ‘скобление снега, льда, древесины’, становится очевидным, что в основном эти слова имеют общее значение ‘разрезания’, ‘измельчения’, ‘выскребания приспособлением, имеющим острие или лезвие’. Данные слова были образованы в результате присоединения к корневой морфеме *qa-* одинарных аффиксов с конечной согласной закрытого слога — *d-*, *-dз-*, *-r-*, *-s-*. Так, в алтайских языках *d ~ dз ~ r ~ s* являются аффиксами с конечной согласной закрытого слога, имеющими смыслоразличительную функцию за счет чередования согласных.

Анализ слов монгольского языка *хав* (*хав хийх*), *хавх*, *хавсах*, *хавсрах*, *хавцал*, *хамхих* (*хам хийх*), *хамт*, *хамжих*, *хамсах*, обозначающих ‘закрывание’, ‘прикрывание’, ‘запрет’ и слов *хэв*, *хэм*, *хэвлэх*, *хэмнэх*, *хэвчээ*, *хэвиших*, обозначающих ‘установленные пределы’, ‘размещение чего-либо в рамки’, ‘загораживание’, ‘закрытие’ демонстрирует что, эти слова были образованы в результате присоединения к корневым морфемам *qa-a / ke-* аффиксов *-b-* или *-m-*, имеющих значения сбора, соединения. К тому же, данные слова являются родственными, возникшими в результате присоединения аффиксов с конечной согласной закрытого слога, имеющих смыслоразличительную функцию за счет чередования согласных.

Кроме того, в монгольском языке существует масса таких родственных слов, как “*живэр* ‘перья’ — *жигүүр* ‘крылья’ (*b ~ g*), *гадар* ‘внешний покров’ — *газар* ‘земля’ (*d ~ dз*), *зэвсэг* ‘инвентарь’ — *зэмсэг* ‘музыкальный инструмент’ (*b ~ m*), *ааль* ‘характер’ — *авир* ‘темперамент’ (*g ~ b, l ~ r*), *ааль* ‘характер’ — *ааш* ‘повадка’ (*l ~ ʃ*), которые имеют парные родственные аффиксы, возникшие в результате чередования согласных.

2. Образование слов путем чередования и выпадения звуков

В состав лексики монгольского языка вошли однокоренные слова, в отношении семантики имеющие общие, основные и абстрактные значения, в отношении формы — имеющие генетическую взаимосвязь и образованные путем чередования гласных и соглас-

ных звуков корневой морфемы, а также возникшие в результате выпадения начального согласного. Их мы называем однокоренными родственными словами, возникшими в результате чередования-выпадения звуков.

а) Сопоставление x ($\langle q \sim k \rangle$) и $\emptyset$ ($\langle x \sim h \langle *q \sim k \rangle$)

В монгольском языке существует много слов, в отношении семантики имеющих общие, основные и абстрактные значения, в отношении формы — фонетическое сопоставление x ($\langle q \sim k \rangle$) $\emptyset$ ($\langle x \sim h \langle *q \sim k \rangle$). К примеру, *хадах* ‘забивать гвозди’ — *адах* ‘застрять (о кости в зубах собаки или другого животного)’ — *удэх* ‘сшивать на живую нитку вместе с шнуром, сухожилиями, тонкими кожаными ремнями’, *холхих* ‘хлябать, болтаться, двигаться во все стороны’ — *олхих* ‘двигаться во все стороны’ — *өлхих* ‘протыкать, разлучать’, *хоргол* ‘круглый мелкий помет верблюда, овцы, зайца’ — *аргал* ‘применяемый в качестве топлива засохший коровий навоз’, *хархирах* ‘рычать (о хищниках)’ — *архирах* ‘рычать (о хищниках)’.

б) Сопоставление $p \sim b \sim m$ и $\emptyset$ ($\langle h \sim x \langle f \langle *f \langle *p \rangle$)

Встречается достаточно много слов, в отношении семантики имеющих общие, основные и абстрактные значения, в отношении формы — фонетическое сопоставление $p \sim b \sim m$ и $\emptyset$ ($\langle h \sim x \langle f \langle *f \langle *p \rangle$). К примеру, *барзгар* ‘неровный, шершавый’ — *арзгар* ‘негладкий, шероховатый’, *билих* ‘гладить, поглаживать, ласкать, защищать’ — *илбэх* ‘гладить, утешая и одобряя’ — *илэх* ‘полировать что-либо’, *пургих* ‘пылиться’ — *бургих* ‘подниматься, клубиться (о воде, паре, дыме, пыли)’ — *оргих* ‘подниматься, клубиться (о жидкостях или газах)’, *бөхөх* ‘потухнуть (об огне, лампаде)’ — *мөхөх* ‘уничтожаться, гибнуть’ — *мохох* ‘затупиться (о лезвиях), пасть духом, устать’ — *үхэх* ‘умереть, пасть духом, чрезвычайно сильно желать что-либо’.

в) Сопоставление dz и $\emptyset$ ($\langle h \sim x \langle f \langle *f \langle *p \rangle$)

В монгольском языке зафиксированы слова, имеющие сходные значения и фонетическое сопоставление dz и $\emptyset$ ($\langle h \sim x \langle f \langle *f \langle *p \rangle$). К примеру, *зайлах* ‘отдаляться, прятаться’ — *ийлэх* ‘сбегать, отбиваться от стада’, *зан* ‘характер человека и животных’ — *ан* ‘нрав, повадки’, *загзгар* ‘коренастый, низкорослый’ — *агзгар* ‘съеженный, с взъерошенными волосами’, *зомгол* ‘мелкая щепка, отколовшаяся от чего-либо’ — *омгол* ‘чешуйки засохшей кожи на губах’.

Таким образом, в монгольском языке существует способ фонетической трансформации, ставший не только важным самостоятельным словообразовательным и словоизменительным способом, но и активно применяемый в процессе словотворчества. В монгольском языке возникло большое количество родственных слов с родственными аффиксами и родственных слов с родственными корнями, в отношении семантики имеющие общие, основные и абстрактные значения, в отношении фонетики — имеющие сходства и образованные путем чередования и чередования — выпадения звуков.

Словосложение

Словарный состав любого языка постоянно изменяется. Со временем одни слова устаревают и уходят из общего пользования. Обогащение лексики языка происходит за счет заимствований слов из других языков, за счет омонимии. Однако самым плодотворным средством можно считать словосложение, то есть, образование слов на базе имеющихся в языке слов и морфем.

Нами была осуществлена выборка производных одинарных слов и сложных слов, образованных от слова «хар» из «Словаря монгольского языка» Ц. Норжина (5, с. 1180-1189). Так, от слова «хар» — черный зафиксировано более тридцати производных одинарных слов: *харанхуй* ‘темный’, *харвар* ‘черно-серый’, *харавтар* ‘черноватый’, *хархан* ‘черненький’, *харуудах* ‘быть слишком скупым’, *харагч* ‘вороной’, *харагчин* ‘черная масть’, *харлах* ‘чернеть’, *харлаг* ‘смуглый’, *харамнах* ‘жалеть’, *харамсах* ‘сожалеть’, *харамсал* ‘сожаление’, *харсах* ‘заступать’, *хартай* ‘ревнивый’, *хард* ‘скрежет’, *хардах* ‘ревновать’, *харц* (*ард*) ‘простолудин, чернь’ и 239 сложных слов: *хар арьстан* ‘чернокожий’, *хар буух* ‘жалеть’, *хар дарах* ‘видеть кошмары во сне’, *хар санаа* ‘злой умысел’, *хар самбар* ‘классная доска’, *хар цай* ‘черный чай’, *хар данс* ‘личный счет’, *хар судлын өвчин* ‘суставная болезнь’, *хар тамхины дайн* ‘опиумная война’. Более того, слова типа *харанхуй* ‘темнота’, *харавтар* ‘черноватый’, образованные от слова *хар* ‘черный’ образовали новые сложные слова.

Рассмотрение общего состояния словотворчества в современных языках мира показывает, что оно связано с терминологией, а также очевидно сокращение количество одинарных терминов и увеличение количества многокомпонентных терминов. Причиной этому является развитие современной науки и технологий, непрерывное

появление многочисленных профессиональных понятий, находящихся отражение в языке.

Изучение выборки Боржгин Ванчика, проведенная из официальных данных по монгольской терминологии №№ 13, 17, 19, и содержащая 584 термина из монгольского языка Автономного района Внутренняя Монголия, показала, что процент сложных терминов составляет 75% (6, с. 502). Данные сборника Д. Баатара «Новые термины», содержащего 7188 терминов, выбранных из материалов монгольской терминологической комиссии Автономного района Внутренняя Монголия и изданного в 2005 г. продемонстрировали, что сложные термины занимают 88.51% (6362) (1, с. 284).

Для подтверждения вышеуказанных исследований ученых нами были изучены официальные данные по монгольской терминологии за 2014-2016 гг. из 10 номеров (118-127), утвержденных общим собранием монгольской терминологической комиссии Автономного района Внутренняя Монголия и терминологической комиссии монгольского филологического кружка восьми провинций, которые показали, что 723 термина из 781 единицы являются сложными терминами, что составляет 92,7%, одинарных терминов было насчитано 58 единиц, что составляет 7,43%.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что аффиксальным способом образуются однокоренные родственные и одноаффиксные родственные слова, а при помощи фонетического способа возникают родственно коренные и родственно аффиксные родственные слова, способ словосложения дает родственные парные словосочетания. Три представленных способа выполняли на разных этапах исторического развития монгольского языка разные функции. Мы предполагаем, что в ранний период главенствования односложных слов в монгольском языке, важную функцию играл фонетический способ словообразования. Затем возникли многосложные слова, и развился закон сингармонизма гласных и на среднем этапе аффиксальный способ словообразования заместил фонетический способ. Однако на последнем этапе в современное время под влиянием развития науки, достижений техники и технологий и языка перевода господствующую роль стал играть способ словосложения.

Литература

1. Баатар Д. Исследования по терминологии монгольского языка. Национальное издательство, 2008. (Баатар Д. “Монгол хэлний нэр томьёоны судлал”, Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2008 он).
2. Баатар Д. Обратный словарь производных слов монгольского языка. Издательство педагогики Внутренней Монголии, 1988. (Баатар Д. “Монгол хэлний үүсмэл үгийн тонгоруу толь”. Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1988 он).
3. Гончиксүрэн На. и др. Введение в языкознание. Издательство культуры Внутренней Монголии, 1998. (На. Гончигсүрэн нар “Хэлний шинжлэлийн удиртгал”, Өвөр Монголын соёлын хэвлэлийн хороо, 1998 он).
4. Лувсанвандан Ш. Структура современного монгольского языка. Издательство педагогического университета Внутренней Монголии, 1986. (Ш. Лувсанвандан “Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц”, Өвөр монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1986 он).
5. Норжин Ц. Словарь монгольского языка. Народное издательство Внутренней Монголии. 2017 г. (Ц. Норжин нарын найруулсан “Монгол хэлний толь” Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо,
6. Түмэнжаргал. Исследования фонетического способа словообразования монгольского языка в рамках языковой типологии. Народное издательство Внутренней Монголии, 2018 г. (Түмэнжаргал “Хэлний хэв шинж судлалын хараан дахь монгол хэлний авианы хувирлаар үг бүтэх үзэгдлийн судалгаа”, Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 2018 он).
7. Шинэтгэ. Размышления о словообразовательных законах современного монгольского языка //Монгольский язык и литература, 1981, №1 (Шинэтгэ “Одоо үеийн монгол хэлний үг бүтэх ёсны тухай асуудал сүвэгчлэл”, “Монгол хэл утга зохиол” сэтгүүд, 1981 оны 1-р хугацаа).

References

1. Baatar D. Mongol helnii ner tomeoni sudlal. Undesnii hevleliin horoo. 2008.
2. Baatar D. Mongol helhii uusmel ugiin tongoruu tol. Obor mongoliin surgan humuujliin hevleliin horoo, 1988.
3. Gonchiksuren Na. nar Helnii shinjeleliin udirtgal. Obor mongoliin soyoliin hevleliin horoo, 1998.
4. Luvsanvandan Sh. Orchin tsagiin mongol helnii butets. Obor mongoliin surgan humuujliin hevleliin horoo, 1986.
5. Norjin Ts. Mongol helnii tol. Obor mongoliin ardin hevleliin horoo. 2017
6. Tumenjargal. Helnii hev shinj sudlalin haraan dah mongol helnii aviani huvirлаар ug buteh uzegdliin sudalgaa. Obor mongoliin ardin hevleliin horoo. 2018
7. Shinetge. Odoo ueiin mongol helnii ug buteh yesni tukai asuudal suvegchlel // Mongol hel utga Zohiol. №1, 1981.

ТЕХНОЛОГИЯ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ

© **Хубракова Индра Владимировна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
indrakhub88@gmail.com

Аннотация. Анализ данных занимает важное место в любом экспериментальном исследовании. При исследовании живой речи анализ данных играет важную роль. Использование современных методов анализа данных позволяет изъять исследователю более точную и подробную информацию об изучаемом объекте. В связи с возрастающей ролью использования различных методов в проведении экспериментальных исследований в настоящее время, целесообразным является рассмотрение наиболее актуальных и эффективных методов исследования. В данной статье дается обзор на актуальные принципы обработки данных при исследовании живой речи.

Ключевые слова: база данных, статистическая обработка данных, живая речь, акустические характеристики.

DATA COLLECTION AND ANALYSIS TECHNOLOGY

Indra V. Khubrakova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
indrakhub88@gmail.com

Abstract. Data analysis occupies an important place in any experimental study. In live speech research, data analysis plays an important role. The use of modern methods of data analysis allows the researcher to extract more accurate and detailed information about the object under study. Due to the increasing role of using various methods in conducting experimental research nowadays, it is appropriate to consider the most relevant and effective research methods. This article gives an overview on the actual principles of data processing in live speech research.

Keywords: database, statistical data processing, live speech, acoustic characteristics.

В современных экспериментальных лингвистических исследованиях важным пунктом при выдвижении тех или иных теоретических положений является использование современных инструментов обработки и исследования языкового материала, которая обеспечивается значительным статистическим анализом.

В настоящее время одной из проблем современных научных исследований заключается в том, что не каждый научный труд отличается широким применением методов анализа при обработке того или иного исследовательского материала. При экспертизе диссертационных исследований становится очевидным, что авторы не всегда усиливают свои научные снискания точными наблюдениями, удостоверяющими обоснованность теоретических положений.

Примечательно, что в российской лингвистической литературе имеется достаточно трудов, которые осуществляли исследование технологий применения инструментов математической статистики в языкознании. Среди них следует отметить значимую работу под названием «Язык и статистика» Б. Н. Головина написанную в 1971 году [2]. Также вопросами статистической обработки экспериментальных данных занимались такие ученые, как Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова., Л. А. Кантер, В. А. Артемов и другие. В зарубежной лингвистике методы статистической обработки данных активно применяются в исследованиях таких авторов, как E. Grabe, J. Fletcher, P. Warren, а также Ladd R. и др. именно фонетической стороной речи и использованием статистических методов можно отметить работу Ю. А. Ненашевой [5]

На сегодняшний день с появлением новейших, компьютерных технологий, в возможности которого входит целый спектр инструментов, которые могут решить любую задачу, связанную с продуцированием наиболее объективных концепций.

Статистическая обработка данных — это первичная ступень и основа для любого экспериментального исследования и является одним из важных инструментов, который включает в себя сбор, систематизацию, всесторонний анализ, расчет и визуализацию полученных значений, целью которого является выявление и распределение данных по определенным категориям или критериям.

Обработка исходного материала предполагает два этапа анализа данных: описательный и аналитический этапы.

Аналитический этап предполагает исследование по нескольким критериям:

- Сбор информации — на данном этапе происходит объединение всех исходных данных, полученных в ходе исследования и собранных по определенным свойствам или параметрам.
- сведение полученных данных в одно информационное поле для дальнейшей обработки статистического материала, который идет после этапа наблюдения, на данном этапе происходит деление информации по группам на основании каких — либо свойств изучаемого объекта исследования.
- установление абсолютной и относительной величины.
- Классификация по критериям, выборка — когда исходными данными могут являться не все полученные данные, а только часть из них, которая была отобрана специальным образом
- корреляционный и регрессионный анализ — на данном этапе происходит выявление взаимосвязи данных и установление их причины.
- вычисление показателей — на данном этапе исследователь более тщательно может изучить полученные данные, рассмотреть значимость изменений исследуемых объектов. На данном этапе исследователь может просчитать перспективы и рассмотреть данные в диахронии.

Главным критерием для использования статистических программ является репрезентативность исходного материала, т.е. данные на котором строится последующая обработка является репрезентативной по отношению к изучаемой совокупности, т.е. достаточно адекватно отражающей все возможные аспекты изучаемого процесса или явления.

Статистическая обработка экспериментальных данных с помощью статистических методов помогает устранить ошибки в подсчетах и установить конкретные свойства исследуемого объекта. Данное обстоятельство позволяет производить более обоснованные выводы, даже опираясь на ограниченное количество экспериментальных данных.

Таким образом, применение инструментов математической статистики становится очевидным для проведения всестороннего анализа данных, что максимально упрощает работу самого исследователя при подсчете, анализе и вычисления общих или различительных признаков исследуемого объекта.

В настоящей работе рассмотрим применение методов статистического анализа на материале экспериментально фонетического исследования [7].

Формантный анализ аллофонов гласных фонем проводился по методике лаборатории экспериментальной фонетики СПбГУ при этом были исследованы первые 2 форманты (F1 и F2) так как основная акустическая информация о качестве гласных передается первыми двумя формантами.

Гласные	Позиция	F1	F2	Длит.	Гласные	Позиция	F1	F2	Длит.
/i:/	Первый слог	439	2187	0,04	/ɔ:/	Первый слог	582	1145	0,05
	Непервый слог	427	1877	0,05		Непервый слог	495	1093	0,06
/i:/	Первый слог	381	2233	0,14	/ɔ:/	Первый слог	587	1030	0,12
	Непервый слог	433	2226	0,08		Непервый слог	581	1040	0,11
/i:/	Первый слог	442	1946	0,08	/ə:/	Первый слог	473	959	0,14
	Непервый слог	415	2010	0,08		Непервый слог	507	1016	0,12

Рис. 1. Средние значения частот F1 и F2 аллофонов гласных фонем в позициях первого и непервого слогов в связной речи

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи комбинаторных и позиционных условий на качество произношения гласных, а также установления границ аллофонного варьирования гласных в современном бурятском языке.

Звуковые записи были собраны и оцифрованы при помощи голландской программы Praat. Результаты инструментального анализа были собраны в таблицы для дальнейшей статистической обработки. Математико-статистическая обработка полученных таблиц данных производилась при помощи программы Microsoft Office Excel (см. рис. 2).

Понимая сложность интерпретации результатов анализа и во избежание некорректного анализа, которое могло бы привести к ложным выводам — нами было принято решение об использовании методов математической статистики с использованием программного обеспечения *Statistica 10*.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U
ИСТОРИЯ	В	С	О	Д	Е	Р	Г	Н	Т	И	К	Л	М	Н	О	П	О	С	Т	У	
ДОС	22	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	250,24	188,24	61,27	99	0,3	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	585	1929
УТМ	31	Ж	АМБИВЕРТ	ФИЛОЛОГ	233,46	179,12	54,34	94	0,2	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	440	1660
ЮУУ	18	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	288,63	237,83	50,8	95	0,3	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	506	1630
ОВВ	26	Ж	АМБИВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	254,57	205,45	49,12	118	0,3	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	560	1928
ВВВН	38	М	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	198,85	159,26	39,59	84	0,2	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	458	1991
ЗЗА	22	М	ИНТРОВЕРТ	ФИЛОЛОГ	185,8	155,72	30,08	68	0,2	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	453	2162
ВВА	18	М	ЭКСТРАВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	247,07	211,42	36,65	104	0,2	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	506	1771
ВВВН	17	М	АМБИВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	327,35	238,55	88,8	137	0,3	1	ЭРТЫН	е	к	в	абсолютное	первый	слот	556	1967	433	1905
ДОС	22	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	250,24	188,24	61,27	99	0,3	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	472	1498
УТМ	31	Ж	АМБИВЕРТ	ФИЛОЛОГ	233,46	179,12	54,34	94	0,2	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	375	1375
ЮУУ	18	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	288,63	237,83	50,8	95	0,3	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	569	1691
ОВВ	26	Ж	АМБИВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	254,57	205,45	49,12	118	0,3	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	433	1382
ВВВН	38	М	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	198,85	159,26	39,59	84	0,2	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	588	1788
ЗЗА	22	М	ИНТРОВЕРТ	ФИЛОЛОГ	185,8	155,72	30,08	68	0,2	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	394	1768
ВВА	18	М	ЭКСТРАВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	247,07	211,42	36,65	104	0,2	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	479	1047
ВВВН	17	М	АМБИВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	327,35	238,55	88,8	137	0,3	2	СЭЛМЭГ	е	к	после	перенос	первый	слот	556	1967	433	1072
ДОС	22	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	250,24	188,24	61,27	99	0,3	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	485	1427
УТМ	31	Ж	АМБИВЕРТ	ФИЛОЛОГ	233,46	179,12	54,34	94	0,2	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	343	1334
ЮУУ	18	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	288,63	237,83	50,8	95	0,3	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	458	1298
ОВВ	26	Ж	АМБИВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	254,57	205,45	49,12	118	0,3	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	489	1563
ВВВН	38	М	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	198,85	159,26	39,59	84	0,2	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	438	1565
ЗЗА	22	М	ИНТРОВЕРТ	ФИЛОЛОГ	185,8	155,72	30,08	68	0,2	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	356	1213
ВВА	18	М	ЭКСТРАВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	247,07	211,42	36,65	104	0,2	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	448	1224
ВВВН	17	М	АМБИВЕРТ	НЕФИЛОЛОГ	327,35	238,55	88,8	137	0,3	3	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	385	1239
ВС	33	Ж	ЭКСТРАВЕРТ	ФИЛОЛОГ	250,24	188,24	61,27	99	0,3	4	ХУХЭ	е	к	после	заканчив	первый	слот	556	1967	451	1431

Рис. 2. Исходные данные в программе Microsoft Office Excel

Статистическая обработка и анализ экспериментальных данных производилась по методикам прикладной статистики описанных в трудах современных исследователей (Афанасьев В. В., 2006; Гуртова Н. Г., 2004; Гланц С., 1998; Наследов А. Д., 2004; Новиков Д. А., 2004; Ермолаев О. Ю., 2003; Митина О. В., 2008; Орлов А. И., 2004; StatSoft, 2001). Выбор применяемых статистических критериев, производился в зависимости от проверяемой гипотезы, шкалы измерений, вида распределения данных, числа выборок, объема выборок и их зависимости. Репрезентативность выборки, отражающую генеральную совокупность, объясняется выполнением случайности отбора объектов исследования в достаточном объеме.

Проверка на нормальность распределения выборки проводилась с помощью критерия Шапиро-Уилка (W) и анализа гистограммы распределения частот [6]. Данная гистограмма демонстрирует симметричное одnogорбчатое распределение, данный признак свидетельствует о том, что данные распределены нормально, то есть значения сконцентрированы больше вокруг среднего значения, что говорит о том, что собрано достаточное количество материала (см. рис. 3).

Для проверки гипотезы различия между средними двух независимых переменных, распределение которых значимо не отличаются от нормального и дисперсии переменных примерно одинаковы, то используется параметрический критерий t -Стьюдента для независимых переменных.

Для проверки гипотезы *сдвига среднего значения переменной при повторном измерении*, когда распределения значений в двух измерениях значимо не отличаются от нормального и значения двух измерений положительно коррелируют, используется параметрический критерий *t-Стьюдента для повторных измерений*.

В работе чаще всего встречаются случаи при анализе повторных измерений, когда распределение переменных значимо отличается от нормального или имеются сомнения о нормальности распределения генеральной совокупности. В этом случае используется непараметрический аналог критерия *t-Стьюдента критерий T-Вилкоксона*.

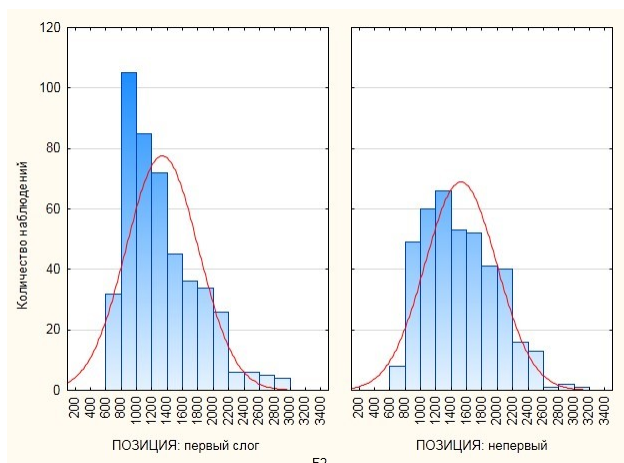

Рис. 3. Гистограмма распределения аллофонного варьирования гласных в позиции первого слога и непервого слогов

Таким образом, весь собранный материал был подвергнут статистическому анализу с применением параметрического метода по *t*-критерию Стьюдента для независимых выборок с выявлением *P*-уровня, где *p*-значение использовалось для определения статистической значимости полученных результатов. Значение *P*-уровня чаще всего соответствует статистической значимости, равной 0,05%. Если значение *p* уровня меньше 0,05%, нулевую гипотезу ¹³⁴ниже-няют. При этом чем меньше это значение, тем лучше, т.е. со ¹³⁴нижением *p*-уровня — происходит повышение статистической значимости разницы, полученной в ходе исследования. Чем выше *p*-

уровень, тем ниже степень доверия в выборке зависимости между переменными.

Таблица 1

Влияние позиции гласных на их качественные характеристики

Таблица 1 Гласная	Форманты	Первый слог (M±m)	Непервый (M±m)	t- значение	p- уровень
Общая	F1 (n1=456; n2=402)	506,3±6,16	520,04±6,36	-1,55	0,122
	F2 (n1=456; n2=402)	1328,4±21,97	1521±23,13	-6,03	0,000
1	F1 (n1=64; n2=40)	415,97±8,9	435,53±14,03	-1,24	0,218
	F2 (n1=64; n2=40)	1633,08±47,76	1352,93±36,54	4,18	0,000
2	F1 (n1=16; n2=32)	471,81±6,35	494,44±13,8	-1,12	0,267
	F2 (n1=16; n2=32)	1989,56±29,91	1909,19±55,74	0,98	0,332
3	F1 (n1=48; n2=40)	709,92±13,77	566,9±19,66	6,10	0,000
	F2 (n1=48; n2=40)	1329,63±29,52	1455,1±36,05	-2,72	0,008
4	F1 (n1=16; n2=56)	780,56±13,27	705,55±11,64	3,27	0,002
	F2 (n1=16; n2=56)	1392,94±37,66	1447,93±26,14	-1,04	0,303
6	F1 (n1=16; n2=16)	412,56±14,13	405,63±8,21	0,42	0,674
	F2 (n1=16; n2=16)	901,69±46,49	1051,06±65,97	-1,85	0,074
7	F1 (n1=48; n2=16)	582,65±13,45	495,94±16,32	3,44	0,001
	F2 (n1=48; n2=16)	1145,44±30,5	1093,5±61,11	0,82	0,416
8	F1 (n1=8; n2=24)	587,63±27,46	603,25±11,29	-0,62	0,537
	F2 (n1=8; n2=24)	1030,75±54,92	1052,08±23,13	-0,42	0,677
10	F1 (n1=8; n2=16)	439,5±17,13	472,38±14,98	-1,34	0,193
	F2 (n1=8; n2=16)	872,25±32,14	920,19±39,57	-0,79	0,439
11	F1 (n1=16; n2=32)	473,13±13,99	507,81±1438	-1,53	0,133
	F2 (n1=16; n2=32)	959,56±20,24	1016,94±21,22	-1,72	0,092
12	F1 (n1=16; n2=32)	439,75±24,93	427,5±16,4	0,42	0,676
	F2 (n1=16; n2=32)	2187,25±105,34	1877,66±72,34	2,45	0,018
13	F1 (n1=16; n2=16)	381,06±14,77	433,13±20,04	-2,09	0,045
	F2 (n1=16; n2=16)	2233,44±102,69	2226,81±140,97	0,04	0,970
14	F1 (n1=8; n2=40)	442,63±24,59	415,1±9,92	1,11	0,271
	F2 (n1=8; n2=40)	1946,38±85,54	2010,73±55,8	-0,49	0,626
15	F1 (n1=16; n2=40)	581,88±24,91	570,9±15,48	0,38	0,708
	F2 (n1=16; n2=40)	1821,75±63,38	1796,15±35,22	0,37	0,710

Литература

1. Бухтилов Л. Д. К вопросу обработки акустических параметров просодических характеристик речи // Экспериментальная фонетика. Минск, 1975.
2. Головин Б. Н. Язык и статистика. Москва: Просвещение, 1971. 191 с.

3. Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики. Москва: Финансы и статистика, 2001. 480 с.
4. Златоустова Л. В. и др. Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. И. Трунин-Донской. Москва: Изд-во МГУ, 1986. 303 с.
5. Кантер Л. А. Системный анализ речевой интонации. Москва: Высшая школа, 1988. 127 с.
6. Ненашева Ю. А. Кодификация фонетической нормы в интонационном контуре нейтральных высказываний в современном английском языке (экспериментально-фонетическое исследование): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2007. 296 с.
7. Цыбиков А. С. Прикладной анализ данных: учебно-методическое пособие для обучающихся по направлениям подготовки 02.03.03. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. 145 с.
8. Хубракова И. В. Моделирование аллофонного варьирования гласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале бурятского языка): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 5.9.8. Санкт-Петербург, 2024 г. 296 с.

References

1. Buxtilov L. D. K voprosu obrabotki akusticheskix parametrov prosodicheskix xarakteristik rechi // E'ksperimental'naya fonetika. Minsk, 1975.
2. Golovin B. N. Yazyk i statistika. M.: Prosveshhenie, 1971. 191 s.
3. Eliseeva I. I., Yuzbashev M. M. Obshhaya teoriya statistiki. M.:Finansy i statistika, 2001. 480 s.
4. Zlatoustova L. V. i dr. Obshhaya i prikladnaya fonetika / L. V. Zlatoustova, R. K. Potapova, V. I. Trunin-Donskoj. M.: Izd-vo MGU, 1986. 303 s.
5. Kanter L. A. Sistemny'j analiz rechevoj intonacii. M.: Vysshaya shkola, 1988. 127 s.
6. Nenasheva Yu. A. Kodifikaciya foneticheskoy normy v intonacii-onnom konture nejtral'ny'x vy'skazyvaniy v sovremennom anglijskom yazy'ke (e'ksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): diss. kand. fi-lol. nauk: 10.02.04. Nizhnij Novgorod, 2007. 296 s.
7. Cybikov A. S. Prikladnoj analiz danny'x: uchebno-metodicheskoe posobie dlya obuchayushhixsya po napravleniyam podgotovki 02.03.03. Ulan-Ude: izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2018.-145 s.
8. Xubrakova I. V. Modelirovanie allofonnogo var'irovaniya glasny'x (e'ksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale buryatskogo yazy'ka): diss. kand.filol. nauk: 5.9.8. Sankt-Peterburg, 2024 g. 296 s.

**РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ:
КЕЙС «ИНФОЦЫГАНСТВА»**

© **Цыганкова Александра Вячеславовна**

стажер-исследователь,

Лаборатория языковой конвергенции

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Россия, г. Санкт-Петербург

avtsygankova@edu.hse.ru

Аннотация. В статье представлен анализ корпуса текстов из Telegram-каналов, принадлежащих представителям «инфоцыганства» — феномена, определяемого как продажа псевдообразовательных продуктов, не имеющих практической ценности. Выявляются лингвистические маркеры, характерные для дискурса «инфоцыган», включая частотные n-граммы, леммы, словоформы и части речи. Особое внимание уделяется речевым стратегиям эмоционального и психологического воздействия, используемым в маркетинговой коммуникации для убеждения и мотивации потенциальных клиентов.

Ключевые слова: n-граммы; частотные словари; «инфоцыганство»; концептуальная метафора; корпусное исследование речи.

SPEECH MEANS OF EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL
INFLUENCE ON THE USER IN MARKETING COMMUNICATION:
THE CASE OF 'MARKETING FRAUDSTER'

Alexandra V. Tsygankova,

Research assistant

Laboratory of Language Convergence

National Research University

"Higher School of Economics"

Russia, St. Petersburg

E-mail: avtsygankova@edu.hse.ru

Abstract. The article analyses a corpus of texts from Telegram channels belonging to representatives of marketing fraudsters, a phenomenon defined as the sale of pseudo-educational products that have no practical value. Linguistic markers characteristic of the discourse of marketing fraudsters are

identified, including frequent n-grams, lemmas, word forms and parts of speech. Special attention is paid to speech strategies of emotional and psychological impact used in marketing communication to persuade and motivate potential customers.

Keywords: n-grams; frequency dictionaries; marketing fraudster; conceptual metaphor; corpus-based speech research.

Введение. Феномен «инфоцыганства» — достаточно новое и поэтому малоизученное явление современной интернет-коммуникации и социальных сетей, связанное с распространением бесполезной или незначимой информации под видом обучающих продуктов и услуг. Научной литературы, изучающей феномен «инфоцыганства», совсем немного, а лингвистических исследований речи их представителей еще меньше. Среди них можно выделить статью с результатами изучения жанровых параметров инфоцыганского текста. П. С. Кулева и Н. В. Мельник приходят к выводу об императивности как главной цели адресанта и отмечают, что рассмотрение данной проблемы с точки зрения изучения и выявления в социальных сетях основных стратегий и тактик продвижения контента (инфопродукта), способствующих воздействию на сознание или поведение реципиентов, является перспективным направлением работы (1, с. 66–70).

Актуальность данного исследования также обусловлена тем, что вопрос установления интенций говорящего по характеристикам его речевых актов в целом является актуальной лингвистической задачей последних десятилетий. Современная лингвистика ориентирована на корпусные исследования речи, а также на исследование эмоциональной сферы речи. В частности, актуальным направлением является изучение роли эмоций в организации целенаправленного поведения человека. Слияние двух этих направлений перспективно для изучения.

Цель работы заключается в определении речевых стратегий и тактик эмоционального и психологического воздействия на потребителя, применяемых «инфоцыганами».

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Вывести определение «инфоцыганства» и основные черты деятельности «инфоцыган»;
2. Собрать корпус текстов из Telegram-каналов;

3. Составить частотные словари словоформ, лемм, частей речи; проанализировать самые популярные n-граммы.

4. Составить подборку интересных для изучения частотных лемм и n-грамм, сделать выводы о целях их использования в маркетинговой коммуникации.

Материал и методы

Для проведения исследования был составлен корпус текстов из 7 Telegram-каналов — 2 из них принадлежат Елене Блиновской, 1 — Надин Серовски, 1 — Гусейну Гасанову, 1 — Валерии Чекалиной, 1 — Оксане Самойловой, 1 — Гоар Аветисян. Все они были выбраны в связи с их упоминанием в исследовании технологической компании АО «Крибрум», в котором сказано, что самыми популярными продуктами инфоцыганства в сети стали «Денежный марафон» Валерии Чекалиной, «Марафон желаний» Елены Блиновской, «Стратегии на миллион» Оксаны Самойловой, «Я выбираю тебя» Надин Серовски, «Мышление миллионера» Гусейна Гасанова (2, с. 1). Общий объём корпуса — 138711 словоформ. После того как корпус был собран, была произведена обработка с использованием программы Mystem: в текстах были обозначены словоформы, произведена лемматизация, снята контекстная омонимия. Кроме того, для работы была использована программа AntConc, с помощью которой были определены самые частотные n-граммы.

Результаты

Инфоцыганство — это неpolitкорректный термин, который обозначает вид деятельности, заключающийся в реализации курсов, марафонов и других образовательных продуктов с помощью онлайн-ресурсов, ценность и действенность которых невозможно оценить. Направление обучения может быть любым, однако самыми популярными отмечают бизнес, заработок денег, межличностные отношения (чаще всего романтического характера), фитнес и похудение, эзотерику и психологию, исполнение желаний. Чаще всего те, кто продают подобные услуги не имеют профильного, например, психологического или тренерского высшего образования, либо не имеют вовсе никакого. «Инфоцыганам» свойственно демонстрировать собственные достижения в сфере обучения — например, дорогие покупки (недвижимость, автомобили), «счастливый» брак и детей, фигуру и тело и другие. Часто для улучшения эффекта и убеждения представители «инфоцыганства» сначала демонстрируют неудачи или тяжелый путь, иногда обманывая или сильно преувели-

чивая. Также популярны единичные рассказы об успехах учеников, обычно — самых выдающихся. (3, с. 169–174).

В этой работе «инфоцыганями» будут называться все блогеры, ведущие персональные социальные сети и продающие образовательные услуги, ценность которых невозможно оценить эмпирически.

Для дальнейшей работы необходимо ввести один из ключевых терминов из области когнитивистики. Концептуальная метафора — это способ познания, организации, структурирования мира, одна из важнейших ментальных операций (4, с. 256).

На основе анализа подготовленного для исследования корпуса текстов, был составлен частотный словарь лемм, который позволил выявить доминантные лексические единицы, используемые для эмоционального и психологического воздействия на пользователей. Особое внимание привлекают леммы, занимающие высокие позиции в частотном словаре.

типы	10715
hapaх	4975
индекс исключительности	0,03591772
индекс TTR (type/token ratio)	0,07735848

Таблица 1

Общая характеристика частотного словаря лемм корпуса текстов «инфоцыган»

№	Лемма	Абсолютная частота	IPM
1	и	5904	42624,7735
2	в	3677	26546,6281
3	я	3268	23593,794
4	не	2584	18655,558
5	на	2287	16511,324
6	что	2034	14684,7543
7	быть	1762	12721,0113
8	с	1739	12554,9595
9	это	1719	12410,5667
10	вы	1348	9732,07904
11	свой	1201	8670,79149
12	как	1183	8540,83791
13	а	1129	8150,97718
14	все	1080	7797,21466
15	ты	1005	7255,74142

16	себя	892	6439,92174
17	но	843	6086,15922
18	мы	839	6057,28065
19	у	834	6021,18243
20	для	788	5689,07885
21	этот	759	5479,70919
22	по	740	5342,53597
23	весь	701	5060,96989
24	он	685	4945,4556
25	так	683	4931,01631
26	который	670	4837,16095
27	то	654	4721,64666
28	мой	645	4656,66987
29	если	617	4454,51986
30	за	586	4230,71092
31	еще	565	4079,09841
32	к	551	3978,02341
33	жизнь	548	3956,36448
34	они	535	3862,50911
35	уже	526	3797,53233
36	день	509	3674,79839
37	мочь	507	3660,35911
38	от	495	3573,72339
39	кто	494	3566,50374
40	из	471	3400,45195
41	такой	455	3284,93766
42	она	450	3248,83944
43	хотеть	442	3191,0823
44	или	437	3154,98408
45	вот	411	2967,27336
46	новый	406	2931,17514
47	самый	403	2909,51621
48	просто	401	2895,07693
49	человек	398	2873,418
50	очень	387	2794,00192

Например, глагол «быть», занимающий 7 место в рейтинге с *ipm* — 12721,01. По своей сути глагольное значение раскрывается, прежде всего, в имплицитных синтагмах, способных при необходимости, актуализироваться, в которых признаковые и предметные имена, сочетаясь, предопределяют взаимную подлежащую актуализации семантическую валентность данного глагола. (5, с. 5–

10). Именно поэтому глагол-связка «быть» используется для организации когнитивного пространства адресата и создания устойчивых концептуальных схем именно в сочетании с позитивно окрашенными прилагательными, отражающими желаемые состояния (например, «быть богатым», «быть успешным», «быть свободным»). Это позволяет адресанту формировать у адресата определённые ментальные репрезентации, связанные с категоризацией собственного «я», его идентичностью и жизненными целями.

Кроме того, высокая частота глагола «быть» может свидетельствовать о наличии в речи «инфоцыган» в целом, большого количества предикативных конструкций. Подобные конструкции, как правило, имеют простую синтаксическую структуру и легко воспринимаются человеком, что повышает эффективность передачи информации и её закрепления в сознании этого человека. Частотность глагола способствует созданию у читателя иллюзии доступности и простоты достижения обещанных результатов. Подобные формулировки создают ложное ощущение того, что желаемые состояния достижимы без особых усилий и затрат времени, что усиливает эмоциональную привлекательность сообщений.

Также обращает на себя внимание возвратное местоимение «себя», располагающееся на 16 строчке в частотном словаре с *ipm* — 6439,9. Его употребление отражает намерение персонализации и индивидуализации обращения к адресату. Это позволяет установить тесный контакт с пользователем, создавая иллюзию личного диалога и доверительных отношений. Подобная стратегия повышает эмоциональную вовлечённость адресата, заставляя его чувствовать себя в центре внимания и заботу со стороны говорящего.

Местоимение «себя» также актуализирует концепт «личность», «самость», активируя в сознании слушателя представления о необходимости личностного роста, самосовершенствования и саморазвития. Это позволяет эффективно эксплуатировать базовые когнитивные установки и ценности человека, связанные с потребностью в самореализации. Частое обращение к внутреннему миру адресата (например, «поверь в себя», «найди себя», «измени себя») способствует формированию у получателя сообщения идентификации с предлагаемой моделью поведения.

Последним из этого блока элементом хочется рассмотреть существительное «жизнь» (33 место, *ipm* — 3956,4). Частое употребление существительного «жизнь» апеллирует к фундаментальным че-

ловеческим ценностям и экзистенциальным переживаниям. Оно способствует активации концептуальных метафор, связанных с жизненным путём, предназначением, смыслом существования и личностным ростом. Это позволяет «инфоцыганам» создавать яркие и эмоционально окрашенные образы, формирующие у адресата позитивные ожидания и надежды на радикальное улучшение жизненной ситуации в краткосрочный период. Это направлено на создание у читателя чувства срочности и важности предлагаемых действий (например, «измени жизнь прямо сейчас», «твоя жизнь может быть другой»). Подобная стратегия направлена на формирование у адресата убеждения в необходимости немедленного принятия решения, а значит, значительно повышает эффективность маркетинговой коммуникации.

Слово «жизнь» само по себе явление уникальное, так как оно не просто обозначает факт существования, но и выражает идею вечности (6, с. 101–104). Именно поэтому частое обращение к слову «жизнь» как к концепту может вызвать у адресата переживания за собственную судьбу, заставит задуматься о необходимости перемен и желании обрести новую идентичность. Впоследствии это способствует снижению критичности мышления и повышению восприимчивости адресата.

На основе анализа корпуса текстов речи представителей «инфоцыганства» также были выявлены наиболее частотные и значимые n-граммы.

Высокая частота употребления биграммы «у меня» (1 место, абсолютная частота — 254) указывает на активную самопрезентацию и создание авторитетного образа говорящего. Используя конструкцию «у меня», адресант стремится подчеркнуть собственный опыт, знания, успехи и достижения, тем самым формируя у адресата позитивный образ себя как эксперта и авторитетного источника информации.

Данная биграмма способствует активации концептуальной схемы «авторитет — доверие», закрепляя в сознании адресата образ успешного и компетентного коммуникатора. Использование конструкции «у меня» также направлено на формирование эмоциональной близости, так слушатель склонен идентифицировать себя с успешным образом говорящего и стремится повторить его путь.

Использование биграммы «свою жизнь» (абсолютная частота — 58) напротив отражает персонализацию адресата. Конструкция

«свою жизнь» акцентирует внимание на индивидуальной ответственности слушателя за собственную судьбу, побуждает его к активным действиям и изменениям.

Когнитивно-лингвистический аспект использования этой биграммы связан с активацией концептуальной метафоры «жизнь — путь», в рамках которой адресат воспринимает жизнь как личный проект, который можно и нужно активно изменять и улучшать, идя по дороге «вперед». Перенос пространственных понятий в область внутреннего мира, категоризация явлений этого мира в рамках ориентационных метафор позволяет выделить поляризацию в восприятии внутреннего мира. Такая поляризация квалифицирует когнитивные модели в русской языковой картине внутреннего мира через шкалу ценностей; так, позитивная оценка соотносится с пространственными координатами 'верх'-'впереди'-'справа' (7, с. 29–48).

3-грамма «жизнь с ними» (абсолютная частота — 40) указывает на противопоставление и дистанцирование. Это выражается в создании оппозиции «мы — они», где «они» — это люди, не разделяющие ценности, предлагаемые «инфоцыганами». Это позволяет формировать у адресата ощущение принадлежности к особой группе, обладающей уникальными знаниями и возможностями.

Такая конструкция активизирует бинарные концептуальные схемы («свой — чужой», «успех — неудача»), заставляя адресата стремиться к присоединению к группе «успешных» и дистанцированию от «неудачников». Кроме того, это вызывает эмоциональную реакцию страха быть исключённым из «успешной» группы, усиливая мотивацию к принятию предлагаемой модели поведения.

Использование триграммы «атаки, страх, жизнь» (абсолютная частота — 39) демонстрирует эмоциональную манипуляцию через апелляцию к негативным эмоциям и переживаниям. Это также позволяет «инфоцыганам» создавать у адресата ощущение угрозы и необходимости срочных изменений и активизирует концептуальные схемы, связанные с опасностью и защитой, заставляя адресата воспринимать предлагаемые услуги как способ избавления от страха и тревоги. Подобная стратегия приводит к повышению уровня тревожности, снижению критического мышления и усилению готовности следовать советам говорящего.

5-грамма «принятии ответственности за свою жизнь» (абсолютная частота — 10) представляет собой пример реализации побуждения к действию через акцент на личностную ответственность, акти-

вируя концептуальную схему «ответственность — успех». При этом, такая схема предполагает не столько стремление заставить адресата над своим выбором, сколько потреблять конкретную информацию для своих целей: «важно не то, что делает человек, а что он потребляет». (8). «Инфоцыгане» используют эту конструкцию для создания иллюзии самостоятельного выбора адресатом предлагаемых действий, как и в случае с биграммой «свою жизнь», описанной выше, которая является частью этой конструкции.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать несколько выводов. Во-первых, Telegram-каналы являются гипертекстами, то есть, реализуют такую концепцию хранения информации, которая предполагает связь любого контента с помощью различных инструментов — ссылок, сносок, переходов. Такая организация позволяет «инфоцыганам» постоянно поддерживать интерес пользователя к собственным продуктам и постоянно напоминать об их существовании. Во-вторых, через эти тексты «инфоцыгане» (вероятно, неосознанно) активируют в сознании человека разные концептуальные метафоры, заставляя адресатов ощущать страх за свою судьбу и гнаться за успехом, которого можно достичь только воспользовавшись услугами адресанта. В-третьих, часто употребляемые леммы свидетельствуют о стремлении создания иллюзии персонального взаимодействия с пользователем. Это позволяет значительно повысить эффективность маркетинговой коммуникации.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными» (ФИ-2025-32) для выполнения фундаментальных проектов тематического плана научных исследований, предусмотренных Государственным заданием Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на 2025 год.

Литература

1. Кулева П. С., Мельник Н. В. Жанровые параметры инфоцыганского текста // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 2. С. 66–70.
2. Новичкова Н. Миллионы россиян становятся жертвами инфоцыган. Кто это такие и как не дать им себя обмануть? // Lenta.ru. 2022. 18 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/11/18/infotzigane/>. Дата обращения: 08.01.2025.

3. Олефирова А. В., Рокутова Е. А. Инфоцыганство как явление в интернет-пространстве // Вестник науки. 2022. № 6(51). С. 196–174.
4. Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors We Live by*. Wiley, 2003. 256 p.
5. Друзина Н. В. К вопросу интерпретации семантики фундаментальных глаголов быть и иметь // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 5–10.
6. Руднев Е. Н. Концепт «Жизнь»: анализ и интерпретация // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. №3. С. 101–104.
7. Пименова М. В. Концептуальная метафора "Жизнь — путь/дорога" в русском и английском языках / М. В. Пименова // Мир в языке и культуре : [доклады XXVIII Осенней школы и XXVIII международной научной конференции], Санкт-Петербург, 26–28 августа 2017 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 29–48.
8. Аниськина Н. В. Концепт «Успех» в рекламе // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 11.

References

1. Kuleva P. S., Mel'nik N. V. Zhanrovyye parametry infocyganskogo teksta // *Virtual'naya kommunikaciya i social'ny'e seti*. 2023. T. 2. № 2. С. 66–70.
2. Novichkova N. (2022) Milliony' rossiyan stanovyatsya zhertvami infocygan. Kto e'to takie i kak ne dat' im sebya obmanut'? // Lenta.ru. 18 noyabrya. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/11/18/infotzigane/>. Data obrashheniya: 08.01.2025.
3. Olefirova A. V., Rokutova E. A. INFOCYGANSTVO KAK YAVLENIE V INTERNET-PROSTRANSTVE // *Vestnik nauki*. 2022. №6 (51). S. 196–174.
4. Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors We Live by*. Wiley, 2003. 256 p.
5. Druzina N. V. K voprosu interpretacii semantiki fundamental'ny'x glagolov by't' i imet' // *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 2011. №1. S. 5–10.
6. Rudnev E. N. Koncept «Zhizn'»: analiz i interpretaciya // *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Pedagogika, psixologiya*. 2010. №3. S. 101–104.
7. Pimenova M. V. Konceptual'naya metafora "Zhizn' — put'/doroga" v russkom i anglijskom yazy'kax / M. V. Pimenova // *Mir v yazy'ke i kul'ture : [doklady XXVIII Osennej shkoly' i XXVIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii]*, Sankt-Peterburg, 26–28 avgusta 2017 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny'j e'konomicheskij universit, 2017. S. 29–48.
8. Anis'kina N. V. Koncept «Uspex» v reklame // *Yazy'k i kul'tura (Novosibirsk)*. 2014. №11.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКОГО МОНОЛОГА-РАССКАЗА НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ)**

© **Чжао Цзэли**

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

zhaozeli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу лексических особенностей русских устных монологов-рассказов, записанных от носителей китайского языка. Материалом для анализа послужили 20 таких монологов на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» Все тексты — из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), созданного и разрабатываемого в СПбГУ (блок русской интерферированной речи китайцев). В работе выявляются общие и специфические лексические особенности русских спонтанных монологов китайцев — на фоне речи носителей русского языка, устанавливаются корреляции этих особенностей с индивидуальными характеристиками говорящих (гендер, уровень владения русским языком и психотип), а также определяется, какие из этих характеристик оказывают наибольшее влияние на использование говорящими русской лексики.

Ключевые слова: лексические особенности; монолог-рассказ; русская спонтанная речь; социолингвистика; психолингвистика; звуковой корпус.

LEXICAL FEATURES OF THE RUSSIAN MONOLOGUE-STORY
IN A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON THE RUSSIAN SPEECH
OF THE CHINESE)

Zhao Zeli

Postgraduate student, Department of Russian Language

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia

zhaozeli@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of lexical features of Russian oral monologues recorded from native speakers of Chinese. The material for the analysis was 20 such monologues on the topic

“How do you spend your time on vacation?” All the texts are from the Balanced Annotated Text Library (SAT) corpus of Russian monologic speech created and developed at SPbSU (block of Russian interfered speech of Chinese). The work identifies general and specific lexical features of Russian spontaneous monologues of the Chinese — against the background of the speech of native Russian speakers, establishes correlations of these features with individual characteristics of the speakers (gender, level of proficiency in Russian and psychotype), and also determines which of these characteristics have the greatest influence on the use of Russian vocabulary by speakers.

Keywords: lexical features; monologue-story; Russian spontaneous speech; sociolinguistics; psycholinguistics; sound corpus.

Введение. Начиная со второй половины прошлого века, с переходом от системно-структурных исследований к изучению языка в его живом функционировании, а также с постепенным развитием и популяризацией технологии записи голоса, интерес к изучению живой, устной спонтанной речи становится в российской науке все более сильным. Это не только привлекло к ней внимание лингвистов самых разных направлений, таких как традиционная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, когнитивистика, прагматическая лингвистика, этнолингвистика и пр., но даже породило новое направление — *коллоквиалистику* — особую научную дисциплину, которая изучает специфику разговорной речи как сферы коммуникации и особой разновидности языка (16).

Основной разновидностью устной спонтанной речи является разговорная речь (РР) — «непринужденная речь носителей русского литературного языка» (6, с. 3), «обслуживающая повседневное общедомовое-бытовое общение» (10, с. 407), «отобранный для определенной цели и организованный по определенным законам способ применения разговорного языка в повседневной разговорной практике» (14, с. 34).

На лексическом уровне для русской РР характерно использование разговорной и просторечной лексики, жаргона, наличие большого количества общеупотребительных и нейтральных слов, преимущественное употребление конкретной лексики, незначительное использование абстрактных, книжных, терминологических слов, частое использование фразеологизмов и экспрессивно-эмоциональной лексики (фамильярной, ласкательной, неодобрительной и т. д.) и др. (7; 15).

При анализе особенностей РР важно учитывать и форму речи (диалог/монолог), и самого говорящего, особенно когда он говорит на неродном языке. *Монолог*, в отличие от диалога, основанного на обмене репликами, представляет собой «форму речи, образуемую в результате активной речевой деятельности, не рассчитанную на активную же, сиюминутную, словесную реакцию» (3, с. 310). Поэтому автор монолога, в отличие от участника диалога, должен излагать мысли максимально ясно и понятно, с одного раза, потому что у него нет возможности разъяснять их аудитории. Это повышает требования к качеству речи, но, с другой стороны, говорящему в монологе нет нужды «подстраиваться» под собеседника, в результате его характеристики выражаются здесь относительно естественным образом. Использование устных спонтанных монологов в качестве материала для анализа не только позволяет исследователям уделять больше внимания речевым особенностям самого говорящего, не отвлекаясь на речь его собеседников, но и создает возможность для наблюдения за речевыми особенностями и привычками отдельного говорящего или говорящих со сходными социальными и/или психологическими характеристиками на достаточно глубоком уровне, поскольку в таком монологе у говорящего нет времени на размышления и он подсознательно использует тот способ организации речи, который ему наиболее знаком. Это относится не только к носителям языка, но и к билингуам, например, к иностранцам, изучающим русский язык.

Китайские учащиеся в настоящее время являются одной из основных групп иностранцев, изучающих русский язык в мире. Китайский язык, как известно, отличается от русского во многих отношениях, в результате анализ лексических особенностей русской речи китайцев может не только дать интересные результаты, но и помочь в преподавании русского языка как иностранного, тем более что большинство современных исследований лексических особенностей русской речи китайцев сосредоточено на анализе отклонений от языковых норм и использует преимущественно письменные тексты, а всестороннего анализа лексических особенностей русских монологов пока не проводилось.

Материал и информанты

Материалом для анализа стали 20 русских монологов-рассказов на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса САТ (1), записанных от 20 китайских информантов.

Свободный рассказ на заданную тему — это монолог с наименьшей степенью лингвистической мотивированности и наибольшей степенью спонтанности (4, с. 87). В таком монологе для информанта нет никаких ограничений, кроме заданной темы, поэтому из материала, с одной стороны, можно извлечь наиболее достоверные языковые данные, а с другой стороны, можно наблюдать наиболее реалистичный уровень владения говорящим иностранным языком.

Информантами выступили студенты и аспиранты Санкт-Петербургских вузов, в возрасте (на момент записи) 23-29 лет. Их состав был сбалансирован по полу (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком (10 человек с уровнем В2 и 10 — с более высоким уровнем С1). Согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан, В2 — это постпороговый уровень владения иностранным (русским) языком, сдача экзамена на этом уровне означает, что кандидат «уже может решать задачи социально-делового и межличностного взаимодействия, свободно понимать информацию из СМИ, пользоваться различными стилями языка» (17). А С1 — это почти совершенный уровень владения русским языком, успешная сдача экзамена на этом уровне означает, что кандидат может «вести профессиональную деятельность на русском языке в качестве филолога, переводчика, редактора, журналиста, дипломата и т. д.» (18). Можно сказать, что для всех информантов создание монолога на предложенную тему не должно было представлять сложности, так как они должны хорошо владеть необходимыми для этого словарным запасом и грамматическими знаниями.

Кроме того, все информанты прошли психологический тест Г. Айзенка (на китайском языке) с целью выявления их психотипа. В результате в группе информантов оказалось 9 интровертов (И), 6 амбивертов (А) и 5 экстравертов (Э). Это обеспечило условия для анализа материала с социо- и психолингвистической точек зрения.

Объем исследованного материала составил 2 595 слов. Здесь *слово*, в соответствии с лингвистической традицией, понимается как лексико-грамматическая единица (2). При подсчете объема материала в качестве самостоятельных единиц не учитывались обрывы слов, вокализации и неразборчивые слова.

Анализ материала и его результаты

Анализ материала показал, что в устных русских монологах китайцев 99,96 % используемых слов являются общеупотребительными, конкретные слова значительно преобладают по количеству над абстрактными, отсутствуют термины и книжная лексика, что соответствует вышеуказанным особенностям русской РР. Однако необходимо отметить, что частота встречаемости собственно разговорных слов в проанализированных монологах невелика (2,3 %), и число их разновидностей также небольшое. Топ-2 разговорных слов по частоте встречаемости — *ну* и *вот*, которые в основном используются как слова-«паразиты», и только они составляют более половины (64,2 %) разговорных слов в материале исследования (Ср. близкие к нашим данные лексического анализа материала корпуса ОРД (5, с. 10): единицы *вот* и *ну* имеют в этом корпусе ранги соответственно 3 и 4, уступая по частотности только словам *я* и *не*.). Наблюдались также уменьшительно-ласкательные формы (*немножко*, *собачка*, *книжка*, *коленка*) и молодежный жаргон (*потусуемся*), но первые встретились всего 9 раз (6 из которых были употреблениями одного и того же слова — *немножко*), а вторые — только один раз. Кроме того, в монологах китайцев полностью отсутствовали фразеологизмы/идиомы, а также (что вполне ожидаемо) диалектизмы, и профессиональные слова. Имен ситуации («*Имя ситуации* (курсив мой. — Ц. Ч.) — это конкретное существительное, которое в определенном микроколлективе может обозначать какую-то актуальную для данного коллектива ситуацию» (9).) и многозначных слов, значение которых не может быть понято в рамках данного контекста, в материале также не встретилось, вероятно, потому, что при отсутствии конкретного собеседника говорящий не знает, кто его адресат, поэтому не использует слов с неясным значением, слов, понятных только определенной группе людей, а также слов собственного создания: с уникальными значениями, которые известны только близким ему людям.

Принимая во внимание уровень владения информантами русским языком, учитывалось также, сколько слов в их монологах входит в соответствующие лексические минимумы для иностранцев (*Лексические минимумы* II и III сертификационных уровней (B2 и C1) являются частью официального комплекса материалов Российской системы тестирования. Первый содержит около 5 100 единиц,

а второй — около 11 000 единиц (11; 12).). Подсчеты показали, что в русских текстах китайцев

- 97,5 % слов входят в лексический минимум В2 (из них 99,6% — слова, предназначенные для активного усвоения),

- 0,6 % слов входят в лексический минимум С1 (из них 71,4 % — слова, предназначенные для активного усвоения (уточним, что словник лексического минимума С1 включает в себя весь лексический минимум В2, но для того, чтобы более наглядно увидеть использование словарного запаса информантов, слова, которые входят в лексический минимум С1, здесь относятся к той части, которая не включает в себя лексический минимум В2),

- 1,9 % слов не входят ни в лексический минимум В2, ни в лексический минимум С1 — в основном это имена собственные (*Пекин, Москва, Китай, Россия, Эрмитаж, Вера, Маша* и т. д.), заимствованные слова (*йога, супермаркет, самоизоляция* и т. д.) и отглагольные существительные (*обогащение, привлечение, сопровождение* и т. д.), среди которых все глагольные формы входят в лексические минимумы В2/С1 и являются словами, предназначенными для активного усвоения.

Из этих данных видно, что информанты не использовали сложную и продвинутую для себя лексику, даже те, кто имел уровень С1, что может быть связано с ситуацией порождения речи или с тем, что заданная им тема была очень привычной и повседневной.

Для дальнейшего анализа весь материал был *лемматизирован* (для каждого словоупотребления была получена исходная словарная форма) с помощью программы *mystem* (свободно распространяемый морфологический анализатор для русского языка с закрытым исходным кодом, разработанный Яндексом (20)), а с помощью программы *AntConc* (бесплатный корпусный менеджер для статистических исследований текстов (19). Он был «разработан профессором Л. Антони (L. Anthony), директором Центра обучения английскому языку в науке и технике Школы науки и техники университета Васеда (Япония)» (8, с. 37)) был проведен количественный анализ, в результате которого было получено не только значение TTR (*type-token ratio*; значение TTR является показателем лексического разнообразия текста. Чем ближе значение TTR к 1, тем больше лексическое богатство текстового сегмента) исследованного материала — 0,208, что означает, что каждая лемма встретилась в исследовательском материале в среднем 4,797 раза, но и частот-

ный список лемм. Учитывая длину списка, для иллюстрации были отобраны первые 40 лемм по частоте встречаемости, поскольку количество слов, содержащихся в них, уже составляет более половины от общего объема проанализированного материала. Для того чтобы выяснить, так ли часто эти слова используются в речи носителей русского языка, была специально выяснена частота употребления этих слов в речи общего стиля и в живой разговорной речи. Эти данные были получены из Частотного словаря русской лексики О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (13), и результаты приведены в таблице 1 (IPM (сокр. от *instances per million words*) — стандартное представление частоты токена или леммы, вычисляемое относительно условного корпуса в миллион единиц, независимо от объема реального корпуса).

Таблица 1

Топ-40 лемм по частоте встречаемости в русских монологах китайцев и их частота по данным Частотного словаря

Rank	Монологи китайцев		Данные Частотного словаря			
			Живая русская устная речь		Общая лексика	
	IPM	Лемма	IPM	Лемма	IPM	Лемма
1	75529.9	я	33686.4	я	35801.8	и
2	40077.1	и	23444.5	не	31374.2	в
3	32755.3	в	20750.8	и	21575.1	на
4	27571.0	что	20663.9	а	18028.0	не
5	20038.5	время	19300.7	в	12288.1	что
6	17726.4	с	18716.1	что	12684.4	я
7	15414.2	не	17328.9	быть	12160.7	быть
8	14258.1	каникулы	17208.0	ну	11316	с
9	13872.8	это	15698.6	вот	8226.6	а
10	13487.4	мы	13777.2	это	6626.7	как
11	12716.8	любить	11776.4	на	6174.5	это
12	11175.3	очень	10971.4	там	5786.7	по
13	10404.6	на	8528.4	так	5414.0	этот
14	9633.9	быть	8469.2	с	5381.7	но
15	9633.9	друг	8309.2	мы	4704.8	мы
16	9633.9	по	8212.2	как	3445.9	так
17	9633.9	свободный	6382.7	этот	3229.3	для

18	9248.6	<i>но</i>	4384.5	<i>еще</i>	2913.3	<i>мочь</i>
19	9248.6	<i>там</i>	3997.7	<i>но</i>	2409.4	<i>еще</i>
20	8863.2	<i>мой</i>	3612.2	<i>по</i>	2345.0	<i>или</i>
21	8477.8	<i>еще</i>	3542.9	<i>мочь</i>	2015.7	<i>время</i>
22	8477.8	<i>иногда</i>	3376.6	<i>надо</i>	1720.0	<i>мой</i>
23	8477.8	<i>как</i>	2996.1	<i>очень</i>	1816.5	<i>вот</i>
24	8092.5	<i>ну</i>	2711.3	<i>тоже</i>	1286.8	<i>очень</i>
25	8092.5	<i>потому</i>	2668.5	<i>просто</i>	1180	<i>там</i>
26	7321.8	<i>мочь</i>	2203.6	<i>или</i>	1006	<i>надо</i>
27	6936.4	<i>вот</i>	1593.8	<i>потому</i>	847.2	<i>друг</i>
28	6936.4	<i>надо</i>	1453.1	<i>мой</i>	841.5	<i>тоже</i>
29	6936.4	<i>этот</i>	1310.3	<i>время</i>	769.3	<i>потому</i>
30	6551.0	<i>а</i>	1096.1	<i>для</i>	739.1	<i>просто</i>
31	6551.0	<i>или</i>	705.6	<i>читать</i>	573.4	<i>город</i>
32	6551.0	<i>так</i>	585.9	<i>любить</i>	503.1	<i>любить</i>
33	6551.0	<i>читать</i>	481.3	<i>друг</i>	421.3	<i>поэтому</i>
34	6165.7	<i>гулять</i>	438.5	<i>поэтому</i>	304.4	<i>читать</i>
35	6165.7	<i>фильм</i>	336.4	<i>никогда</i>	249.8	<i>иногда</i>
36	5780.3	<i>поэтому</i>	315	<i>фильм</i>	196.8	<i>фильм</i>
37	5780.3	<i>просто</i>	304.9	<i>город</i>	149.0	<i>свободный</i>
38	5780.3	<i>тоже</i>	219.2	<i>гулять</i>	116.8	<i>ну</i>
39	5395.0	<i>для</i>	89.5	<i>свободный</i>	59.5	<i>гулять</i>
40	5009.6	<i>город</i>	23.9	<i>каникулы</i>	15.2	<i>каникулы</i>

Из таблицы 1 видно, что частота встречаемости данных 40 лемм в монологах китайцев различна, но в целом достаточно высока. Это связано с тем, что экспериментальный материал намного меньше того, что собрано в словаре, но тематика его фиксирована, поэтому частота встречаемости этих лемм оказалась выше. Именно поэтому некоторые служебные слова, наречия, местоимения и вспомогательные глаголы, которые помогают формировать речь, такие как *этот*, *как*, *или*, *так*, *мочь*, *быть* и т. д. занимают более высокое место в словарных данных.

Сравнивая ранги этих 40 лемм в трех источниках, можно обнаружить, что, например, местоимение *я* (наиболее частотное слово в повседневном дискурсе, по данным ОРД) занимает первое место как в наших материалах, так и в живой устной речи (УР) (по данным частотного словаря), но его частотность в монологах китайцев

намного выше, чем в УР носителей русского языка (IPM 75529,9 vs 33686,4). Это, на наш взгляд, во многом обусловлено тем фактом, что склонения как морфологической категории в системе китайского языка не существует, поэтому китайцы не привыкли опускать подлежащее. В то же время тема исследуемого материала — способ проведения времени на каникулах, поэтому говорящие часто говорят именно о себе, используя местоимение *я*.

Частота некоторых из этих 40 лемм в исследуемом материале связана также с темой монолога: так, лемма *каникулы* занимает восьмое место в наших материалах (IPM 14258,1), но последнее место в данных словаря: IPM 23,9 (в живой УР) и 15,2 (в речи общего стиля); лемма *время* занимает пятое место в наших материалах (IPM 20038,5), уступая по частотности только леммам *я*, *и*, *в* и *что*, но занимает лишь 29-е место в живой УР (IPM 1310,3) и 21-е место в речи общего стиля (IPM 2015,7); и т. д.

Ранги и IPM разговорных слов *ну* и *вот* в живой УР намного выше (ранг 7 и 8; IPM 17208,0 и 15698,6 соответственно), чем в монологах китайцев (ранг 24 и 27; 8092,5 и 6936,4), а ранг леммы *вот* в наших материалах даже немного ниже, чем в речи общего стиля (по данным Частотного словаря) (ранг 23). Из этого следует, что владения китайскими информантами разговорными словами явно недостаточно.

В дополнение к этому был также подсчитан рейтинг этих 40 лемм в списке «Общая лексика» (по данным Частотного словаря). Результаты показали, что 77,8 % лемм вошли в топ-100, 20 % вошли в топ-500, и этот рейтинг состоял из 20 004 лемм, что означает, что слова, использованные информантами, уже являются наиболее частотными в русском языке.

Корреляции с характеристиками говорящих

Помимо собственно монологов, корпус САТ, а с ним и подкорпус настоящего исследования, содержит и метаданные информантов, поэтому в работе делается попытка установить связь выявленных лексических особенностей монологов-рассказов с характеристиками информантов. Результаты представлены в таблицах 2–5.

Из таблицы 2 видно, что среднее количество слов в текстах юношей, информантов с уровнем С1 и амбивертов больше (выделено шрифтом), чем в текстах девушек, информантов с уровнем В2, экстравертов и интровертов. Возможно, это связано с их более вы-

соким уровнем владения русским языком или с большей готовностью к самовыражению. Видно также, что эффективность коммуникации у юношей, информантов с уровнем С1 и амбивертов тоже в некоторой степени выше, чем у девушек, информантов с уровнем В2, экстравертов и интровертов, поскольку они могут произносить больше слов с полным значением за одно и то же время (также выделено шрифтом).

Таблица 2

Среднее количество слов и частота их встречаемости в текстах информантов с разными социально-психологическими характеристиками

	Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
Среднее количество слов в тексте	128.2	131.3	90.8	168.7	79.4	133.7	165.8
Средний интервал между словами (в секундах)	0.999	0.867	1.122	0.830	0.826	0.110	0.789

Таблица 3

Доля разговорных слов, уменьшительно-ласкательных форм слов и жаргона в речи информантов с разными социально-психологическими характеристиками, %

	Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
Разговорные слова	25.0	75.0	15.0	85.0	20.0	15.0	65.0
Уменьшительно-ласкательные формы слов	22.2	77.8	33.3	66.7	33.3	11.1	55.6
Жаргонные слова	100.0			100.0			100.0

Из таблицы 3 видно, что жаргон был выявлен только в речи девушек, амбивертов и информантов с уровнем С1, но это связано с тем, что он использовался только один раз (*потусуем*). А разговорные слова и уменьшительно-ласкательные формы слов чаще были зафиксированы в речи юношей, амбивертов и информантов с уровнем С1.

Таблица 4

Доля слов, входящих в лексический минимум С1 (в %)

	Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
С1	64.3	35.7	35.7	64.3	35.7	7.2	57.1

Из таблицы 4 видно, что девушки, амбиверты и информанты с уровнем С1 использовали больше слов, которые входят в лексический минимум С1 (выделено шрифтом).

Таблица 5

Количество слов в текстах информантов
с разными социально-психологическими характеристиками
и количество повторений каждой леммы

	Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
Количество слов в тексте	1296	1299	903	1692	399	1197	999
Количество повторений каждой леммы	3.42	3.93	3.11	4.07	2.19	3.34	4.38

Из таблицы 5 видно, что лексическое разнообразие текстов у юношей, амбивертов и информантов с уровнем С1 ниже, чем у девушек, информантов с уровнем В2, экстравертов и интровертов, но не исключено, что это связано с тем, что у них больший объем текста с фиксированной темой. Здесь важно отметить, что практически все монологи информантов подчиняются правилу: чем больше объем текста, тем хуже лексическое разнообразие, за исключением амбивертов, в текстах которых леммы повторяются даже чаще, чем в текстах информантов с уровнем С1, у которых слов в тексте в два раза больше. Это означает, что в сознании интроверта понимание праздников и связанных с ними идей достигло высокой степени согласованности.

Суммируя все полученные результаты, можно сказать, что, как и ожидалось, у информантов с уровнем С1 стремление к самопрезентации, эффективность коммуникации и частота использования разговорных слов, уменьшительно-ласкательных форм слов и жаргона значительно выше, чем у информантов с уровнем В2. Если речь информантов с уровнем С1 считается более качественной, то речь юношей и амбивертов в целом неплохая.

Кроме того, из таблиц 2-5 видно также, что, за исключением частоты использования жаргона (который встретился только один раз) и разговорных слов, все лексические характеристики русских спонтанных монологов китайцев имеют наибольший диапазон колебаний в речи групп информантов с разными психологическими характеристиками. Иными словами, наибольшее влияние на используемую в монологах лексику оказали именно психологические характеристики говорящих.

Заключение

В целом, лексические особенности русских устных монологов на неродном языке довольно специфичны: с одной стороны, они в целом соответствуют особенностям русской разговорной речи, но в определенной степени лишены разговорной окраски. С другой стороны, на них влияют родной язык говорящего, их уровень владения русским языком, социально-психологические характеристики и даже особенности жанра — монолога-рассказа на заданную тему. Из индивидуальных характеристик информантов наибольшее влияние на использование лексики оказывают психологические характеристики.

Результаты проведенного исследования не только способствуют изучению спонтанной разговорной речи в целом и совершенствованию преподавания русского языка как иностранного, но и могут быть использованы в курсах по когнитивистике, социо- и психолингвистике, лингводидактике и коллоквиалистике.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / главный редактор А. М. Молдован; ответственный редактор выпуска В. А. Плунгян. Москва, 2019. С. 111–126.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва; Ленинград: Учпедгиз, 1947. 783 с.
3. Винокур Т. Г. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 682.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / ответственный

редактор Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / ответственный редактор Н. В. Богданова-Бегларян. Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.

6. Земская Е. А. О понятии «разговорная речь» // Русская разговорная речь. Сб. научных трудов / под редакцией О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. С. 3–17.

7. Земская Е. А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. 5-е изд. стереотип. Москва: Флинта, 2016. 240 с.

8. Котурова И. А. Корпусные исследования с помощью сервиса ANTCOnc в условиях работы в вузе // Язык и культура. 2020. № 52. С. 36–50.

9. Культура русской речи. Учебник для вузов / под редакцией Л. К. Шраудиной, Е. Н. Ширяева. Москва: Изд. группа НОРМА-ФРА, 1998. URL: <http://bibl.tikva.ru/base/B1451/B1451Part6-47.php> (дата обращения: 23.03.2025)

10. Лаптева О. А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 407.

11. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Под редакцией Н. П. Андрюшиной (электронное издание). 5-е изд. Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. 164 с.

12. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / под редакцией Н. П. Андрюшиной. Санкт-Петербург: Златоуст, 2018. 200 с.

13. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 17.02.2025).

14. Ризель Э. Г. Стиль обиходной речи // Иностранные языки в школе. 1959, № 1. С. 30–39.

15. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь: пособие для учителя. Москва: Просвещение, 1983. 80 с.

16. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.

17. Содержание уровней владения РКИ. URL: <https://textarchive.ru/c-2062053.html> (дата обращения: 11.02.2025).

18. Центр языкового тестирования. URL: <https://testingcenter.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (дата обращения: 11.02.2025).

19. AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/AntConc> (дата обращения: 25.02.2025).

20. Mystem. URL: <https://yandex.ru/dev/mystem/> (дата обращения: 25.02.2025).

References

1. Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Zaides, K. D., Sherstinova, T. Yu. Korpus «Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka» (SAT): izuchenie specifiky russkoj monologicheskoy rechi // Trudy IRYa im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki / Gl. red. A. M. Moldovan. Otв. red. vypuska V. A. Plungyan. Moscow, 2019, pp. 111-126.
2. Vinogradov, V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. Moscow; Leningrad, 1947. 783 p.
3. Vinokur, T. G. Monologicheskaya rech' // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / V. N. Yargeva (ed.). Moscow, 1990, p. 682.
4. Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye / N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). Saint-Petersburg, 2013, 532 p.
5. Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dlya novyh leksikograficheskikh proektov / N.V. Bogdanova-Beglarian (ed.). Saint-Petersburg, 2015, 364 p.
6. Zemskaya, E. A. O ponyatii «razgovornaya rech'» // Russkaya razgovornaya rech'. Sb. nauchnykh trudov / O. B. Sirotinina (ed.). Saratov, 1970, pp. 3-17.
7. Zemskaya, E. A. Russkij yazyk kak inostrannyj. Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya: Uchebnoe posobie. Moscow, 2016, 240 p.
8. Kotyurova, I. A. Korpusnye issledovaniya s pomoshch'yu servisa ANTCONC v usloviyakh raboty v vuze // Yazyk i kul'tura. 2020. № 52, pp. 36-50.
9. Kul'tura russkoj rechi. Uchebnik dlya vuzov / L.K. Shraudina, E.N. Shiryayev (eds.). Moscow, 1998. URL: <http://bibl.tikva.ru/base/B1451/B1451Part6-47.php> (data obrashcheniya: 23.03.2025).
10. Lapteva, O. A. Razgovornaya rech' // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / V.N. Yargeva (ed.). Moscow, 1990, p. 407.
11. Leksicheskij minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Vtoroj sertifikacionnyj uroven'. Obshchee vladenie / N. P. Andryushina (ed.) (elektronnoe izdanie). 5-e izd. Saint-Petersburg, 2015, 164 p.

12. Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Tretij sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie / N. P. Andryushina (ed.). Saint-Petersburg, 2018, 200 p.

13. Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka). [Elektronnyy resurs]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (data obrashcheniya: 17.02.2025)

14. Rizel', E. G. Stil' obikhnodnoj rechi // Inostrannye yazyki v shkole. 1959, № 1, pp. 30-39.

15. Sirotinina, O. B. Russkaya razgovornaya rech': Posobie dlya uchitelya. Moscow, 1983. 80 p.

16. Skrebnev, Yu. M. Vvedenie v kollokvialistiku. Saratov, 1985, 210 p.

17. Soderzhanie urovnej vladeniya RKI. URL: <https://textarchive.ru/c-2062053.html> (data obrashcheniya: 11.02.2025).

18. Centr yazykovogo testirovaniya. URL: <https://testingcenter.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (data obrashcheniya: 11.02.2025).

19. AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/AntConc> (data obrashcheniya: 25.02.2025).

20. Mystem. URL: <https://yandex.ru/dev/mystem/> (data obrashcheniya: 25.02.2025).

РОЛЬ ВВОДНЫХ СЛОВ И ОБОРОТОВ КАК ЯЗЫКОВОГО СПОСОБА ВЫРАЖЕНИЯ АППРОКСИМАЦИИ

© Чжан Вэньчжэ

аспирант кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
zhangwenzhe@yandex.ru

Аннотация. Аппроксимация, или приблизительность, является одной из ключевых категорий в лингвистике. Эта категория отражает способность языка передавать неточные, оценочные или предположительные значения. В русском языке аппроксимация реализуется через разнообразные средства: морфологические (напр., формы множественного числа), словообразовательные (напр., уменьшительные суффиксы), лексические (однословные) и синтаксические (многословные). Особое место в этом ряду занимают вводные слова (ВС), относящиеся к лексическим аппроксиматорам, и вводные обороты (ВО), относящиеся к синтаксическим аппроксиматорам. Они служат не только для выражения модальности, но и для смягчения категоричности высказывания, указания на предположительность или неточность информации. Цель данной статьи — проанализировать роль ВС как важного инструмента аппроксимации в русском языке, опираясь на существующие исследования в области семантической категории аппроксимации.

Ключевые слова: вводные слова, вводные обороты, приблизительность, семантическая категория аппроксимации, лексический способ, синтаксический способ.

THE ROLE OF INTRODUCTORY WORDS AND PHRASES AS A LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING APPROXIMATION

Zhang Wenzhe

Postgraduate student of the Department of Russian Language
Saint-Petersburg State University
The Russian Federation, Saint-Petersburg
zhangwenzhe@yandex.ru

Abstract. Approximation, or approximateness, constitutes one of the key categories in linguistics. This category reflects language's ability to convey imprecise, evaluative, or hypothetical meanings. In Russian, approximation

is realized through diverse linguistic means: morphological (e.g., plural forms), word-formational (e.g., diminutive suffixes), lexical (single-word units), and syntactic (multi-word structures). A special position among these is occupied by introductory words (IW), classified as lexical approximators, and introductory phrases (IPs), categorized as syntactic approximators. These elements serve not only to express modality but also to mitigate the categorical nature of statements, signal tentativeness, or highlight the imprecision of information. The aim of this article is to analyze the role of IWs as a crucial instrument of approximation in the Russian language, drawing on existing research in the field of the semantic category of approximation.

Keywords: introductory words, introductory phrases, approximateness, semantic category of approximation, lexical means, syntactic means

Введение. Аппроксимация в лингвистике понимается как способ языкового выражения приблизительности, неполной точности или условности номинации. Эта категория тесно связана с эпистемической модальностью, которая отражает степень уверенности говорящего в достоверности информации.

Вводные слова, в свою очередь, представляют собой лексико-грамматический класс, выполняющий функцию выражения субъективного отношения автора к содержанию высказывания. Как отмечает Н. Ю. Шведова, “вводные конструкции вносят в предложение оценку сообщаемого с точки зрения достоверности, эмоционального отношения или источника информации” [Шведова, 1980, с. 543]. Посредством вводных слов осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения [Кручинина, ЛЭС].

Специфика вводных слов и оборотов заключается в их синтаксической обособленности: они не являются членами предложения и сохраняют семантическую автономность. Например, в предложении *Кажется, сегодня будет дождь* вводное слово *кажется* указывает на предположительность прогноза, не влияя на грамматическую структуру. Эта особенность позволяет вводным словам гибко выражать аппроксимативные значения, варьируя степень уверенности говорящего.

Объектом исследования данной статьи являются вводные слова (ВС) и вводные обороты (ВО) в русском языке как средства реализации семантической категории аппроксимации, их функциональные, прагматические и стилистические особенности.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования являются примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с XIX по XXI вв. и научные, публицистические и разговорные тексты, иллюстрирующие употребление ВС/ВО. Методы исследования: корпусный анализ, контекстуальный анализ, сопоставительный метод.

Результаты

I. Классификация ВС и ВО с аппроксимативной функцией

По значению ВС подразделяются на: указывающие на степень достоверности сообщаемого (*вероятно, кажется*); эмоционально-оценочные (*к счастью, к сожалению*); характеризующие речь, способы и приёмы выражения мысли (*так сказать, короче, точнее*); указывающие на источник информации (*говорят, по слухам*), устанавливающие контакт с собеседником (*знаете ли, послушайте*); определяющие ход мыслей (*во-первых, значит, итак*). Побочной функцией многих ВС является функция союзная [Кручинина. ЛЭС]. На основе этого при классификации ВС и ВО следует учитывать также и особую аппроксимативную функцию, которую выполняют ВС и ВО. Исходя из обобщенных критериев, впоследствии пригодных к их оценке с точки зрения семантической категории аппроксимации, их можно классифицировать по нескольким критериям: степени уверенности (допущения), источнику информации и прагматической функции.

1. По степени уверенности (допущения) ВС и ВО подразделяются на такие, которые выражают высокую степень, среднюю степень, и низкую степень.

А. ВС и ВО в семантической категории аппроксимации с высокой степенью (*вернее всего, вероятнее всего*). Различая и классифицируя ВС и ВО с аппроксимативной функцией в этой категории, из средств-аппроксиматоров необходимо исключить ВО и ВС с крайней и точной степенью, таких как *несомненно, безусловно, очевидно*.

А вернее всего, и то и другое и еще что-нибудь, о чем только шепотом. [Александр Снегирев. Вера (2015)] (аппроксимация)

Очевидно, что они являются прямым следствием дифференциальной экспрессии генов, имеющих у представителей мужского и женского пола. [Марина Бутовская. Антропология пола (2022)] (высокая степень, но выражается точность, а не аппроксимация)

Б. ВС и ВО в семантической категории аппроксимации со средней степенью (*вероятно, возможно, наверное, по (всей) видимости, скорее всего, предположительно*):

Генотип Y0, **вероятно**, несовместим с жизнью, и индивиды с таким набором не встречаются. [Марина Бутовская. Антропология пола (2022)]

В. ВС и ВО выражают низкую степень (*кажется, как (мне) кажется, может быть, пожалуй, вроде бы, маловероятно*).

Это был достаточно ловкий ход: победит Вадим — и горожане ничтоже сумнящиеся переходят на его сторону, одолеет князь — они, **вроде бы**, и не при чем. [А.И. Красницкий. В дали веков (1895)]

На основе данных НКРЯ заметим, что из 1226 примеров с 1869 по 1970 год нами было найдено всего 20 примеров использования *вроде бы* в качестве ВО, о чем свидетельствует обособление этого оборота запятыми. Это составляет 1,6%. Но в последнее десятилетие в качестве ВО оказалось уже 14 из 548 примеров, что составляет уже немного больше — 2,6%. Поэтому можно сделать наблюдение, что *вроде бы*, будучи прототипическим аппроксиматором, довольно редко используется как ВО для выполнения аппроксимативной функции, но имеет тенденцию к усилению своей значимости, так как обособляется в последние годы несколько чаще. Мы считаем, что таким способом семантическая категория аппроксимации имеет тенденцию к своей актуализации в русском языке.

2. По источнику информации ВС и ВО подразделяются на такие, которые выражают:

А. логическое предположение (*видимо, должно быть*);

А, **должно быть**, в этой самой Эфиопии теперь жаррица!.. [Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019]

Б. чувственное восприятие (*кажется, похоже*);

О возможной мессианской трактовке последнего пассажа в иудейской или христианской традиции исследователь ничего не говорит, что, **как кажется**, было бы вполне уместно хотя бы в качестве краткого экскурса, коих в рецензируемой книге немало. [священник Михаил Юров. Современная библейская критика о Царе Давиде и его эпохе: преодоление деконструктивизма (2021) // «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии», 2019]

3. По прагматической функции ВС и ВО подразделяются на такие, которые выражают:

А. смягчение категоричности (*возможно, допустим*):

*Очень часто бывает так, что начальник вообще не в курсе дела, — **допустим**, что нужно платить взятки за доступ к его телу и так далее.* [Бомба в ночном эфире // «Советская Россия», 2003.08.16]

Б. специальную аппроксимации (*кажется, как (мне) кажется, что называется, (если можно) так сказать, как (мне) представляется, по моему мнению, по моему предположению, по моему ощущению*).

См. пример священника Михаил Юров выше.

Подобная классификация позволяет систематизировать роль вводных слов в передаче аппроксимации, что подтверждается работами Е. В. Падучевой, выделяющей их как маркеры эпистемической осторожности [Падучева, 1996, с. 112].

Рассмотрим функционирование ВС и ВО на конкретных примерах, применяя установленную классификацию.

*1943 г. был, **наверное**, самым изнуряющим для Ленинграда и его жителей.* [священник Вячеслав Суховецкий. К вопросу о положении омского духовенства в 1920 году // «Церковь богословие история», 2020]

Здесь ВС *наверное* снижает категоричность утверждения, переводя его в область предположения. Говорящий допускает возможность ошибки, что характерно для аппроксимации, а ВС в данном контексте можно назвать аппроксиматором.

*Хотя данное слово фигурирует во многих отчетах, но все же, **наверное**, стоит уточнить, что вино и мука продавались.* [священник Вячеслав Суховецкий. К вопросу о положении омского духовенства в 1920 году // «Церковь богословие история», 2020]

В этом примере не видно интенции показать точно предмет речи, основная цель высказывания направлена внутрь, на состояние говорящего, поэтому ВО *наверное* в подобных высказываниях невозможно отнести к аппроксиматорам.

*Более того, апокриф о пиратах, продавших Липпи-старшего в рабство, нигде, кроме Вазари, **кажется**, не упоминается.* [Дмитрий Бавильский. «Безобразный Ренессанс» // «Знание — сила», 2020]

Здесь говорящий показывает приблизительность своего знания о предмете, который он не может назвать точно. Такой случай употребления ВО *кажется* входит в круг аппроксиматоров.

Относительно добавочных примечаний я должен сказать, что первое из них весьма удобно поместится под строкою, второе — о

классицизме в Англии — удобно было бы внести в самый текст, третье тоже можно бы, **кажется**, присоединить к тексту, с какими-нибудь оговорками. [Н. Ф. Красносельцев. Письма Н. Ф. Красносельцева к В. В. Плотникову (впоследствии — епископ Борис) // «Церковь богословие истории», 2020].

В этом примере ВС *кажется* актуализирует субъективную оценку, подчеркивая, что вывод основан на личном впечатлении, а не на фактах, что препятствует отнесению ВС *кажется* в подобных контекстах к аппроксиматорам.

В головном мозгу женщины маскулинизация, как правило, не происходит. [Марина Бутовская. Антропология пола (2022)].

Здесь содержится указание на обобщённый опыт *как правило*, что вносит элемент условности, исключения допускаются. Это употребление, а также ни одно из других 141 употреблений ВО *как правило* с 2020 года по настоящее время, включенных в НКРЯ, по нашим наблюдениям, не обнаруживает признаков функции аппроксимации (выражения приблизительности).

II. Сопоставление с другими средствами аппроксимации

В отличие от лексических средств (например, наречия *примерно*, предлога *около*) или необособляемых синтаксических конструкций (*вроде бы, так называемый, типа* + Р. п.), ВС и ВО обладают большей прагматической нагрузкой. Они не только указывают на неточность, но и отражают позицию говорящего, его отношение к сообщению. Так, фраза «Он был страшно раздражен, фыркал, и ему все не терпелось что-нибудь выкинуть. — Ты ведь, **кажется**, колдун?» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)] содержит не только аппроксимацию, но и имплицитное сомнение в способностях субъекта.

Кроме того, вводные слова часто сочетаются с другими аппроксимативными маркерами, усиливая эффект неопределённости: *Вроде бы, возможно, он согласится*. Подобная избыточность характерна для разговорной речи, где стремление избежать ответственности за информацию становится особенно заметным.

III. Прагматические функции вводных слов: между истиной и вежливостью

Аппроксимация через ВС и ВО не сводится к передаче неточности, — она является инструментом управления коммуникацией.

Вводные конструкции позволяют говорящему: сохранить лицо в случае ошибки (*Кажется, я перепутал даты.*); предложить альтернативную точку зрения без конфликта (*Возможно, есть и другие мнения.*); выразить солидарность (*Наверное, мы все с этим сталкивались.*).

Эта многофункциональность объясняется тем, что вводные слова функционируют на уровне имплицатур (по Г. П. Грайсу): они подразумевают, что говорящий готов к пересмотру позиции, что повышает доверие к его словам [Власян, 2014]. Например, фраза *Очевидно, это решение оптимально* в контексте спора может быть заменена на *Возможно, это решение оптимально*, чтобы стимулировать диалог.

Как видим, аппроксимация, как семантическая категория языка, затрагивающая его обязательную объективную метаязыковую функцию, накладывается на разнообразные прагматические функции, появляющиеся в связи с той или иной субъективной коммуникативной установкой говорящего.

IV. Функционально-стилистический аспект: вводные слова в разных типах текста

1. Разговорная речь. В бытовом общении вводные слова (*наверно, кажется*) часто сочетаются с жестами и интонацией, усиливая эффект неопределённости. Например:

– *Какой дедушка? Григорий Иванович?*

– *Наверное, — пожала плечами девочка.*

– *Ну, хочется ему сидеть, вот и сидит, — улынулась мама, — свежим воздухом дышит.* [электронный ресурс]

Здесь аппроксимация служит способом экономии речевых усилий: необходимость выразить приблизительность приносится в жертву скорости коммуникации.

2. Научный дискурс. В нем аппроксимация служит для соблюдения академической этики. Например: *Хэннам и коллеги тренировали свои часы на образцах крови взрослых людей, поэтому они, предположительно, лучше отражают старение кровеносной и иммунной систем, чем других органов.* [Полина Лосева. Против часовой стрелки: Что такое старение и как с ним бороться (2020)]. Здесь ВС *предположительно* смягчает категоричность гипотезы, оставляя пространство для критики.

Вводные слова *очевидно, предположительно, вероятно* и подструктурируют аргументацию, разделяя факты и гипотезы. Например: *Если говорить о роли женщины в Древней Руси, очевидно, что ей было определено более чем скромное место.* [Федор Успенский. Как женились и разводились Рюриковичи (Конспект третьей лекции курса «Рождение, любовь и смерть русских князей») // «Арзамас», 2022]. По Кубряковой, это отражает иерархию уверенности в научном познании [Кубрякова, 2004, с. 145]. Однако, как уже было сказано выше, ВС *очевидно* выражает точность, и в высокой степени, поэтому мы не считаем его ВС-аппроксиматором.

3. Медиатексты. В газетных статьях аппроксимация через вводные слова (*по некоторым данным, сообщается, похоже*) позволяет дистанцироваться от ответственности за информацию. Например: *Нефтяной рынок, похоже, теперь убежден в том, что более высокие цены оправданы*, — рассказала агентству аналитик Rystad Energy Луиза Диксон. [Нефть дорожает на спаде паники вокруг штамма коронавируса «омикрон» // Ведомости, 2021.12.06]. Это соответствует стратегии эпистемического прикрытия, описанной Вежбицкой [Вежбицкая, 1999, с. 234].

Заключение

Вводные слова играют ключевую роль в системе средств аппроксимации русского языка, выполняя не только семантическую, но и прагматическую функцию. Они позволяют говорящему выразить степень уверенности, указать на источник информации и скорректировать коммуникативную стратегию в зависимости от контекста. Исследование их функций важно для понимания механизмов передачи субъективности и неточности в речи, что имеет значение для лингвистики, дискурс-анализа и преподавания русского языка как иностранного.

Среди ВС и ВО, выражающих степень уверенности говорящего, большинство является аппроксиматорами. Исключение составляют лишь те, которые показывают крайнюю степень уверенности (*несомненно, безусловно, очевидно*). ВС и ВО, показывающие источник информации, а также употребляющиеся с различными прагматическими функциями, в зависимости от контекста, могут выражать также и функцию аппроксимации, но она может и отсутствовать. Во всяком случае, изучение семантической категории аппроксимации без привлечения синтаксической категории ВС и ВО невозможно.

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / перевод с английского А. Д. Шмелева; под редакцией Т. В. Булыгиной. Москва: Языки русской культуры, 1999, 780 с.
2. Власян Н. Р. Проблема разграничения конвенциональных и коммуникативных имплицатур // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7(336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 17–20.
3. Кручинина И. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/081b.html>
4. Крысин Л. П. Современный русский язык: Лексическая семантика. Москва: Академия, 2004.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. Москва: Школа Языки русской культуры, 2004.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
7. Падучева Е. В. Семантические исследования. Москва: Школа Языки русской культуры, 1996.
8. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Москва: Наука, 1980. Т. 2.
9. URL: <https://hahatushki.mirtesen.ru/blog/43926604718/Glyadelki>

References

1. Vezhbiczskaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazy`kov / Per. s angl. A.D. Shmeleva pod red. T.V. Buly`ginoy. M. Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1999, 780 s.
2. Vlasyan N. R. Problema razgranicheniya konvencional`ny`x i kommunikativny`x implikatur // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7 (336). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vy`p. 89. s. 17–20.
3. Kruchinina I. N. Lingvistichesikj e`nciklopedicheskij slovar`. [E`lektronny`j resurs]. — Rezhim dostupa: <https://tapemark.narod.ru/les/081b.html>
4. Kry`sin L. P. Sovremenny`j russkij yazy`k: Leksicheskaya semantika. M.: Akademiya, 2004.
5. Kubryakova E. S. Yazy`k i znanie. M. Moskva: Shkola Yazy`ki russkoj kul`tury`, 2004.
6. Nacional`ny`j korpus russkogo yazy`ka: <https://ruscorpora.ru/>
7. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya. M.: Shkola Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996.
8. Shvedova N. Yu. Russkaya grammatika. T. 2. M.: Nauka, 1980.
9. E`lektronny`j resurs: <https://hahatushki.mirtesen.ru/blog/43926604718/Glyadelki>

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНИХ ШКОЛАХ КИТАЯ

© Янь Мэнцянь

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

mengqian0209@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассказывается об историческом развитии и текущей ситуации с преподаванием русского языка в средних школах Китая. Она начинается с истории развития преподавания русского языка и знакомит с длительной историей преподавания русского языка в Китае. В то же время дается представление о текущем развитии преподавания русского языка в средних школах современного Китая с точки зрения географического распределения средних школ с преподаванием русского языка, распределения учителей русского языка в средних школах и распределения учащихся средних школ, изучающих русский язык.

Ключевые слова: обучение русскому языку, русский язык в средней школе.

DEVELOPMENT OF RUSSIAN LANGUAGE IN CHINA'S SCHOOLS

Yan Mengqian

Post-graduate student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

mengqian0209@gmail.com

Abstract. This article introduces the historical development and current situation of Russian language teaching in schools in China. It starts from the history of the development of Russian language teaching and introduces the long history of Russian language teaching in China. At the same time, it gives an insight into the current development of Russian language teaching in schools in modern China in terms of the geographical distribution of Russian language schools, the distribution of Russian language teachers in schools and the distribution of Russian language students in schools.

Keywords: teaching Russian language, Russian language in school.

История обучения русскому языку в Китае насчитывает более 300 лет. В 1708 г. была основана первая в истории Китая школа

русского языка (俄罗斯文馆). С этого времени в Китае появились русские переводчики. В результате более тесных контактов с Россией русский язык становился все более распространенным, и в 1862 г. Русский литературный зал был включен в состав государственной многоязычной школы иностранных языков — Тунвэньгуань (京师同文馆). В связи с непрерывным развитием образования в Китае, в 1901 г. Тунвэньгуань был преобразован в Зал Пекинского университета, а в 1903 г. он был переименован в Зал переводов при Зале университета. Организация Зала переводов способствовала конкретизации дидактических целей в области преподавания русского языка, а также обеспечила формирование ценного педагогического опыта в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов-русистов. Данный период ознаменовал собой начальную стадию институционализации русистики в контексте китайской образовательной системы.

После завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайско-Восточной железной дороги в Китай приехало большое количество русских, и в начальный период XX столетия в зоне функционирования Китайско-Восточной железной дороги, обладавшей штатом квалифицированных педагогических кадров, начался процесс создания гимназий и начальных учебных заведений с русскоязычной образовательной моделью. Данные структурные преобразования стали ключевым фактором институционализации русскоязычного образования, определившим вектор развития школьного обучения на русском языке в китайских начальных и средних учебных заведениях в последующий исторический период. Для решения проблемы обучения русских детей, массово приезжавших в Китай, русские основали в Китае белорусские средние школы, под которыми подразумевались не белорусы, а русские и приверженцы Русской православной церкви, проживавшие в Китае. Обучение в белорусских средних школах основано на базовом образовании, где, помимо русского языка, изучаются основы других предметов. Для адаптации к жизни в Китае школа предлагает китайский язык и курсы, связанные с культурой и обычаями Китая. Для создания хорошей языковой среды и укрепления практических навыков владения языком школа не только предлагает курсы музыки и интересного чтения, но и нанимает иностранных преподавателей для преподавания русского языка, что повышает интерес учащихся к изучению русского языка. На модель преподавания рус-

ского языка в Китае большое влияние оказывает модель преподавания в русских средних школах.

До образования Китайской Народной Республики экономическое, культурное и дипломатическое взаимодействие между Китаем и Россией (СССР) интенсифицировалось, что способствовало расцвету русскоязычного образования. Знаковым событием в этом процессе стало введение преподавания русского языка в 1920 г. в Шанхайском институте иностранных языков, что ознаменовало новый этап в становлении русистики в Китае. А в 1930-е гг. перед китайскими читателями предстали некоторые произведения русской литературы: такие писатели, как Лу Синь (китайский писатель, оказавший большое влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века) и Ба Цзинь (китайский писатель и переводчик), которые дали китайцам представление о культуре и обычаях Советского Союза. В 1941 г. в Яньаньском университете была институционализована программа русистики при этом в учебном процессе применялись аутентичные русскоязычные пособия, отражавшие актуальные тенденции внутриполитического развития Китая и международной ситуации. Знаковым этапом стало официальное создание в 1944 г. первого специализированного лингвистического учебного заведения — Школы иностранных языков, где наличие специальных школ иностранных языков и официальных специальностей по русскому языку заложило основу для дальнейшего развития преподавания русского языка и подготовки выдающихся русскоязычных кадров, а также обеспечило последующее развитие русскоязычного образования в начальной и средней школе.

После образования Нового Китая и заключения дипломатического союза между Китаем и Советским Союзом русский язык стал самым необходимым для развития Китая, в связи с чем преподавание русского языка получило стремительное развитие. В 1949 г., чтобы удовлетворить потребность страны в русскоязычных кадрах, было принято решение о создании специализированной школы русского языка для подготовки выдающихся русскоязычных кадров. В октябре того же года в Пекине была официально основана школа русского языка, которая в настоящее время является Пекинским университетом иностранных языков. С этого момента началось развитие образования на иностранных языках в Новом Китае. По всей стране стали массово создаваться различные колледжи русского

языка, а в общеобразовательных университетах открывались факультеты русского языка и государственные кафедры русского языка, много прекрасных русскоязычных талантов отправлялось на учебу за границу для продолжения образования в Советский Союз. Данные преобразования привели к значительной активизации преподавания русского языка в системе среднего образования. В подавляющем большинстве средних школ были введены систематические курсы русского языка, которые активизировали мотивацию учащихся в познавательной деятельности.

Параллельно с формальным образованием в социально-культурном пространстве функционировали:

- 1) специализированные курсы переводоведения;
- 2) общедоступные языковые программы;
- 3) интенсивные подготовительные курсы.

Эта многоуровневая система в целом обеспечивала кадровые потребности государства в квалифицированных русистах в указанный исторический период.

Пиковый этап развития русистоведения в Китае сменился фазой стагнации в конце 1950-х гг., что было обусловлено изменением международной политической конъюнктуры.

Возрождение русистики в Китае стало возможным лишь в период политики реформ и открытости, когда произошла нормализация китайско-советских отношений. Данный исторический этап ознаменовал собой постепенное восстановление системы русскоязычного образования, которое, однако, развивалось ограниченными темпами в силу сложившейся внешнеполитической и образовательной конъюнктуры. В 1979 г. Министерство образования выпустило «Мнения об усилении развития образования на иностранных языках». Согласно данным директивам, русскому языку отводилась статусная роль в системе иноязычного образования КНР.

1. Преемственность в подготовке русскоязычных специалистов.
2. Селективное внедрение русскоязычных программ в ограниченном числе общеобразовательных учреждений.
3. Территориально-ориентированный подход с акцентом на приграничных с СССР регионах, где лингвистическая подготовка получила статус приоритетного направления.

Например, в Хэйлунцзяне, автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, русский язык должен быть приоритетным в колледжах и университетах, а также

должен стать основным направлением в преподавании иностранных языков, чтобы обеспечить колледжи и университеты отличными студентами, изучающими русский язык, подготовить профессионалов в области русского языка. В условиях государственной поддержки развития русистики в 1981 г. было учреждено Китайское общество по изучению преподавания русского языка. Данная научная организация систематически привлекает китайских преподавателей-русистов и российских специалистов к совместным исследовательским проектам, а также организует международные и региональные академические обмены в области русского языка. В 1985 г. Общество стало полноправным членом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, что ознаменовало переход преподавания русского языка в Китае на качественно новый этап развития.

После распада СССР китайско-российские отношения в политической, экономической, культурной и дипломатической сферах продолжали расширяться и углубляться. В период с конца 1980-х до середины 1990-х гг. наблюдался значительный рост интереса к изучению русского языка среди населения. Постепенно увеличилось число студентов, обучающихся на русскоязычных специальностях в колледжах и университетах, а также количество занятий по интересам к русскому языку вне кампуса. Преподавание русского языка в Китае пережило кратковременный период интенсивного развития, после чего вступило в фазу устойчивого комплексного совершенствования. Вузы продолжают готовить специалистов по русскому языку, а для удовлетворения потребностей социально-экономического развития начали изучать возможность подготовки комплексных русскоязычных кадров. В 2005 г. в российских образовательных учреждениях было введено преподавание китайского языка, позволяющее студентам изучать китайскую литературу и культуру. Параллельно в китайских учебных заведениях началось преподавание русского языка, литературы и культуры России. Такое взаимное языковое обучение создало благоприятные условия для развития русистики в Китае. В 2008 г. произошла активизация продвижения русского и китайского языков в обеих странах, что укрепило политические и образовательные основы для развития преподавания русского языка в КНР. Благодаря усилиям правительства страны образование на русском языке в Китае активно развивается и с каждым годом улучшается.

На текущий момент русский язык преподается в 67 средних школах, расположенных в 17 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. Наибольшая концентрация школ с преподаванием русского языка наблюдается в северо-восточном регионе (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин), где расположено 36% всех российско-язычных школ страны.

1. В провинции Хэйлунцзян русский язык преподается в 22 средних школах (32% от общего числа).

2. В провинции Цзилинь — в 1 средней школе (1,5% от общего числа).

3. В провинции Ляонин — также в 1 средней школе (1,5% от общего числа).

С географической точки зрения, Северо-Восточный регион, как регион, близкий к России, нуждается в большом количестве русскоязычных специалистов, участвующих в политических, экономических, культурных и дипломатических обменах с Россией. Подготовка русскоязычных учащихся должна начинаться со средней школы. Преподавание русского языка в средней школе является основой для колледжей и университетов. Автономный район Внутренняя Монголия, близкая к России провинция, также нуждается в большом количестве русскоязычных специалистов для обеспечения экономических, культурных и дипломатических обменов с Россией. В автономном районе Внутренняя Монголия насчитывается лишь 8 средних школ с преподаванием русского языка, что составляет 11% от общенационального показателя. Данное количество явно недостаточно для удовлетворения потребностей в русскоязычных специалистах. Примечательно, что хотя Внутренняя Монголия географически относится к Северному Китаю, на весь этот регион приходится только 17% русскоязычных школ страны. В то же время Пекин, столица Китая, должен быть лучше в плане развития образования и подготовки специалистов, но там есть только одна средняя школа с русским языком обучения, что полностью свидетельствует о том, что развитию образования на русском языке в средних школах Китая не уделяется должного внимания и его развитие все еще очень несовершенно. По сравнению с Северным Китаем, развитие среднего образования на русском языке в Восточном Китае относительно лучше: в трех провинциях и одном муниципалитете, непосредственно подчиняющихся центральному правительству. В системе среднего образования особо выделяется провинция Шаньдун,

где русский язык преподаётся в 16 школах — наибольшее количество среди всех регионов страны. Три школы в провинции Аньхой, одна в провинции Цзянсу, одна в муниципалитете Шанхая, который является ключевым районом политического, экономического и культурного развития Китая. Русский язык преподаётся в средних школах при Шанхайском международном исследовательском университете, что не позволяет удовлетворить спрос на русскоязычных специалистов. Количество средних школ с русским языком обучения в Восточном Китае составляет 30% от общего числа средних школ с русским языком обучения во всей стране. В Центральном Китае в провинциях Хунань и Хэнань имеется по 2 средних школы с русским языком обучения, что составляет 6 % от общего числа средних школ с русским языком обучения. В провинции Гуандун на юге Китая есть одна средняя школа с русским языком обучения, что составляет 1 % от общего числа русскоязычных средних школ в стране. На юго-западе Китая есть две провинции, где русский язык преподаётся в средних школах: Сычуань и Гуйчжоу, где в общей сложности пять средних школ, что составляет 8 % от общего числа школ страны. На северо-западе только в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в средних школах преподаётся русский язык, что составляет всего 2 процента от общего числа школ страны.

Что касается распределения русских учителей в средних школах, то 35% учителей русского языка в средних школах страны приходится на провинцию Шаньдун, 32% — на провинцию Хэйлунцзян, в остальных провинциях отмечается значительно меньшая доля преподавателей русского языка в средних школах. В целом по стране наблюдается острый дефицит учителей русского языка. В провинции Хэйлунцзян, являющейся ключевым регионом по преподаванию русского языка, в средних школах работает лишь 108 учителей русского языка — показатель ниже, чем в провинции Шаньдун. Ситуация свидетельствует о значительном дефиците преподавателей русского языка в системе среднего образования Китая, особенно в других провинциях и городах страны, за исключением Хэйлунцзяна и Шаньдуна. Учителя способствуют развитию образования и играют важную роль во всем учебном процессе. Поэтому недостаточное количество учителей русского языка в средней школе будет оказывать определенное влияние на развитие среднего школьного образования по русскому языку в Китае.

По последним данным, в китайских средних школах русский язык изучают свыше 30 000 учащихся. На провинцию Шаньдун приходится 42% от общего числа этих учащихся, тогда как провинция Хэйлунцзян составляет 20%. В целом, число учащихся средних школ с русским языком обучения в северном регионе больше и составляет 94% от общего числа учащихся средних школ с русским языком обучения в стране, в то время как учащиеся средних школ с русским языком обучения в южном регионе составляют лишь 6% от общего числа учащихся средних школ с русским языком обучения в стране. Северный регион имеет преимущество в виде выгодного географического положения, а учащиеся имеют определенное представление о русском языке, что также стимулирует интерес учащихся к изучению русского языка и способствует дальнейшему развитию преподавания русского языка в средних школах региона.

Литература

1. 高雷 栾新宇.白俄中学人才培养模式探究[J].黑龙江生态工程职业学院学报, 2013 (7) .
2. 胡学星.山东省中学俄语教育状况调研报告[J].中国俄语教学,2008(1).
3. 刘利民.新中国俄语教育六十年[M].光明日报, 2009 (9) .
4. 刘利民.以中俄“语言年”为契机推动我国俄语人才培养上新台阶[N].光明日报, 2009 (10)
5. 牛晓芳.素质教育与中学的俄语教学[J].内蒙古科技与经济,2002(3).
6. 束定芳.关于我国外语教育规划与布局思考[J].外语教学与研究, 2013 (5) .
7. 王金容.中国俄语教育的历史与现状探析[J].四川理工学院学报, 2010 (6) .
8. 王铭玉 孟霞.中学俄语教学的历史、现状与发展方略[J].中国首届“海峡两岸 俄语教学与研究学术讨论会”论文集, 2005.

References

1. Gao Lei, Luan Xinyu. Exploration of Talent Cultivation Mode in White Russian Secondary Schools. *Journal of Heilongjiang Ecological Engineering Vocational College*. 2013; 7.
2. HU Xuexing. Research Report on the Status of Russian Language Education in Secondary Schools in Shandong Province. *China Russian Language Teaching*. 2008; 1.
3. Liu Limin. Sixty years of Russian language education in new China. *Guangming Daily*. 2009; 9.

4. Liu Limin. Taking the “Year of Language” as an Opportunity to Promote the Cultivation of Russian Language Talents in China. *Guangming Daily*. 2009; 10.
5. Niu Xiaofang. Quality Education and Russian Language Teaching in Secondary Schools. *Inner Mongolia Science and Economy*. 2002; 3.
6. Shuang Dingfang. Reflections on the Planning and Layout of Foreign Language Education in China. *Foreign Language Teaching and Research*. 2013; 5.
7. Wang Jinrong. An analysis of the history and current situation of Russian language education in China. *Journal of Sichuan Institute of Technology*. 2010; 6.
8. Wang Mingyu, Meng Xia. History, current situation and development strategy of Russian language teaching in secondary schools. *Proceedings of the First Cross-Strait Symposium on Russian Language Teaching and Research*. 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Preface</i>	4
<i>Азаревич К. И.</i>	Вместо точки в устной речи: анализ функционирования дискурсивного маркера «вот» (на материале корпуса устной речи молодёжи)
	5
<i>Арыджан Дерья, Зорина Е.С.</i>	Предикативные посессивные конструкции в художественном тексте (на фоне перевода на турецкий язык)
	15
<i>Батонимаева Е. Г.</i>	Семантика цветообозначения <i>dkar</i> «белый» в тибетском языке
	25
<i>Будажанова С. В.</i>	Роль просодических средств и фоносистем в дискурсе-анализе прозы Оскара Уайльда: лингвистический и стилистический аспекты
	33
<i>Будаин А. А.</i>	Современные исследования диалектов бурятского языка: основные аспекты
	39
<i>Грищаченко М. Н.</i>	<i>Кто не работает, тот ...? О функционировании библеизмов в современном дискурсе</i>
	49
<i>Калиничева Ю.</i>	Жанрово-тематическое разнообразие устных форм компьютерно-опосредованного дискурса (на материале голосовых сообщений)
	59
<i>Качарян Ю. А., Саруханян М. Р.</i>	Структурно-неотмеченные военные жаргонизмы в английском и русском языках
<i>Магарамова Д. А.</i>	Речевые коннекторы с элементом <i>того</i> : корпусное исследование
	76
<i>Митренина О.М.</i>	Использование инструментов компьютерного зрения для исследования речи
	85
<i>Мишина В. И.</i>	Вздых как паралингвистический элемент устной речи: типология частотных употреблений в бытовых диалогах
	91
<i>Пушкарева Н. Г.</i>	Статистика редуцированных форм английского языка. Опыт наблюдения
	100
<i>Хеманта Сирусена</i>	Презентация «Русско-синегальского словаря» в Коломбо (Шри-Ланка)
	105
<i>Толмачева К. А.</i>	Сравнительный лексический анализ текстов рок- и поп-музыкантов (на примере текстов Тейлор Свифт и группы «Мьюз»)
	108
<i>Тумэнжаргал</i>	К вопросу о словообразовании в монгольском языке
<i>Хубракова И. В.</i>	Технология сбора и анализа данных
<i>Цыганкова А. В.</i>	Речевые средства эмоционального и психологического воздействия на пользователя в маркетинговой коммуникации: кейс «инфоцыганства»
	137
<i>Чжао Цзэли</i>	Лексические особенности русского монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев)
	147
<i>Чжан Вэньчжэ</i>	Роль вводных слов и оборотов как языкового способа выражения аппроксимации
	162
<i>Янь Мэнцян</i>	Развитие русского языка в средних школах Китая
	171

CONTENTS

<i>Предисловие</i>		3
<i>Preface</i>		4
<i>Azarevich Karina I.</i>	Instead of a period in the oral speech: the analysis of the discursive marker “vot” (on the material of everyday student conversations Russian speech corpus)	5
<i>Arıcan Derya,</i> <i>Zorina Ekaterina S.</i>	Predicative possessive constructions in a fiction text (against the background of translation into Turkish)	15
<i>Batonimaeva Elena G.</i>	Semantics of the color designation <i>dkar</i> "white" in the Tibetan language	25
<i>Budazhapova</i> <i>Sesegma V.</i>	The role of prosodic features and phonesthemes in discourse analysis of Oscar Wilde’s prose: linguistic and stylistic aspects	33
<i>Budain Aryuna A.</i>	Modern research of the Buryat language dialects: main aspects	39
<i>Gritsachenko Muza N.</i>	<i>Those who don’t work ...?</i> The functioning of biblicalisms in modern discourse	49
<i>Kalinicheva Yuliya</i>	Genre and thematic diversity of oral forms of computer-mediated discourse (based on voice message data)	59
<i>Kocharyan Yulia G.,</i> <i>Sarukhanyan,</i> <i>Margarita R.</i>	Structurally unmarked military jargon in English and Russian	70
<i>Magaramova</i> <i>Diana A.</i>	Speech connectors with the element <i>togo</i> : a corpus study	76
<i>Mitrenina Olga V.</i>	The use of computer vision systems for speech research	85
<i>Mishina Valeria I.</i>	Sigh as a paralinguistic element of oral speech: typology of frequent uses in daily dialogs	91
<i>Pushkaryova,</i> <i>Nadezhda G.</i>	Statistics of the English reduced word forms. Observation experience	100
<i>Hemanta Sirisena</i>	Presentation of “Russian-Singalese dictionary” in Colombo, Sri Lanka	105
<i>Tolmacheva Kristina A</i>	Comparative lexical study of rock and pop lyrics: a case study on Taylor Swift and Muse	108
<i>Tumenjirgal</i>	The issue of word formation in Mongolian language	120
<i>Khubrakova I. V.</i>	Data collection and analysis technology	129
<i>Tsygankova, A. V.</i>	Speech means of emotional and psychological influence on the user in marketing communication: the case of ‘marketing fraudster’	137
<i>Zhao Zeli</i>	Lexical features of the Russian monologue-story in a foreign language (based on the Russian speech of the Chinese)	147
<i>Zhang Wenzhe</i>	The role of introductory words and phrases as a linguistic means of expressing approximation	162
<i>Yan Mengqian</i>	Development of Russian language in China’s schools	171

Научное издание

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Сборник научных статей

Редактор Л. Д. Раднаева
Компьютерная верстка Л. Д. Раднаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Дата выхода 24.04.2025. Формат 60x84 1/16.
Уч.-изд. л. 8,73. Усл. печ. л. 10,57. Заказ 48.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
rio@bsu.ru